

→ ОБРАГ СМЕРТИ – ОБРАГ ПАМЈАТИ

ОБРАГ СМЕРТИ – ОБРАГ ПАМЈАТИ

СТИХИ
О БАБЉЕМ ЯРЕ

ОВРАГ СМЕРТИ – ОВРАГ ПАМ'ЯТИ

Книга первая

Мемориальный центр Холокоста «Бабий Яр»

СТИХИ О БАБЬЕМ ЯРЕ

Антология

К 80-летию
расстрела киевских евреев

Киев 2021

УДК 821.161.1/2

ББК 94.3

О-33

Концепція антології: *Павел Полян*

Составление и подготовка текста: *Павел Полян и Дмитрий Бурого*

Художник: *Мила Костяна*

О-33 Оврагсмерти–оврагпамяти. Стихи о Бабьем Яре. Антология. В 2-х книгах. Книга 1 / Сост.: П. Полян, Д. Бурого. Киев: Видавничий дім Дмитра Бурого – БО «БФ «Меморіал Голокосту «Бабин Яр», 2021. 296 с.

ISBN 978-966-489-595-5

ISBN 978-966-489-596-2. Т. 1

Киевский овраг Бабий Яр – одна из «столиц» Холокоста, место рекордного единовременного убийства евреев, вероломно, под угрозой смерти собранных сюда якобы для выселения. Почти 34 тысяч расстрелянных всего за полтора дня – 29 и 30 сентября 1941 года – трагический рекорд, полпроцента Холокоста! Здесь нашли свою смерть или могилу десятки тысяч советских военнопленных, коммунистов-подпольщиков, заложников, цыган, украинских националистов.

Первые стихотворные отклики на трагедию появились еще в 1941 году. Всего в антологию включено 133 стихотворений 95 авторов – на русском или на украинском языках, в том числе в переводе с идиша. Антология состоит из двух томов. Ядро первого – сами стихи, расположенные хронологически, предваряемые вводной заметкой и снабженные аннотированным алфавитом авторов и переводчиков. Второй том – приложение к первому – собрание эссе Павла Поляна о Бабьем Яре. Антология проиллюстрирована фотографиями и факсимиле архивных документов. Вольно или невольно, она служит своего рода эхолотом – как бы сейсмографом времени, навсегда сжатого в этом трагическом овраге.

Київський Бабин Яр — одна з «столиць» Голокосту, місце рекордного одночасного вбивства євреїв, підступно, під загрозою смерті зібраних сюди начебто для виселення. Майже 34 тисяч розстріляних усього лише за півтора дні — 29 та 30 вересня 1941 року — трагічний рекорд, піввідсотка Голокосту! Тут знайшли свою смерть та могилу десятки тисяч радянських військовополонених, комуністів-підпільників, заручників, циган, українських націоналістів.

Перші віршовані відгуки на трагедію з'явилися ще в 1941 році. Усього до антології включено 133 вірші 95 авторів — російською та українською мовами, в тому числі в перекладі з ідиш. Антологія складається з двох томів. Ядро першого складають самі вірші, розташовані хронологічно, їм передують вступна замітка і анотований алфавіт авторів і перекладачів. Другий том — додаток до першого — збірка есе Павла Поляна про Бабин Яр. Антологію проілюстровано фотографіями і факсиміле архівних документів. Свідомо чи несвідомо, вона служить свого роду ехолотом — нібито сейсмографом часу, назавжди замкненого у цьому трагічному яру.

BABYN YAR
Holocaust Memorial Center

Видання книги стало можливим за підтримки
Меморіального центру Голокосту «Бабин Яр»

ISBN 978-966-489-595-5

© Павел Полян и Дмитрий Бурого. 2021

ISBN 978-966-489-596-2. Т. 1

© БО «БФ «Меморіал Голокосту «Бабин Яр». 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Павел Полян</i>	
Об антологии.	12

1940-е

<i>Людмила Титова</i>	
«Никто не верил слухам о беде...»	28
«Приказ подкреплялся угрозой расстрела...»	28
«Они, как дети Гамельна, ушли...»	29
«Бабы, что вы сделали из Киева...»	29
Поминование (По дороге в Бабий Яр)	30
<i>Ольга Анстей</i>	
Кирилловские яры	31
<i>Юлия Нейман</i>	
Бабий Яр. Два года спустя	33
<i>Микола Бажан</i>	
Яр	34
<i>Володимир Сосюра</i>	
Бабин Яр	36
<i>Павло Тичина</i>	
Єврейському народові	38
<i>Василь Швець</i>	
«Не жалійся мені, не розказуй...»	41
<i>Олекса Ющенко</i>	
Бабин Яр	43
<i>Самуил Галкин</i>	
«В красной глине страшный ров...»	44
«Глубока яма, червона глина...»	45
<i>Лев Озеров</i>	
Бабий Яр	46
«Сегодня по Львовской идут и идут...»	47
«Я пришел к тебе, Бабий Яр...»	49
<i>Илья Эренбург</i>	
Бабий Яр	51
<i>Марк Бердичевский</i>	
На смерть друга	52

<i>Овсей Дриз</i>	
Воздушный шарик	53
<i>Яков Хелемский</i>	
«Никогда в этом городе не было пыли...»	54
Звезда	55
<i>Борис Чичибабин</i>	
Еврейскому народу	57
<i>Павел Антокольский</i>	
Невечная память	58
<i>Перец Маркиш</i>	
Отец	62

1950-е

<i>Овсей Дриз</i>	
Колыбельная для Бабьего Яра. Песня матери	68
<i>Евдокия Ольшанская</i>	
Баллада о матери	70
<i>Лев Озеров</i>	
Снова у Бабьего Яра	71
<i>Юрий Каплан</i>	
Автопортрет	72
Бабий Яр	72
<i>Арон Вергеліс</i>	
Хто міг мене вбити?	78

1960-е

<i>Евгений Евтушенко</i>	
Бабий Яр	82
<i>Риталий Заславский</i>	
«Я с Анной Франк сидел на чердаке...»	89
Бабий Яр	90
<i>Лев Озеров</i>	
«Говорят погибшие. Без точек...»	91
<i>Марк Шехтер</i>	
Бабий Яр	92
<i>Наталья Роведа</i>	
Бабий Яр	93
<i>Иван Драч</i>	
«22 червня 1966 року о 5 годині вечора...»	98
<i>Леонід Череватенко</i>	
«Ось аматорське фото...»	99
<i>Рива Балясная</i>	
«На меня надвигаются рвы...»	100

<i>Савва Голованівський</i>	
Вулиця Мельникова	101
<i>Абрам Кацнельсон</i>	
Балада про струни	103
<i>Ігор Муратов</i>	
Речитатив	104
<i>Ліна Костенко</i>	
«Я була маленька і стривожена...»	105

1970-е

<i>Александр Галич</i>	
«Уезжаете?! Уезжайте...»	110
<i>Леонід Первомайський</i>	
В Бабинім Яру	112
<i>Мойсей Фішбейн</i>	
Яр.	113
<i>Наум Коржавин</i>	
Поэма существования	115
<i>Шлойме Чернявський</i>	
«Промчалась страшная беда...»	127
<i>Риталий Заславський</i>	
«Я помню: мой дедушка плавал...»	128
Увозит меня эшелон...	129
<i>Дмитро Павличко</i>	
«Ходивши біля Бабиного Яру...»	134
«Край Бабиного Яру в небеса...»	135
<i>Натан Злотников</i>	
«Повисни надо мной, повисни...»	136
<i>Зельман Кац</i>	
На улице Мельникова	137
<i>Анатолий Лемьш</i>	
Семисвечник	138
<i>Шимон Розенберг</i>	
У Бабьего Яра (Из цикла).	139
<i>Микола Луків</i>	
У Бабиному Яру	141

1980-е

<i>Павел Грушко</i>	
Памяти Иосифа Грушко, моего деда	144
<i>Велвл Чернин</i>	
Это я	145

<i>Марк Межиборский (бен Галут)</i>	
Бабий Яр и Хатынь	146
<i>Исаак Чеповецкий</i>	
Бабий Яр	147
<i>Вениамин Блаженный</i>	
«Как говорил отец...»	149
<i>Александр Розенбаум</i>	
Бабий Яр	150
<i>Михаил Могилевич</i>	
Ханеле	151
У мамы	152
Мою маму не вбили	153
<i>Леонид Вышеславский</i>	
Самватас	154

1990-е

<i>Риталий Заславский</i>	
«И добрые, и злые, друзья или враги...»	158
«Собираются евреи у меноры...»	159
<i>Владимир Гутковский</i>	
«Долгий отблеск другого пожара...»	160
<i>Исаак Чеповецкий</i>	
Менора	161
<i>Дмитро Павличко</i>	
Бабин Яр. Реквієм.	162
«Над Бабиним Яром тополі...»	165
<i>Александр Матійко</i>	
Молились німці в Бабинім Яру	166
<i>Нателла Болтянская</i>	
Бабий Яр	167
<i>Роман Кофман</i>	
«Морозный жаркий полдень детства...»	168
<i>Юрий Каплан</i>	
Колесо обозрения	169
<i>Григорій Фалькович</i>	
Бабин Яр	173
<i>Юрий Каплан</i>	
Верлибр фотографии в Яд Вашеме	177
«Туже стягивает петлю...»	179
<i>Татьяна Чайка</i>	
Послание из Бабьего Яра	181
<i>Аркадий Рывлин</i>	
Я надпись читаю, которой нет...	183

Плач по нерожденному	184
Матросы в Киеве	184
Слепой старик	185
Раввин у Бабьего Яра	185
Сентиментальная баллада	186
Цветы	187
Раздумье о двух президентах. Стихи под фотографией Билла Клинтона в Бабьем Яре	188
<i>Соня Энгельман</i>	
Бабий Яр	190
<i>Юрий Каминский</i>	
Бабий Яр	191
<i>Яков Козловский</i>	
Случилось это в Киеве	192
<i>Геннадий Беззубов</i>	
«Нет кладбища, где погребён мой дед...»	194
<i>Геня Мазур</i>	
«Я смотрю отрешённо на склоны холма...»	195
<i>Яков Трубкин</i>	
«Я стою у обрыва могил незарытых...»	196
<i>Марк Хабинский</i>	
Памяти моей бабушки Цили	197
<i>Абрам Кацнельсон</i>	
Монолог онука	198
У Бабинім Яру	199
Київ. 29 Вересня. Бабин Яр	199
Балада про короткозорість	200
«І досі війна мені дивиться в вічі...»	200
«Мали їх прихистити у монастирі...»	201
«Не нашли...»	201
<i>Гелий Аронов</i>	
29 сентября	202
«Над кронами парка, над шумом бульвара...»	202
Парк имени Гагарина: бывшее еврейское кладбище	203
<i>Валентин Чудний</i>	
«У Судний день на тих, хто в тартарари...»	204
<i>Костянтин Дяченко</i>	
Бабин Яр	205
<i>Іван Драч</i>	
Київська легенда	206
Ще одна Фаустіана	208

2000-е

<i>Семён Заславский</i>	
Шабат шалом	214
<i>Шуламита Чепела</i>	
Бабий Яр	215
«Мальчишки на поляне мяч гоняют...»	216
<i>Алексей Зарахович</i>	
Память.	217
<i>Феликс Мамут</i>	
Бабий Яр	218
<i>Владимир Черепков</i>	
Бабий Яр	229
<i>Петро Осадчук</i>	
Всесвітня тривога	230
<i>Михайло Сіренко</i>	
Всесвітня рана	231
<i>Анатолій Камінчук</i>	
Бабин Яр	233
<i>Александр Коротко</i>	
Бабий Яр	234
<i>Ингвар Олафсон</i>	
Голокост	235
<i>Дмитро Міньковецький</i>	
«У Бабинім Яру стою над ровом...»	236
Прошу слово...	237
Розправа	238
<i>Дмитрий Бураго</i>	
Бабий Яр	239
<i>Людмила Клёнова</i>	
Бабий Яр	241
<i>Имануил Глейзер</i>	
Бабий Яр	242
<i>Леонид Вышеславский</i>	
Хрест Олени Теліги.	246
<i>Ян Торчинский</i>	
Плач над Бабьим Яром (Отрывок из поэмы)	247
<i>Павел Нерлер</i>	
Умань и Бабий Яр. Триптих	249
<i>Татьяна Левицкая</i>	
Бабин Яр	252
<i>Борис Брусиловский</i>	
Стучится в сердце Бабий Яр	253

<i>Давид Кладницький</i>	
Тревожна тишина над Бабьим Яром.	254
Бабий Яр	260

2010-е

<i>Леонід Череватенко</i>	
Медуза Горгона.	264
<i>Юрій Кутенін</i>	
13 Симфонія – Бабий Яр.	
Дмитрій Шостакович – Євгеній Евтушенко	266
<i>Борис Межиборський</i>	
Над Бабьим Яром ветры не шумят	268
<i>Ангеліна Соломко</i>	
Бабин Яр	269
<i>Євгеній Евтушенко</i>	
Сторож Змиївської балки.	270
<i>Александр Берлянт</i>	
Эпиграф	272
<i>Маріанна Кіяновська</i>	
Вибрані фрагменти з книги	
«Бабин Яр. Голосами»	273

2020-е

<i>Григорій Латник</i>	
«До Києва приїхали онуки...»	278
<i>Марк Вейцман</i>	
Лжепам'ятник	279
<i>Дмитрій Бураго</i>	
Моисей	280
Автори и переводчики	281

Яр – с кривыми краями, огромная рваная рана...

Юрий Каплан
(Бабий Яр. 1959)

*Нет, никто не вылепит нас заново из земли и глины,
И никто не в силах стать голосом нашего праха,
Никто!..*

Поль Целан
(Псалм, 1961, пер. П. Нерлера)

*а воробьи вокзальные кто понимает идиш
щебечут друг другу смотри смотри...*

Марианна Кияновская
(2016. Бабий Яр. Голосами. 2016. Пер. М. Галиной)

ПАВЕЛ ПОЛЯН ОБ АНТОЛОГИИ

Киевский овраг Бабий Яр – одна из «столиц» Холокоста, место рекордного единовременного убийства евреев, вероломно, под угрозой смерти собранных сюда якобы для выселения. Почти 34 тысяч расстрелянных всего за полтора дня – 29 и 30 сентября 1941 года: трагический рекорд, полпроцента Холокоста!

Бабий Яр – это архетип расстрельного Холокоста, отнявшего жизнь у миллионов евреев, это резиденция смерти, эпицентр запредельной отрицательной сакральности, своего рода место входа в Ад.

Это же делает Бабий Яр мировой достопримечательностью и общечеловеческой трагической святыней. Можно ли представить себе, чтобы в таком месте не возник прочный очаг исторической памяти?..

Тем не менее, такой мемориальный центр все еще не возник, хоть и минуло уже 80 лет, заполненных борьбой общества с государством за увековечение исторической памяти. Одним из главных символов и голосов этой борьбы еще в 1950-е годы стал Виктор Платонович Некрасов (17.4.1911, Киев – 3.9.1987, Париж), а ее главной ареной с самого начала стало искусство: на катастрофу откликнулись представители всех жанров – поэты, писатели, скульпторы, художники, композиторы, музыканты, театральные и кинорежиссеры.

И все же самыми первыми были поэты! Стихотворные отклики появились еще в 1941 году, когда ужас и отчаяние от произошедшего, когда скорбь по убитым ощущались из перспективы нахождения с убитыми в общем отрезке неостывшего времени.

Антологии-предшественницы

За прошедшие 80 лет о Бабьем Яре были написаны сотни стихотворений, внутренняя тематическая палитра ко-

торых невероятно расширилась. Некоторые из них подвигли композиторов и бардов на музыкальные переложения, но надо всем возвышаются – «Бабий яр» Евгения Евтушенко и Тринадцатая симфония Дмитрия Шостаковича.

Сорок лет тому назад – в 1981 году, к 40-летию расстрела в Бабьем Яре, – в Израиле, в Тель-Авивском издательстве «Мория», вышла первая подобная антология¹: появление такой книги в это время в СССР был еще непредставимо. Выпускающая организация – «Союз землячеств – выходцев из СССР», материалы собраны Киевским землячеством. Ответственный редактор – Е. Баух, технический – Р. Волицкая, автор фотографий – Г. Винницкий. Указаны и спонсоры: Фонд увековечения памяти жертв Бабьего Яра, Еврейское Агентство (Сохнут) и Министерство абсорбции Израиля².

Саму книгу точнее было бы определить не как антологию, а как хрестоматию с элементами антологии. Преобладают в ней очерки, письма и документы, но есть и стихи (Л. Озерова, И. Эренбурга, О. Дриза, Е. Евтушенко и И. Пинкерт (Пинкерт), а также проза И. Кипниса). Язык публикации – русский, отдельные вкрапления (например, стихотворения О. Дриза и И. Пинкерт) – двуязычны (на идише и по-русски).

Достаточно очевидно, что мотором издания был ее ответственный редактор. Ефрем Исаакович (Эфраим Эцхович) Баух (13.4.1934, Тигина, Румыния – 13.4.2020, Петах-Тиква, Израиль) – поэт, писатель, переводчик, журналист и общественный деятель. Возглавлял Федерацию союзов писателей Израиля, Израильский ПЕН-клуб и другие писательские союзы. Языки его литературного творчества – русский и иврит. Интересно, что в Киеве он никогда не жил и, если и был председателем Всеизраильского землячества, то выходцев из Молдавии. Перед вой-

¹ Бабий Яр / Сост. Киевское землячество выходцев из СССР. Отв. ред. Е. Баух. Тех. ред. Р. Волицкая. Фотографии Г. Винницкого. [Тель-Авив: Мориа], 1981. 172 с.

² Книга была переиздана в 1993 г., однако характер сделанных при этом изменений пока не уточнен.

ной родители жили в Бендерах, а в эвакуации – в Бальцере Саратовской области. Из Бендер, куда они вернулись, Ефрем перебирается в Кишинев, где, окончив геологический факультет Кишиневского университета, работал то геологом, то журналистом. С 1977 года – в Израиле, в Бат-Яме. Редактировал журналы «Сион», «Кинор» и «Слово писателя», печатался главным образом как поэт.

В 1991 году в Иерусалиме вышла другая хрестоматия: «Бабий Яр. К 50-летию трагедии 29, 30 сентября 1941 года» (на русском языке).³ Ее составителями и авторами сопроводительных текстов выступили Ш. Спектор и М. Кипнис. В книге три раздела: первый составили свидетельства палачей – выдержки из оперативных донесений айнзатцгруппы «С», второй – свидетельства жертв, а третий, литературный, проза (И. Кипниса) и стихи (И. Эренбурга, Л. Озерова и Е. Евтушенко).

Хрестоматией является и вышедшее в 1991 году в немецком Констанце 850-страничное и довольно хаотичное издание: «Шоа Бабьего Яра: Убийство немецкой зондеркомандо еврейского населения Киева в 1941 год. Вспоминая спустя 50 лет»⁴. Ее составитель, Эрхард Рой Вин, через газету «Вечерний Киев» обратился к киевлянам с предложением присылать ему любые материалы для этого, посвященного Бабьему Яру, тома. В итоге он сконструировал книгу-мозаику из статей, документов и, нередко, факсимиле архивных и печатных источников.

³ Бабий Яр. К 50-летию трагедии 29, 30 сентября 1941 года / Составители Ш. Спектор, М. Кипнис. Предисловие Ш. Спектора. Послесловие М. Кипнис. Обложка Т. Корнфельд. Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия», Общественный совет солидарности с евреями СССР, 1991. 183 с.

⁴ Die Schoah von Babij Jar: das Massaker deutscher Sonderkommandos an der jüdischen Bevölkerung von Kiew 1941; 50 Jahre danach zum Gedenken / mit Beitr. von Irina A. Choroschunowa u.a, sowie e. Dokumentation/ Hrsg. von Erhard Roy Wiehn. Konstanz: Hartung-Gorre, 1991. 851 S. Ее второе, видоизмененное и сокращенное издание, вышло в 2001 г. строго на немецком языке, в объеме, уже вчетверо меньшем, и уже без признаков антологии: Babij Jar 1941: das Massaker deutscher Exekutionskommandos an der jüdischen Bevölkerung von Kiew 60 Jahre danach zum Gedenken / E. R. Wiehn (Hg.). Konstanz: Hartung-Gorre, 2001. 204 S.

В 1991 году впервые вышла классическая поэтическая антология – «Эхо Бабьего Яра»⁵. Это 54 стихотворения 30 авторов, написанных на русском или украинском языках или переведенных на русский с идиша. Книга открывается четырьмя стихотворениями Людмилы Титовой – хронологически самыми ранними в ней, все остальные авторы и выстроены в алфавитном порядке. Некоторые стихи и архивные фотографии, иллюстрирующие книгу, опубликованы в ней впервые.

Мотором книги – ее инициатором, составителем, автором вступительной статьи и даже издателем – был поэт-«шестидесятник» Юрий Каплан (1938–2009). Выпускник Киевского Политеха, он работал в строительстве (прораб, начальник участка, завотделом треста). С детства писал стихи, а в конце 1950-х гг. написал поэму «Бабий Яр» и другие стихотворения о Холокосте, читал их в литературной студии «Молодь». Поэма разошлась в самиздате, а Каплана стало преследовать КГБ. Впервые поэма была опубликована только в 1989 году.

Одно время Каплан был заместителем председателя Национального союза писателей Украины, но в 2006 году вышел из него из-за обострившихся идеологических расхождений с коллегами-националистами. Он основал альтернативный Конгресс литераторов Украины, был его первым председателем⁶. Став в 1990 году президентом издательства «РИФ», Каплан первым делом издал через год названную антологию, причем огромным – 50 тысяч экземпляров! – тиражом.

А спустя 10 лет, в августе 2001 года, к 60-летию трагедии, в Киеве вышло сразу две новых антологии. Во-первых,

⁵ Эхо Бабьего Яра: Поэтическая антология / [Сост. и вступ. ст. Ю. Г. Каплана]. Киев: РИФ, 1991. 102 с., ил. Во вступительной заметке «Пусть такое не повторится на Земле» Ю. Каплан благодарит за поддержку Л. Озерова и Р. Заславского, а в подрисуночной подписи – редакцию газеты «Возрождение».

⁶ После смерти Каплана в 2009 году Конгресс учредил литературную премию его имени – «Каплантиду».

новое, дополненное, издание той, что составил Ю. Каплан: на этот раз более скромным тиражом (1000 экземпляров). Помимо стихов Ольги Анстей и других русскоязычных дополнений, Каплан добавил в нее и стихи о Бабьем Яре, написанные на украинском языке или же переведенные на него с идиша. Всего в книге представлено 77 стихотворений 52 авторов, выстроенных в алфавитном порядке. Украинский при этом стал титульным в библиографическом смысле: на обложке стояло – «Відлуння Бабиного Яру. Поетична антологія»⁷. Важный элемент книги – ее оформление: художник, Ирина Климова, использовала в нем рельефы старинных еврейских надгробий.

Предисловиями служили статья украинского писателя Ивана Дзюбы «Предостережение памяти» и стихотворение Марины Цветаевой «Евреям» («Кто не топтал тебя – и кто не плавил...», 1916), послесловием – заметка «От составителя» Юрия Каплана.

Выпускающим на этот раз стало издательство «Юг»⁸, в сотрудничестве с Институтом иудаики Киево-Могилянской академии. Спонсорами выступили Фонд содействия искусствам (Анатолий Толстоухов, его председатель, написал приветственное слово), Еврейский фонд Украины и «Джойнт».

Второй антологией 2001 года стала книга, озаглавленная: «Бабин Яр – у сердце. Поезія» («Бабий Яр – в сердце. Поэзия»). Библиографически и оформительски она так же, как и антология «Эхо Бабьего Яра», украиноцентрична, а тематически – так же простирается на весь Холокост: *«Сборник выходит за рамки темы Бабьего Яра. Он многопланово отражает трагическую судьбу евреев в годы войны – от Освенцима до безвестного украинского села.*

⁷ Відлуння Бабиного Яру. Поетична антологія / Редактор-составитель, автор предисловия Ю. Каплан. Изд-е 2-е, дополненное. Киев: Юг; Институт иудаики. 2001. 176 с., ил.

⁸ Между издательствами «РИФ» и «Юг» существовала определенная связь, коль скоро оба они в 2003 г. сообща выпустили такую книгу: Рот Й. Гебреї у мандрах [Текст] / Пер. з нім. І. Андрущенко. Киев: РИФ: Юг, 2003. 84 с.

К ним, ушедшим навсегда, обращаются наши авторы. Всех их объединяет скорбь по безвинно погибшим: детям, старикам, женщинам, военнопленным, людям всех национальностей, закончившим свой земной путь в зловещих бабьих ярах. Бабий Яр стал символом величайшей трагедии моего народа. Его не вычеркнуть из памяти потому, что он – в сердце»⁹. И даже тираж у нее такой же – 1000 экземпляров.

Но ее авторский коллектив существенно больше, чем у Каплана: 135 стихотворений 80 авторов, включая и переведенные на русский язык с немецкого стихи П. Целана или с польского, – М. Кани. Спонсорами выступили Еврейский совет Украины и созданная в 1999 году Еврейская конфедерация Украины.

В этом случае мотором издания – в ипостасях редактора-составителя и автора сопроводительных текстов послужил едва ли не самый яркий киевский еврейский пассионарий постсоветского времени – Илья Михайлович Левитас (11.12.1931, Ташкент – 3.8.2014, Киев). Историк, журналист, педагог, спортсмен, общественный деятель, главный редактор еврейской газеты. Он же создатель и глава Еврейского совета Украины, Совета национальных обществ Украины, фондов «Память жертв фашизма в Украине», «Память Бабьего Яра» и фонда Шолом-Алейхе-ма. Первыми двумя фондами более чем 4000 украинцев и представителей 13 других национальностей, в годы войны спасавших евреев, было присвоено звание Праведника.

Сам Левитас, уроженец Ташкента, переехал в Киев только в 1945 году. С 1952 по 1992 гг. он работал учителем русской литературы и физического воспитания. Еще в советское время он стал отличником народного образования Украины (1978), отличником физкультуры и спорта СССР (1983), заслуженным работником культуры Украины (1991). В 1979 году в киевской средней школе

⁹ Бабин Яр – у серці. Поезія / Ред.-сост. И.М. Левитас. Художник Е.Ю. Воевода. / Еврейский совет Украины, Фонд «Память Бабьего Яра». Киев: Головна спеціалізована редакція літератури мовами національних меншин України, 2001. 256 с. Здесь: С.б.

№ 146 он организовал сразу три школьных музея – «Великой Отечественной войны», «Русской литературы» и «Олимпийской славы»

Но главным объектом кипучей энергии Левитаса была еврейская тема. В 1988 году он организовал в Киеве первую в СССР государственную еврейскую библиотеку, в 1989 – Общество еврейской культуры Украины (в 1992 году вошло в состав Еврейского совета Украины), а в 1990 – общество «Украина-Израиль».

В 1991 году, к 50-летию расстрела в Бабьем Яру, по инициативе Левитаса был открыта «Менора» – памятник, профинансированный Сохнутом и Джойнтом. Заложенная таким образом серия «еврейских» памятных знаков вокруг Бабьего Яра продолжилась памятниками уничтоженным детям (2001) и подпольщице Татьяне Маркус (2009), а также памятным знаком «Дорога смерти» (2011). Он автор и организатор первой в СССР выставки о Холокосте – «Бабий Яр» (1997), а также выставок «Еврейский народ в Великой Отечественной войне» (1988), «Праведники Бабьего Яра» (1992) и «Дети Бабьего Яра» (2011).

Он же, Левитас, инициировал открытие в Киеве мемориальной доски, памятника и музея Шолом-Алейхема, а кроме того – мемориальных досок таким киевлянам, как премьер-министр Израиля Голда Меер, писатель Д. Гофштейн, музыканты Н. Рахлину и И. Шамо и врач Б. Сигалов. Он добился присвоения Т. Маркус и освободителю Аушвица капитану А. Шапиро (2006) звания Герой Украины и награждения 424 Праведников Бабьего Яра и Украины орденом «За заслуги» (2006 и 2008).

В 1989 году Илья Михайлович основал Совет национальных обществ Украины при Президенте Украины, объединивший более 300 местных организаций 41 национальностей, в 2001–2003 гг. он был его председателем. Он входил в Совет по вопросам языковой политики при Президенте Украины и основал два Всеукраинских фестиваля – «Все мы дети твои, Украина!» и «Шолом, Украина!».

Начиная с 1991 года, в Киеве выходит всеукраинская газета «Еврейские вести», редактировал ее Илья Левитас. Он

же – автор и составитель десятков книг и сотен статей по истории еврейского народа, в т.ч. 12 книг о трагедии Бабьего Яра, среди них «Еврейской военной энциклопедии», «Книги памяти Бабьего Яра», «Книги памяти евреев-киевлян, погибших в Великой Отечественной войне» и др. В антологии «Бабий Яр в сердце» вошло два его текста – предисловие составителя (с.5-6) и «Евгений Евтушенко. Истории одного стихотворения» (с.67-72-), где Левитас раскрывает свое отношение к «Бабьему Яру» Евтушенко и вспоминает его вечер в Политехническом в сентябре 1961 года, на котором поэт – впервые в Москве – прочел на публике эти стихи.

После 2001 года работа над новыми антологиями прервалась на два десятилетия. В то же время критическая масса публикаций и изданий смежного рода продолжала накапливаться. Так, в 2009 году на портале «Стихи.ру» возник сайт Аркадия Белкина «Заметки о трагедии Бабьего Яра»¹⁰, притянувший к себе множество стихов, главным образом новонаписанных.

В 2012 году в Москве вышла своеобразная – как бы автороцентричная! – антология стихов Евгения Евтушенко о Холокосте, названная им, вопреки ожиданиям, не громкой автоцитатой, а строчкой из знакомого ему с юности стихотворения Льва Озерова – «Я пришел к тебе, Бабий Яр...»¹¹.

В 2019 году вышла книга Александра Берлянта «Мой талисман», один из разделов которой, «Бабий Яр», собственно, ничто иное как избранная им по своему вкусу коллекция стихов о Бабьем Яре, переложенных размышлениями и комментариями, часто оценочными¹². Александр Михайлович Берлянт (р. 9.10.1937, Москва) участвует в этой антологии и как поэт. Доктор географических наук, профессор Географического факультета МГУ, где он на протяжении 45 лет преподавал картографию и 20 лет заведовал

¹⁰ В сети: <http://www.stihi.ru/2009/08/02/5957>

¹¹ Евтушенко Е. Я пришел к тебе, Бабий Яр... История самой знаменитой симфонии XX века. М.: Текст, Книжники, 2012. 141 с.

¹² С.32-94. См. о нем в Алфавите авторов и переводчиков.

кафедрой картографии. Автор более 500 научных работ, в т.ч. более 30 учебников, монографий, атласов, справочников и словарей. Лауреат Золотой медали Русского географического общества (1999), Анучинской (1980) и Ломоносовской премий (1990), заслуженный деятель науки РФ (2002). Автор идеи геоиконики – общей теории геоизображений, сочетающей картографию, дистанционное зондирование и геоинформатику. С 2009 года он живет в Канаде. В интернет-издательстве Franc-Tireur (США) Берлянт выпустил несколько книг – поэтические сборники («Стихи», 2012 и «Шестиконечные стихи», 2017), воспоминания («Пережитое», кн.1-3: 2012, 2014 и 2015) и сборники эссе: в частности: «Кто сей народ? Еврейская тема в русской поэзии» (2017, 2019) и упомянутый уже «Мой талисман. Очерки о русской поэзии. Пережитое, кн.5» (2019).

Каплан, Левитас, Евтушенко, Белкин и Берлянт – своего рода «праведники рифмы и памяти», посвятившие частицы себя сбору и сбережению того, что о Бабьем Яре имела сказать поэзия.

Источники и составительские принципы

В своей работе над этой антологией составители – и, разумеется, с большой благодарностью! – опирались на все указанные выше книги-предшественницы. Именно они, бесспорно, стали главными источниками наполнения этой. Кроме них, важным подспорьем послужили упомянутый сайт Аркадия Белкина «Трагедия Бабьего Яра» и многочисленные находки в книгах, архивах и в интернете.

Отмечу, что по ходу разысканий однажды я встретился с указанием на произведение, – причем довольно раннее, написанное в 1949 году, – разыскать которое не удалось. Это поэма «Бабий Яр» Романа Александровича Левина (1930-?) – единственного еврея, уцелевшего в Брестском гетто¹³.

¹³ Он же – «мальчик из гетто» из повести Сергея Смирнова «Брестская крепость».

Концепция, предложенная Павлом Поляном, существенно отличается от концепций книг-предшественниц. Как и они, настоящая антология двуязычна, то есть состоит из стихотворений на русском и украинском языках, включая переводы с идиша на эти языки.

Кардинальное отличие – в отказе от алфавитного принципа композиции книги в пользу хронологического. Весь поэтический корпус распределен по разделам-десятилетиям (декадам), причем и внутри разделов по возможности выдерживается тот же принцип. Выдержать его не всегда просто, если вспомнить, что многие стихотворения не имеют авторской датировки.

Авторские даты и составительские датировки даются курсивом, причем датировки – в косых скобках, а в случае сильной неуверенности – еще и с вопросительным знаком в прямых скобках.

Вольно или невольно, но антология стихов о Бабьем Яре служит своего рода эхолоотом, как бы сейсмографом времени. В свете этого главной целью составителей было собирание характерных, типологических стихов – не обязательно шедевров, но и за рамками очевидной графомании.

Тематически антология посвящена трагедии именно Бабьего Яра. Стихотворения, посвященные другим очагам Холокоста – этим, по выражению Е. Евтушенко, «сестрам Бабьего Яра» (например, Дробицкому яру в Харькове или Змиевской балке в Ростове), – в нее не включены, если только в них нет отсылки и к Бабьему Яру. Как правило, за бортом оставались и стихи, посвященные Холокосту в целом.

Композиция антологии, претерпев некоторые трансформации по ходу работы, в итоге такова.

Она состоит из двух томов. Первый – ее ядро: основной поэтический корпус. Источники текста, как правило, не указываются. Заслуживают быть особо отмеченными лишь две текстологические новации: 1) строка «Насилует лабазник мать мою...» (вместо «Лабазник избивает мать мою») в стихотворении Е. Евтушенко «Бабий яр» дается по позднейшим авторским читкам и 2) три стихотворения Л. Озерова 1944-1945 гг. даются по авторизованной ма-

шинописи сборника «Ливень» РГАЛИ. Ф.1580. Оп.1. Д.73. Л.19-26).

Корпус предваряется настоящей вводной заметкой. Вслед за ним идет аннотированный и иллюстрированный алфавит авторов, в который включены и переводчики с идиша.

Второй том – послесловие и комментарий. Его название – «Гулкое эхо». Его составили эссе Павла Поляна о Бабьем Яре как об историческом феномене, объекте политики памяти и своеобразном вдохновляющем ресурсе, порождающем посвященные ему стихи и другие произведения искусства.

Антология проиллюстрирована различными фотографиями и факсимиле архивных документов; разысканные фотографии авторов антологии использованы в оформлении алфавита авторов.

И, наконец, о правовом аспекте.

Антология – это место заочной встречи около сотни авторов из самых разных мест и самых разных возрастов, некоторые из них уже умерли, оставив или не оставив наследников и правообладателей. У всех тех, с кем (или с чьими наследниками-правообладателями) составителям удалось установить личный контакт, получено любезное согласие на публикацию их произведений.

Что касается остальных – тех, кого или чьи следы разыскать нам, увы, не удалось, составители очень рассчитывают и на их благожелательное отношение к участию в этой книге.

Параметры антологии

В антологию включено 133 стихотворения 95 авторов, представлены 10 переводчиков с идиша. Некоторые поэты (Л. Озеров, О. Дриз, Я. Каплан, Е. Евтушенко и др.) запечатлелись не в одной, а в нескольких декадах.

Беглый подекадный обзор говорит о двух пиках творческой активности.

Первый – это 1940-е годы, когда 16 авторами было написано более 20 стихотворений, две третьих из них – по-русски.

Этот пик 1940-х гг. сменился четверным падением в 1950-е гг.: в эту декаду, как и в 1980-е гг., стихов по-украински окажется даже меньше, чем переводов с идиша. Украинские поэты активизировались в 1960-е и 1970-е гг., когда между ними и русскими поэтами наблюдался фактический паритет. В 1980-е гг. поэтическая активность начала расти, и почти исключительно за счет русских стихов.

Взрывной всплеск внимания к Бабьему Яру произошел в 1990-е гг., когда количество посвященных ему стихов почти вдвое превзошло результат 1940-х гг. Это связано как с круглой юбилейной датой – 50-летием расстрела в 1991 году, так и с распадом СССР, раскрепостившим творческий дух, снявшим табу с темы Холокоста, выравнившим цензурный поводок у государства и избавившим всех опасных от страха самовыражения.

Зато, кажется, сошел с дистанции идиш: если в 1941 году на нем говорило подавляющее большинство жертв и уцелевших, то после 1990 года переводы уже не встречаются, – и, кажется, не потому что оригиналы не переводились, а потому что не писались.

Спасибо!

От имени составителей антологии сердечно благодарю Елену Арбузову, Виктора Белкина, Якова Бердичевского, Константина Дроздова, Марию Евтушенко, Марию Класен, Инну и Ирину Ковальчук, Алексея Макарова, Анну Озерову, Софию Полян, Светлану Семакову, Габриэля Суперфина, Леонида Терушкина, Елену Чибисову, Сергея Чупринина и Лию Штанько за всестороннюю и систематическую помощь при ее подготовке, а также Евгения Берковича, Юлию Волохову, Аркадия Зельцмана, Яну Златкис, Юрия Ковальского, Александра Круглова, Аллу Латынину, Александра Лейзеровича, Александра Михайлова, Игоря Петрова, Александру Полян, Владимира Радзишевского, Сергея Соловьева, Арона Шнеера и Марию Шустову – за сообщенные ими ценные сведения.

Павел Полян

**ВІДЛУННЯ
БАБИНОГО ЯРУ**
ПОЕТИЧНА АНТОЛОГІЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

ЭХО БАБЬЕГО ЯРА

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ, Бабий Яр...

Ев. Евтушенко

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Маріанна Кіяновська

Бабин Яр. Голосами

ДУХ І ЛІТЕРА
2017

Редколегия киевской газеты «Возрождение»,
одного из инициаторов издания антологии.
Справа налево: Юрий Каплан,
Анатолий Гельман, Илья Левитас

1940-e

ЛЮДМИЛА ТИТОВА

Из цикла В ПЛЕНУ (1941–1943)

Никто не верил слухам о беде,
Всю ночь кошмарил город, и в кошмаре
Рождался новый трудный, трудный день
И задышался в копоти и гари.
Над городом стояла тишина,
Стеной стояли серые солдаты,
И чья-то участь в этот день проклятый
Была бесповоротно решена.

1941

Приказ подкреплялся угрозой расстрела,
Они покорились, но их расстреляли,
В те ночи свеча ни одна не горела,
Кто мог, уходил и таился в подвале.
И спрятались в тучи и звёзды, и солнце
От нашего слишком жестокого мира,
Покуда баварцы, покуда саксонцы,
Стреляя по окнам, врываются в квартиры.
Стучали прикладами в двери и стены,
Ломились в театры, дома и музеи,
Смеялись, как лошади, и неизменно
Горланили хором не в лад «Лорелею»...
Её утащили у Генриха Гейна,
Как брали хорошую вещь у еврея,
Ее утащили у синего Рейна,
И пели, от водки и крови зверея.

1941

Они, как дети Гамельна, ушли,
Ушли под землю, канули, как в воду,
Исчезли навсегда в глухой дали
С глухим и страшным сорок первым годом.
Глазами обречёнными глядят,
Убогие котомки за плечами...
И длится это шествие в молчаньи
Под лающие окрики солдат.

1942

Город превратили в зондерхаус!
В пепле Киев... Что вам до судьбы его?
Что вам и кровавый Яр, и хаос?
Что вам тень девчонки-заговорщицы,
Той, на фонаре, напротив рынка?
Лишь порой одна из вас поморщится:
Казни были – это не в новинку.
Вы резвитесь на руинах Киева
С теми, кто вчера чинил расправу,
И для нас теперь совсем чужие вы,
А для них вы только зондерфрау.

1942

ПОМИНОВЕНИЕ (По дороге в Бабий Яр)

Кто безучастен, кто волнуется,
Приказ неясен и жесток...
Она идет по грозной улице,
Ребенка кутая в платок.

В какой-то миг судьба проклятая
Чуть приоткрылась ей одной.
Я здесь. Я чья-то провожатая.
И говорит она со мной.

Быть может, мучиться недолго нам,
И что нас ждет, и где исход?
Как тяжело на земле оболганным,
Из века в век, из года в год!

Нескладно что-то отвечала я,
Все это в давнем далеке.
Но помню – злая, одичалая –
Мадонну в траурном платке.

Прости, страдальца, прости меня
За то, что столько лет молчу.
Ведь я не знала даже имени.
Что я могу? Зажечь свечу?

1942

ОЛЬГА АНСТЕЙ

КИРИЛЛОВСКИЕ ЯРЫ

1.

Были дождинки в безветренный день.
Юностью терпкой колот терновник.
Сумерки и ковьялющий пень,
Сбитые памятники, часовни...
Влажной тропинкой – в вечерний лог!
Тоненькой девочкой, смуглой дриадой –
В тёплые заросли дикого сада,
Где нелюбимый и верный – у ног!..
В глушь, по откосам – до первых звёзд!
В привольное – из привольных мест!

2.

Ближе к полудню. Он ясен был.
Юная терпкость в мерном разливе
Стала плавнее, стала счастливей.
Умной головкою стриж водил
На меловом горячем обрыве.
Вянула между ладоней полынь.
Чебрик дышал на уступе горбатом.
Шмель был желанным крохотным братом!
Синяя в яр наплывала теплынь...
Пригоршнями стекала окрест
В душистое из душистых мест.

3.

Дальше. Покорствуя зову глухому,
На перекрёсток меж давних могил
Прочь из притихшего милого дома,
Где у порога стоит Азраил, –
Крест уношу, – слезами не сытый,
Смертные три возносивший свечи,

Заупокойным воском облитый,
Саван и венчик выдавший в ночи...
Будет он врыт, подарок постылый,
Там, в головах безымянной могилы...
Страшное место из страшных мест!
Страшный коричневый скорченный крест!

4.

Чаша последняя. Те же места,
Где ликовала дремотно природа –
Странному и роковому народу
Стали Голгофой, подножьем креста.
Слушайте! Их поставили в строй,
В кучки пожитки сложили на плитах,
Полузадохшихся, полудобитых
Полузаваливали землёй...
Видите этих старух в платках,
Старцев, как Авраам, величавых,
И вифлеемских младенцев курчавых
У матерей на руках?

Я не найду для этого слов:
Видите – вот на дороге посуда,
Продранный талес, обрывки Талмуда,
Ключья размытых дождем паспортов!
Чёрный – лобный – запекшийся крест!
Страшное место из страшных мест!

Декабрь 1941

ЮЛИЯ НЕЙМАН

БАБИЙ ЯР. ДВА ГОДА СПУСТЯ

Травы цепляются за песок,
Крючась, как пальчики за висок.
Лунным пейзажем – черен и бел –
Выем ложбины. Овраг на ней.
Склонов мертвокрошащийся мел.
Угольная чернота теней.

Были ведь звуки в ложбине той?..
Ветер шнырял по кустам вокруг...
Мне же она – сплошной немотой,
Будто тогда в ней убили звук.
Будто стенания, крики, бред
Падающих, свергаясь вниз,
В дикую немоту слились,
В ужас беззвучия. В белый цвет.
Доглуха, добела выжжен след.

Конец 1943

МИКОЛА БАЖАН

ЯР

Руді провалля, глинища зелені,
Завалений зотлілим сміттям рів.
Жахаючись, вривається в легені
Зловіщий вітер ржавих пустирів.

Не бліднути, не скніти, не здригатись –
Стоять, як суд! Як войовник стоять!
Замало клять, щоб ними присягатись,
Щоб проклинати – не стає проклять.

Звичайний яр, брудний і неохайний,
Тремтливі віти двох блідих осик.
Ні, це не тиша! Незгасимий крик,
Ста тисяч серць, предсмертний крик одчайний.

Сріблястий попіл спалених кісток.
Людського лоба тріснутий шматок.
Розпались яру здвигнуті укуси.
Позвуть із ями золотисті коси –

В землі не скрилось, тліном не взялось
Витке і ніжне золото волось.
Блищить на мокрій твані крутоярів
Розбите скло старечих окулярів.

І дотліває, кинутий на бік,
Закровлений дитячий черевик.
Зарито в землю, втоптану у глину
Жахливий слід стотисячного тліну;

Слизький і жирний замісився глей
Розкришеними рештками людей.

Це тут ревіли вогнища багрові,
Це тут шкварчали нафти ручаї,
І в трупах жадно рилися палії,
Шукаючи скарбів на мертвякові.

Тяжкий, гнітучий і нестерпний дим
Підносився над моторошним яром.
Він дихав смертю, він душив кошмаром,
Вповзав в доми страховищем глухим.

Багровочорні сполохи блукали
По занімилій від жаху землі,
Кривавили злим відблиском квартали,
Бруднили житель київських шпилі.

І бачив люд з своїх скорботних сховищ,
Як за вінцем кирилівських будов,
За тополями дальніми кладовищ
Горіла страшно їхня плоть і кров.

Могильний вітер з тих ярів повіяв –
Чад смертних вогнищ, тіл димучих згар.
Дивився Київ? гнівнолиций Київ,
Як в полум'ї метався Бабин Яр.

За пломінь цей не може бути покути.
За погар цей нема ще міри мсти.
Будь проклят той, хто звабиться забути!
Будь проклят той, хто скаже нам – «прости»!

1943

ВОЛОДИМИР СОСЮРА

БАБИН ЯР

Сюди водили їх і ставили підряд, –
і чужоземна гавкала команда...
Розстрілювали їх «во славу фатерлянда»,
і падали вони, сестра, і друг, і брат,
і падали вони: коханий і дружина,
і мати, й дитинча, бабуся й дід сумний,
без крику, мовчки всі... Свята їх смерть невинна,
як пам'ятник в віках, безсмертний, краю мій!
Їх тисячі лягло у Бабин Яр глибокий,
і трамбували їх у тім яру, кати...
топтали їх тіла... Ридали хмари: «Доки?»...
Схиляли злякані голівоньки цвіти,
і сльози капали з леліток їх криваві,
на землю стерзану, де йшли в останній раз
безсмертні смертники... І шепотіли трави:
«Вони пішли на смерть, бо так любили нас,
упали, як один, вони у тьму могили,
розстрілювали їх сліпі потвори мли,
за те, що небо це і землю цю любили,
що вірними тобі, Україно, були!»...
Щоб злочин свій страшний од кари заховати,
руками бранців їх знов витягли на світ
і склали з трупів їх високії кагати
і віддали вогню... Вітчизни рідний цвіт,
як тяжко ти горів, як линув дим од тебе,
на Куренівку, вдаль, і виснув над Дніпром,
і припадав до трав, і підіймався до неба,
як грізний велетень з нахмуреним чолом...
Він линув все на Схід, туди, де бою згуки,
все ближче до Дніпра зітхали і гули,
він простягав братам криваві й довгі руки,
до помсти кликав їх... і йшли брати, і йшли
по трупах ворогів, а дим стелився низько,

їм припадав до рук і плечі цілував,
і повертався назад, крізь залпів гострі блиски,
і в небі звивами, неначе малював:
«Вони вже близько, йдуть... Катам за наші муки
вони відплатять так, що і не снилось їм!»
І простягав в громах на захід гнівні руки,
з прокляттям на вустах од жертв невинних дим...
І сталося так, брати, як марили ми з вами,
він знову вільний, наш золотоверхий рай,
наш Київ дорогий!.. Я зрошую сльозами
холодні ті стежки, де вів вас ворог злий,
брати мої святі і сестри кароокі!..
за вас ми вже мстимось і смерті смерть несем...
Вони вас кинули у Бабин Яр глибокий,
а ми в безодню їх до одного зметем...
Од страдників вони святий лишили попіл,
Розвіяний в вітрах, він чорними сльозами
Україну оросив і на поле Європи
рясним дощем упав, як знак, що скоро тьми
не буде вже ніде, що кара невблаганно
на голови катів обрушує свій меч,
і меч тримають той, в бою разом із нами
замучені брати... Вже слуха крик утеч
мій край, де рідна кров з могил крізь землю біла,
де смерті таборів лишилися дроти,
й руїни наших міст, і сел сумні могили,
і тіні од людей, і зірвані мости...
Ми знайдемо усіх, хто кров точив дитячу,
Хто бабиних ярів лишив страшні ряди,
де й досі ще вітри над нами в тузі плачуть,
і плач той у віках не змовкне назавжди.
Сюди водили їх... В сльозах мое обличчя...
А Бабин Яр мовчить, тривоги повний вщерть,
і попіл страдників у серці стука й кличе
нас, іменем життя, попраги смертю смерть!

15 грудня 1943

ПАВЛО ТИЧИНА

ЄВРЕЙСЬКОМУ НАРОДОВІ

Народ єврейський! Славний! Не втішай тебе я хочу. Кожен хай тут слуха: в цей час, коли синам твоїм вмирать прийшлося від фашистського обуха, – я хочу силу, силу оспівать – безсмертну, вічну силу твого духа!

Вона родилась ще давно, – тоді,
як був ти нерозсіяним і цілим.
Буяли в тобі сили молоді!
І розцвітав цвітастий шлях, як килим...
Та ось підкрався ворог – і в біді
ти голубом забився сизокрилим.

Ах, голуб, голуб!.. Образ він душі
твоеї був колись...Але як стався
той злам, коли і ниву й спориші
тобі стоптали й ти не покорявся
врагу, а кинув поклик «сокруши!» –
то образ голуба на сокола змінявся.

О, скільки раз в середньовіччі ти
скорятись не хотів ні королеві,
ні героцогам! Й було не страшно йти,
коли звучали голоси сталеві:
і Ібн-Габірола із темноти,
і Езри, й Іуди мужнього Галеві!

А в дев'ятнадцятий суворий вік –
ой, скільки від царів ти настраждався!
«Єврей? – сміялись: – це ж не чоловік
і не людина». І в колючках слався

твій шлях, – і шлях, здавалось, вже зник...
Аж тут Шолом-Алейхем засміявся!..

Цей сміх, мов нерозгризений оріх,
все на царів котивсь, котивсь... Лиш згодом,
як розкотився він по стежках всіх
далеко й опинився між народом, –
царі тривогу вдарили. Та тих
не вбить, в яких життя кипить під сподом...

Життя усіх нас красно розцвіло
лише в безсмертнім Жовтні. Вічно слався
свободи час, коли тирана зло
повержено! Й єврей тоді назвався
бійцем. За волю скільки їх лягло! –
між них і Ошер Шварцман красувався...

Красується ж і зараз він. Слова
його нам: «Югент, югент» – так потрібні!
О, молодість! Ти молодість нова
єврейського народу! Непохибні
шляхи твої тепер. Душа жива
за Правду дзвонить людям в дзвони срібні...

Але ж на Заході – твої брати
і сестри в кігтях звіра-людоїда
ще тяжко мучаться. О, де знайти
тих слів, щоб висловить: яка огида
проймає нас до нього! Не гніти,
проклятий! Правда встане вогневида!

Вона поборе! Правда вже встає!
І там, де греки, серби і хорвати,
виковується гнів. Вже виграє
сурма для помсти. Доки ж, доки ждати?
Чи мо' хай душоуб усіх уб'є? –
Повстанцям час до битви вирушати.

Й повстанці йдуть, в стратегії своїй
то появляються, то в ліс зникають...
Кипи, наш гнів, грозою пломеній
за дике гетто у Європі! Знають
хай німчики, що є відплата: – Стій!
По всьому світу грози наростають...

І ми – під переблиски блискавиць,
під грім тих гроз народів – тяжкість грузу
з євреїв скинемо. Доволі ниць
лежати їм! Доволі мук і глузу
дурного Гітлера! Залізна міць
піднімється з Радянського Союзу!

Ми чуем із Європи плач: Рахіль
за дітьми за своїми тужить, – мати
вбивається... Ах, сльози ці і біль
в віках обвинуваченням звучати
проти німоти будуть! Їй як сіль
в очах єврей. Ну, що на це сказати?

Народ єврейський! Славний! Не втішать
тебе я хочу. Кожен хай тут слуха:
В цей час, коли синам твоїм вмирать
прийшлося від фашистського обуха, –
я хочу силу, силу оспівать, –
безсмертну, вічну силу твого духа.

1943

ВАСИЛЬ ШВЕЦЬ

Не жалійся мені, не розкажуй
і не плач. Я і так розумію,
Як порвались легені від газу.
Як навіки склонилися вії.

Уявляю: прикушені губи
в невимовній жадобі дихнути.
Сизий морок голодної згуби.
Невмолимість німої отрути.

Де ж повітря, що ноччю в кімнаті
з першим криком наповнило груди,
і якого так дуже багато
над Подолом, над Києвом. Всюди?...

Духотою і смородом дише
чужоземного вечора хмара.
Плаче мати. Мовчання і тиша.
Ніч і стогін над Бабиним яром.

Устають з-під землі наші діти,
закатовані, вдушені, вбиті,
не докохані нами і світом,
не научені твердо ходити.

Так приходить до них повноліття
в підземелля, трущоби і ями.
Так ітимуть вони крізь століття,
Несучи на Німеччину плями.

Плями помсти і гніву, і кривди
чим ти змиєш, убивця-народе?
Душогубку для світу відкрив ти,
і вона мимо тебе не пройде!

Не отруйним димом – петлею
грязне горло бандита обхватить,
і вестиме в презирстві землю
з роду в рід і від хати до хати.

І задушить. І кине в безодню.
В лігво покидьок, гнилі і бруду.
Страшно суду? Не бійтесь! Сьогодні
ми бандитів караем без суду!

Бабин Яр – віковічна могила,
як дитинство, невинна і світла.
Скільки, скільки ти душ загубила,
Душогубко-Німеччино підла?!

3 березня 1944

ОЛЕКСА ЮЩЕНКО

БАБИН ЯР

На безлистих, дрібних кущах
Вранці хустка тріпоче, біліє,
Жмут волосся, коса чорніє...
А чиї ж то кості в ровах?
По смутних, по осінніх ночах
То ж по кому вже тужить птах?
Бабин яр, чорний яр, смерті яр,
Пропливають тіні примар...
Виглядає з піску черевик –
От розсиплеться, як пісок.
Тут останній дитини крик,
Материний неvtішний крик.
Ой околиця, де недоля ця...
З жаху серце чиє не розколеться?
Хто, побачивши, не здригнеться?
В серці бурею відгукнеться:
На безлистих дрібних кущах
Там он хустка тріпоче, біліє,
Жмут волосся – коса чорніє...
А чиї ж то кістки в ровах?
Бабин яр, чорний яр, смерті яр,
Над ним стеляться тіні примар.
Душогуби, заброди розлючені,
Скільки, скільки вони замучили...
Дні захмарені, дні затучені
Як ридали сльозами кипучими.
...Мордували, стріляли тут, мучили...
Цвинтар мучеників. Тишина.
Та прислухайсь – рида хтось, кона?
І здригнеться Лук'янівка наче –
Цвинтар кров'ю невинною плаче...
Чуєш, яр, закривавлений яр, –
Не втекли душогуби від згуби,
Не втекли від покари!

1944

САМУИЛ ГАЛКИН

В красной глине страшный ров,
Я имел очаг и кров...
Здесь весной сады шумели,
А зимой мели метели,

Чистый снег блестел, как соль:
Ныне здесь – лишь кровь да боль.
Словно от удара грома,
Содрогнулась кровля дома.

Настежь дверь в моём дому,
Горе дому моему!
Он теперь открыт насилью.
Кровь мою смешали с пылью.

Детский плач во мгле ночей
Тешит лютых палачей.
В красной глине вырыт ров
И наполнен до краёв.

Нет числа погибшим братьям.
Тяжко было умирать им.
Не от глины красен ров.
Этот ров – их дом и кров.

Там лежат они поныне –
В тёмной яме, в красной глине.
Пролетит за годом год.
Ветви здесь раскинут свод.

Боль смягчится, скорбь утихнет,
Радость радугою вспыхнет,
Снова дети подрастут.
Пусть они резвятся тут,

Чтоб живые не забыли
Спящих в праведной могиле.
В красной глине вырыт ров.
Я имел очаг и кров...

1943

Перевод с идиша В. Потаповой

Глибока яма, червона глина –
Не дім однині, а домовина.

Весна скипіла буянням саду,
Птахи – у вирій, мов листопади.
Зима насипала сніги вночі,
У них розквітли вітрів плачі.

Дім розпанахано, де жив мій рід –
Нарозпаш двері, нема воріт.
Заходь, грабіжнику і кат, до хати
Маленькі діти подобивати.

Ви, що повісили старих і кволих,
Чи шанували когось? Ніколи!
Глибока яма, червона глина.
Тепер не дім тут, а домовина.

І рік за роком з душею поряд
Той вигляд пустки, що сповнив погляд:
Така червона від крові глина,
Що й дім – розчакхнута домовина.

Братів поскидано до ями-пустки,
Ви шаткували їх, немов капусту.
Ви дім позбавили і даху, й стріх,
Ви закололи батьків моїх.

Востанне поглядом додому лину:
Глибока яма, червона глина.

Перевод с идиша В. Богуславской

ЛЕВ ОЗЕРОВ

БАБИЙ ЯР

Я пришел к тебе, Бабий Яр.
Если возраст у горя есть,
Значит, я невысказанно стар,
На столетья считать – не счастье.

Я стою на земле, моля:
Если я не сойду с ума,
То услышу тебя, земля, –
Говори сама.

Как гудит у тебя в груди,
Ничего я не разберу, –
То вода под землей гудит,
Или души легших в Яру.

Я у клёнов прошу: ответьте,
Вы свидетели – поделитесь.
Тишина.
Только ветер –
В листьях.

Я у неба прошу: расскажи,
Равнодушное до обидного...
Жизнь была, будет жизнь,
А на лице твоём ничего не видно.

Может, камни дадут ответ?
Нет...

Тихо.
В пыли слезавшейся август.
Кляча пасется на дикой травке.
Жует рыжую ветошь.
– Может, ты мне ответишь?

А кляча искоса глянула глазом,
Сверкнула белка голубой белизной.
И разом –
В душу повеяло той тишиной.
И я почувствовал: сумерки входят в разум,
и смерти повеяло древней, как мир, новизной.

Сегодня по Львовской идут и идут. Мглисто.
Долго идут. Густо, один к одному
По мостовой,
По красным кленовым листьям,
По сердцу идут моему.

Ручьи вливаются в реку,
Немцы и полицаи
Стоят у каждого дома, у каждого палисада.
Назад повернуть – попробуй,
В сторону – не свернуть,
Немецкие автоматчики весь охраняют путь.
А день осенний солнцем насквозь просвечен,
Толпы текут, – темные на свету.
Тихо дрожат тополей последние свечи,
И в воздухе:
– Где мы? Куда нас ведут!

– Куда нас ведут? Куда нас ведут сегодня?
– Куда? – вопрошают глаза в последней мольбе.
И процессия длинная и безысходная
Идет на похороны к себе.

За улицей Мельника – кочки, заборы и пустошь
И рыжая стенка еврейского кладбища. Стой...
Здесь плиты наставлены смертью хозяйственно густо,
И выход к Бабьему Яру,
Как смерть, односложно-простой.

Так люди приходят к последнему в мире дому.
Стоят у порога. Ждут...
У смерти есть тоже предбанник.
И немцы по-деловому
Одежду с пришедших снимают и в кучи кладут.

И явь прерывается вдруг еще большею явью:
Тысячи пристальных, жизнь обнимающих, глаз,
Воздух вечерний,
И небо,
И землю буравя,
Видят все то, что дано нам увидеть
Раз...

И выстрелы, выстрелы, звезды внезапного света,
И брат обнимает последним объятьем сестру...
Если есть бог, и он видел и слышал это, –
Зачем не хотел он со всеми погибнуть в Яру?

А люди подходят и падают в яму, как камни...
Дети на женщин и старики на ребят.
И, как пламя, рвущимися к небу руками
За воздух хватаются
И, обессилев, проклятья хрипят.

И девочка снизу: – Не сыпьте землю в глаза мне...
И мальчик: – Чулочки тоже снимать?
И замер,
В последний раз обнимая мать.

И тут же рядом – девочка или мальчик? –
– Дядя, не трогай, я песенки петь тебе буду!..
И вдруг, подпрыгнув как мячик,
Упал туда – в еще беспокойную грудку.

А там – мужчин закопали живыми в яму.
Но вдруг из земли показались рука
И в седых завитках затылок...
Немец ударил лопатой упрямо.
Земля стала мокрой,
Сровнялась, застыла...

Я пришел к тебе, Бабий Яр,
Если я с ума не сойду, –
Обрету беспокойный дар
Мертвецов вызывать в бреду.

Здесь и нынче кости лежат,
Череп желтеют в пыли,
И земли белеет лишай
Там, где братья мои легли.

Здесь не хочет расти трава,
А песок, как покойник, бел.
Если бы знал я людские слова –
Он такую бы песню запел.

Что деревья ушли бы прочь,
Даже камни открыли бы рты,
Просветлела бы от горя ночь,
Люди хлохли бы от немоты...

Так легко в этот Яр упасть,
Стоит мне на песок ступить, –
И земля приоткроет пасть,
Старый дед мой попросит пить.

Мой племянник захочет встать,
Он разбудит сестру и мать.
Им захочется руку выпростать,
Хоть минуту у жизни выпросить.
И пружинит земля подо мной:
То ли горбится, то ли корчится.
За молитвенной тишиной
Слышу детское:
– Хлебца хочется.

Где ты, маленький, покажись,
Я оглох от боли тупой.
Я по капле отдам тебе жизнь, –
Я ведь тоже мог быть с тобой.

Обнялись бы в последнем сне
И упали б вместе на дно.
Ведь до гроба мучиться мне,
Что не умерли смертью одной.

Я закрыл на минуту глаза
И прислушался, и тогда
Мне слышались голоса:
– Ты куда захотел? Туда?!

Гневно дернулась борода,
Раздалось из ямы пустой:
– Захотел, – так иди сюда!
– А! Стоишь? Не идешь? Постой!

У тебя ли не жизнь впереди?
Ты и наше должен дожить.
Ты отходчив – не отходи.
Ты забывчив – не смей забыть.

И ребенок сказал: – Не забудь!
И сказала мать: – Не прости!
И закрылась земная грудь.
Я стоял не в Яру – на пути,

Он к возмездью ведет – тот путь,
По которому мне идти.
Не забудь!..
Не прости!..

1944–1945

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

БАБИЙ ЯР

К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник, ядро,
Я волочу чужую память?

Я жил когда-то в городах,
И были мне живые милы,
Теперь на тусклых пустырях
Я должен разрывать могилы,

Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.
Я этой женщины любимой
Когда-то руки целовал,
Хотя, когда я был с живыми,
Я этой женщины не знал.

Моё дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.

Мы поднатужимся и встанем,
Костями застучим – туда,
Где дышат хлебом и духами
Ещё живые города.

Задуйте свет.
Спустите флаги.
Мы к вам пришли.
Не мы – овраги.

1944

МАРК БЕРДИЧЕВСКИЙ

НА СМЕРТЬ ДРУГА

*Но говорю, что мы поспорим,
я говорю, ещё поспорим,
кому подохнуть, тамада...
Яков Гальперин, 1941*

*Дорога, дорога, дорога,
ах, сытая дрожь лошадей,
спаси нас от чёрта, от бога,
а паче всего от людей,
от их недреманного ока
и длинных ослиных ушей.
Яков Гальперин, 1942*

Не забудь про базар, где торгуют одеждой убитых,
где вокруг пепелище и чужие солдаты вокруг,
где по городу смерти, по зверинцу людей и событий,
как свидетель проходит расстрелянный в Киеве друг.
Не забудь про тюрьму, где на грубо сколоченных нарах
мой расстрелянный друг доживает последние дни.
Ах, дорога, дорога, ты спишь на весенних бульварах
и в ночных поездах зажигаешь скупые огни.
Ах, дорога, дорога, тюремные стены щербаты,
и какая тоска, и какая чужая весна...
Мой расстрелянный мальчик, стучат сапогами солдаты,
Ах, стучат сапогами солдаты, стучат сапогами солдаты,
и последний апрель исчезает в квадрате окна.
Исчезает апрель, исчезают весенние сроки,
Исчезают года, и события идут чередой.
О, мой мёртвый товарищ, дороги, дороги, дороги,
но когда же мы кончим твой киевский спор с тамадой?
Всё на тех же базарах торгуют одеждой убитых,
те же смутные рожи ругаются, лгут и едят.
И над этим зверинцем, зверинцем людей и событий,
я по-прежнему слышу шаги караульных солдат.

1945

ОВСЕЙ ДРИЗ

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Купил дед шарик воздушный
Зелёный, зелёный,
И кажется, будто качаются
На нитке зелёные клёны.

Взял он шарик в руку,
Несёт он к Бабьему Яру
В подарок меньшому внуку, и снова
Идёт за шаром.

Так старенький дед упорно
Носит внуку подарки:
То рощу, то море Чёрное,
То солнышко яркое.

1945

Перевод с идиша Г. Сангира

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

Никогда в этом городе не было пыли,
Лишь цветочной пылью лицо оведало.
Здесь водою днепровскою улицы мыли,
Да и ныне до блеска промыты кварталы.

Отчего же родной ветерок Приднепровья
Осыпает прохожего яростной пылью
И песчинки, пропахшие дымом и кровью,
Мне забили гортань и глаза ослепили?

Это ветер прошёл по обугленным стенам,
Обметая золу на пожарищах старых,
Он клубится Крещатика пеплом священным,
Душным прахом, летящим из Бабьего Яра.

Если вы под листвою цветущих каштанов,
В этом городе горе бывшее забыли,
Вам напомнит о нём, обдавая нежданно,
Безутешное облако пепла и пыли.

1945

ЗВЕЗДА

Осенней ночью падает звезда.
В холодном небе – света борозда.
Примета есть: звезды падучей свет –
Тревожный признак, чьей-то смерти след.

Примета есть. Но как поверить ей?
Мы пережили тысячи смертей.
Беззвёздной ночью, в окружение тьмы,
Друзей в походе хоронили мы
И дальше шли в снегу, в чаду, в пыли...

Ах, если б звёзды скорбный счёт вели
И падали под тяжестью утрат,
Какой бы разразился звездопад!

О, сколько б звёзд низринулось в ночи
Над теми, что расстреляны в Керчи,
Над павшими у Вязьмы и в Орле,
Над школьницей, что умерла в петле,
Над Бабьим Яром, где в золе подряд
Мои друзья и земляки лежат,
Над теми, что от отчих мест вдали
Укрыты горсткой неродной земли,
Над теми, что в Берлине сражены
За две минуты до конца войны, –
Весь Млечный Путь в безмолвии ночном
Осыпался бы горестным дождём.

...Но с вышины студёной, чуть видна,
Срывается звезда. Всего одна.
Подсказывает мне падучий свет
Иное толкование примет:
Слетает равнодушная звезда –
Кого-то позабыли навсегда.

Но тот, кто вечен в памяти у нас,
Тот меж светил вселенной не угас.

Взгляну в зенит полночный и найду
Матросова солдатскую звезду.
И, потянувшись к чистому лучу,
Звезду Космодемьянской отыщу.
И, озарив осенний небосклон,
Взойдут созвездья – Брест и Краснодон.

1946

БОРИС ЧИЧИБАБИН

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

Был бы я моложе – не такая б жалость:
Не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
Слёзной и кровавой запивал водою.

«Славу запретите, отнимите кровлю», –
Сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось семя от родного лона.
Помутилось племя ветхого Сиона.

Оборвались корни, облетели кроны, –
Муки гетто, коль не казни да погромы.

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
Лихо заворочал золотой валютой?

Застелила вьюга пеленою хрусткой
Комиссаров Духа – цвет Коммуны Русской.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, –
Всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

И не в худший день нам под стекло попала
Чаплина с Эйнштейном солнечная пара...

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
Не водись я с грустью золотой и горькой,

Не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
Не войди я наве́к частью безымянной

В русские трясины, в пажити и в реки, –
Я б хотел быть сыном матери-еврейки.

1946

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

НЕВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

1.

Пошла в размол субстанция Спинозы.
Развеян прах Эйнштейновой звезды.
Бесшумные песчаные заносы
Засасывают смутные следы.

Лишь кое-где торчат протезы нищих,
Обрывки шёлка и куски стекла,
А на седых, как время, пепелищах
И впрямь как будто вечность протекла.

Чего ж ей медлить? Плевелы отвеяв
И урезонив праздные умы,
Она исправит главы от Матфея
Коварным толкованием Фомы.

И ты, ровесник страшного столетья,
Ты, человек сороковых годов,
Исполосован памятью, как плетью,
И впрямь на старость мирную готов?

Ты любишь слабый свет настольной лампы
И на коротких волнах гул земли...
Куда же эти сумрачные ямбы
Тебя на страх домашним завели?

Ну так всмотри же зорче напоследок,
Прислушайся к подземным голосам!
Ты сам дикарской трапезы объедок,
В лоскутья кожи выдублен ты сам.

Не вздумай же отделаться насмешкой
От свежеперепаханных траншей.
И если вышел в путь, смотри, не мешкай!
Последний перевал – ещё страшней.

2.

Кончаются расправы и облавы.
Одна лишь близость кровного родства
Темней проклятья и светлее славы.
Проклятья или славы – что сперва?

Теряются следы в тысячетелних
Скитаньях по сожжённым городам,
В песках за Бабьим яром, в чёрных сплетнях,
На чёрных рынках, в рухляди, – а там

Прожектора вдоль горизонта шарят,
Ползут по рвам, елозят по мостам.
Юродствует ханжа, трясётся скаред,
И лжесвидетель по шпаргалке шпарит...
А где-то жгут, дробят, кромсают, жарят,
Гноят за ржавой проволокой, – а там

Нет и следов, – ни в городах Европы,
Ни на одной из мыслимых планет,
Ни в чёрной толще земляной утробы,
Ни в небе, ни в аду их больше нет.

Лежит брусками данцигское мыло,
Что выварено из костей и жил¹⁴.
Там чья-то жизнь двумя крылами взмыла
И кончилась, чтоб я на свете жил.

Чья жизнь? Чья смерть бездомна и бессонна?
В венце каких смолистых чёрных кос,
В каком сиянье белого виссона
Ступила ты на смертный тот откос?

¹⁴ Легендарное (фактически недостоверное) представление о том, что нацисты варили мыло из человеческих трупов.

Прости мне три столетья опозданья
И три тысячелетья немоты!
Опять мы разминулись поездами
На той земле, где отпылала ты.

Дай мне руками прикоснуться к коже,
Прильнуть губами к смуглому плечу, –
Я всё про то же, – слышишь? – всё про то же,
Но сам забыл, про что же я шепчу...

Мой дед, ваятель, ждал тебя полвека,
Врубаясь в мрамор маленьким резцом,
Чтоб ты явилась взгляду человека
С таким вот точно девичьим лицом.

Ещё твоих запястий не коснулись
Наручники, с упрямицей борясь,
Ещё тебя сквозь строй варшавских улиц
Не прогнала шпицрутенами мразь.

И колкий гравий, прах костедробилок,
Тебе не окровавил нежных ног,
И злобная карга не разрубила
Жизнь пополам, прокаркав: «Варте нох!»¹⁵

Не подступили прямо к горлу комья
Сырой земли у страшных тех ворот...
Жить на Земле! Что проще и знакомей,
Чем чёрный хлеб и синий кислород!

Но что бы ни сказал тебе я, чтобы
Ни выдумал страстнее и святей,
Я вырву только стебель из чащобы
На перегное всех твоих смертей.

¹⁵ «Warte noch» (нем.) – «погоди» (буквально: «подожди еще»).

И твой ребёнок, впившийся навеки
Бессмертными губами в твой сосок,
Не видит сквозь засыпанные веки,
Как этот стебель зелен и высок.

Охрипли трубы. Струны отзвучали.
Смычки сломались в пальцах скрипачей.
Чьим ты была весельем? Чьей печалью?
Вселенной чьею? – Может быть, ничьей?

Очнись, дитя сожжённого народа!
Газ, или плётка, иль глоток свинца, –
Встань, юная! В делах такого рода,
В такой любви – не может быть конца,

В такую ночь безжалостно распахнут
Небесный купол в прозелени звёзд,
Сверкает море, розы душно пахнут
Сквозь сотни лет, на сотни тысяч вёрст.

Построил я для нашего свиданья
Висящие над вечностью мосты.
Все мирозданье слышит: Шма Исроель!
И пышет алым пламенем.
А ты?

3.
Как безнадежно, как жестоко
Несётся время сквозь года.
Но слитный гул его потока
Звучит: ЗАПОМНИ НАВСЕГДА.

Он каждой каплей камень точит.
Но только ты выходишь в путь
Всё безнадежней, всё жесточе
Звучит: ЗАБУДЬ. ЗАБУДЬ. ЗАБУДЬ.

1946

ПЕРЕЦ МАРКИШ

ОТЕЦ

1.

Последний залп. Последней пули свист.
Берлин уснул. Мундир его распорот...
Покинув обвалившийся карниз,
Шагает ночь. И ей подвластен город.
Что здесь живого, средь кирпичных груд?
Глядят слепые окна на дорогу.
И крысы ошалелые бегут,
Бегут от нераспознанных порогов.
Дымится дом. Вот-вот начнет пылать.
Он душным дымом давится и дышит.
И плечи стен не в силах удержать
Громаду изувеченную крыши.
Мертво щербатых площадей лицо.
И город пуст. Пуст, как пустая полка.
Во всем Берлине лишь питомцы «Цо»
Удивлены случившимся – и только.

2.

Они ноздрями втягивают жуть –
И каменеют. Стынет дрожь на коже.
Так перед бурей: вволю не вдохнуть.
И после бури так бывает тоже...
Природа не дала сюда вступить
Имперскому величью: здесь граница.
Здесь, в «Цо», не хочет червь по-волчьи выть
И волк червем не хочет обратиться.
Здесь, в «Цо», шакал – на весь свой век шакал,
А ласточки теплу и солнцу рады,
Как будто здесь фашизм и не шагал...
Здесь всё не так, как рядом, за оградой!
Сверхчеловек – и зверь. И кто же прав?

Сверхчеловек – и зверь. Кому ж виднее?.. ?
От города отгородил жираф «Цо» мирный,
опустив шлагбаум шеи.

3.

Рассвет весенний потонул в пожаре.
Теплей не стало с наступленьем дня.
С дозора возвращался в часть Гурарий¹⁶.
Кругом светло. От солнца ль? От огня?
Дым царствовал, угрюмый, плотный, горький.
Он город утопил в тяжелой мгле.
Берлин хрипел, как после крепкой порки,
Раскинув руки улиц по земле.
И только деревцо на тротуаре
Готовилось зазеленеть листвою...
Но что это? Прислушался Гурарий.
Как будто плач. А может, ветра вой?
Нет, это плач. Прерывистый и тонкий.
Нет, это плач. Это не свист свинца...
И вдруг Гурарий увидал ребенка –
На битом кирпиче, у деревца.

4.

Уже не плачет. Страх сошел с лица.
Он не один в неистовстве пожара...
А в яме, в двух шагах от дерева –
Там женщина убитая лежала.
Рассвет прилег на сонную панель,
Облокотился о куски гранита...
И синий номер, как печать, синел
На запрокинутой руке убитой.
Кто эта женщина?.. Но незачем гадать.
Из пальцев смерть не выпускает горло.
И, падая на мостовую, мать
К ребенку руку мертвую простерла.

¹⁶ Фамилия героя поэмы «Война».

Одна беда из миллионов бед!
Слеза горька, иль горек запах гари?..
Он сын ей, этот мальчик, или нет –
Его возьмет с собой боец Гурарий.

5.
День побеждал. Холодный мрак исчез.
Берлин лежал, как туша, освежеван.
С рассветом, как с ружьем наперевес,
Гурарий шел по городу чужому.
Он на руках ребенка нес. И пел.
И стреляными гильзами звенел он...
Благословен родительский удел!
А сердце в битвах не окаменело.
В воскресший день он путь свой продолжал,
Он в жизнь шагал, в рассвет шагал крылатый.
Смеясь, ребенок что-то щебетал.
А может, «папа» он сказал солдату?
Шагал солдат. А деревцо вдали
Кипело зеленью разбухших почек.
И вот уж к солнцу листья поползли,
И вот разжал ладонь один листочек.

6.
Границы нет меж стужей и теплом,
Как нет ее меж радостью и мукой.
Гурарий вспомнил свой сожженный дом,
Где гнев его горел тысячурукий.
Он помнит всё – и кто забыть бы смог?
Та ночь у рва стучится в мозг упрямо.
Он помнит сына тонкий голосок:
«Зачем песок в глаза мне сыплют, мама?»
Он помнит всё. Но он идет вперед –
Не оживут расстрелянные дети...
С ребенком на руках солдат идет.
С чужим? Нет, с самым дорогим на свете.
Живая радость крепче всех скорбей.

И жизнь покоя жизненного жаждет.
Шагал солдат. Надеждою своей
Ему хотелось поделиться с каждым.

7.

Надежду трудно словом передать.
Но разве разум рассечен границей?..
Земле такого больше не видать,
Векам такое больше не приснится.
Размеренно звучат шаги солдат,
Звучат, как гимн большой и мудрой силы.
Пусть дети всей земли спокойно спят,
Пусть будут сны их розовы и сини.
Пусть мир идет навстречу торжеству,
Пусть по весне землей владеет зелень,
Пусть человек увидит наяву
Всё то, о чем он лишь мечтал доселе.
Не ратный труд необходим рукам –
Но труд во имя мира и покоя...
Да не приснится жуть войны векам,
Да не вспомянет шар земной такое!

1946–1947

Перевод с идиша Д. Маркиша

1950-e

ОВСЕЙ ДРИЗ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БАБЬЕГО ЯРА ПЕСНЯ МАТЕРИ

Вариант 1

Я бы повесила люльку на балке,
Качала б, качала б сыноченьку Янкеле,
Но рухнули балки в огне этой ночи –
Как же качать мне тебя, мой сыночек?
Белые голуби – чёрные вешки,
Остались от дома одни головешки.
Я б свои длинные косы отрезала,
Чтоб люльку повесить для доченьки Рейзеле,
Но стали золою на дубе листочки –
Как же мне люльку повесить для дочки?
Где он, мой дом? – Не осталось и досточки.
Средь угольков моих деточек косточки.
Матери, матери, все приходите,
Выплакать песню мою помогите –
Я не могу ни молчать, ни кричать –
Песней моей Бабий Яр укачать...

1954

Перевод с идиша А. Лейзеровича

Вариант 2

Я бы привязала колыбельку к балке
И тебя б качала, мой ангел, мой Янкель.
Но мой дом, как факел, вспыхнул среди ночи,
Негде мне баюкать тебя, мой сыночек.

Я бы привязала к дубу колыбельку,
Пела б и качала дочку мою Эльку.
Но дотла сгорели все мои пожитки,
Не осталось даже от наволочки нитки.

Чёрные густые косы я отрежу
И на длинных косах колыбель подвешу.
Но кого баюкать? Где вы, мои дети?
Я одна осталась на всём белом свете.

Буду я по свету матерей аукать,
Приходите, матери, плакать и баюкать.
Матери седые, будем с вами вместе
Бабий Яр баюкать колыбельной песней.

1954

Перевод с идиша Г. Сапгира

ЕВДОКИЯ ОЛЬШАНСКАЯ

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

*Светлой памяти
Полины Игнатьевны Леванец*

В сорок первом году поутру
Он был расстрелян в Бабьем Яру.
Пулемёты строчили в его честь,
А было ему годков шесть.

Рядом пуля пропела: «Ж-жид!» –
И понял мальчик, что он – жив.
Ноет плечо, рука в крови,
Но сердце стучит, кричит: «Живи!»...

Фашистам назло, смерти назло
Расстрелянный ночью приполз в село.
Качалась, как люлька, земля вокруг...
Очнулся от боли и женских рук.

А женщина с плачем: «Дитинко мала!» –
В хату его на руках понесла.
Сыном его назвала. Потом
Её полицаи били кнутом.

Углями жгли ей пальцы ног.
Она не сдавалась: «Мій синок!»
Когда ж Победа дошла до села,
Заплакала женщина: «От і спасла...»

1956

ЛЕВ ОЗЕРОВ

СНОВА У БАБЬЕГО ЯРА

Змеистый ров. Седой чертополох.
Я от обилья тишины оглох,
и от обилья света я ослеп.
В спокойствии не нахожу покоя.
Вода отравлена и горек хлеб, –
и не постигну: что ж это такое?
Взывают молча мёртвые к живым.
Друзья, так неужели мы простили
и позабыли истины простые,
уже не нужные – навеки – им?!
Детей сюда водите, – скользким краем
Заросшей ямы пусть пройдут опять...
Мы забываем? – Нет, не забываем!
Мы не имеем права забывать.

1958

ЮРИЙ КАПЛАН

АВТОПОРТРЕТ

Мои глаза темны от вашей скорби,
И волосы, как чёрный дым пожаращ,
Курчавятся над черепной коробкой.
А по ночам, когда зрачки бессильны,
В моих ушах, как в бомбовых воронках,
Стоят озёра ваших слёз.

1958

БАБИЙ ЯР

Дед мой седоголов и сгорблен.
Глаза его, выцветшие, сухи.
Глубиной его мудрой скорби
измеряю свои стихи.
И слова неподатливые смиряя,
чтобы в строки соединить,
я совесть свою сверяю
с белизной его седины.

Детство. Самое-самое раннее
(Мама просят: «Сиди спокойненько»)
Ничего не известно заранее,
всё сначала, впервые, в диковинку.
Когда тянешься к солнечной просини,
когда трогаешь тени вечерние,
когда мир обрастает вопросами,
и слова обретают значение,
когда веришь легендам и вымыслам,

когда слушаешь сказки доверчиво,
когда, глину тягучую вымесив,
строишь солнечный город до вечера...
Пока тебя мать не уносит,
вымазанного до носа,
А дома, протопав конницей,
О чём-то кричишь, захлебываясь,
да играешь в отцовской комнате
голубощёким глобусом.
Детство. Самое-самое ясное,
семицветное, звонкое самое!
Даже самые чёрные ястребы
петушками казались сусальными.

И вот над этим, синим и розовым,
бликами пожаров и тяжестью невзгод
поднялся изуродованный и грозный
1941 год.

Война... Во-й-на!
На фронт эшелоны шли,
Отцы на фронт уезжали,
а мы, совсем ещё несмышлёныши,
с мамами их провожали.
Нам жизнь казалась сплошным подарком,
мы были веселы, о чём ни толкуй.
Они на прощанье брали нас на руки
и вы-со-ко подбрасывали – к потолку.
О п л я!
И опять под нами земля,
и осень жёлтые листья сыплет,
и отправление играют горны...
Прокричал о чём-то,
но ветер сильный
голос относит в сторону.

А там захлёбываются атаки,
звериной тяжестью фронт проломан,

зелёные низколобые танки
переползают от дома к дому.
Сажу разносит во все концы.
Города и деревни выжжены дочерна.
Пороты матери и отцы.
Повешены сыновья и дочери.
Из пыльных коморок остатки нечисти
повылазили, как тифозная сыпь,
в щели просовывали носы:
– Человечьим запахло, человеческим!..
Хи-хи-хи-хи-хи-хи...

Нет! Это не просто из хронологии дата.
Ещё сумрак над городом костенел,
приказ военного коменданта
выклеили на обгорелой стене.
И было целому городу слышно,
как шла, надвигаясь на нас, беда,
как грузно втапывали булыжник
пудовые сапоги солдат...

–Подывысь, оно еврейв повэлы...
– Господи, з диточками, з старымы...
– Дурные, идут, как волы...
– Товарищи, чего ж стоим мы?...
– Наверное, переселяют в гетто...
– Вернее, на тот свет...
– Не верьте, сплетни:
столько уничтожить – это не метод...
– Это есть их последний...
– Товарищ...
– Что вы...
– Замолчите...
– Т-с-с...
– Конец жидам приходит, вроде...
– У, сволота, а ну, катись!..
– Потихе ты, партизанское отродье...

...Тысячи медленных спин,
смертников, медленный список,
спи, спи, спи, –
наш ручеёк высох.
Чем помочь тебе может старуха? – усни.
Только спеть тебе может старуха? – усни.
Кто уснет, тот уже не проснется, – усни.
Пусть зрачков твоих смерть не коснётся – усни.
Ты не должен увидеть её – усни.
Ты не должен услышать её – усни.
Я последнюю песню пою для тебя – усни.
Пусть легка будет смерть,
Пусть легка будет смерть для тебя – усни.

...– Прэсвятая богородыця, цариця небэсна,
То ж всё люды, живи люды...
– Человечество всё равно не столкнуть в бездну...
– Матинко моя, що ж цэ будэ?!

– Мамочка, давай отсюда уйдем,
это некрасивая яма.
Мама...
И осёкся: в мышинных шинелях
двигалась на толпу полоса,
только мешки на лице синели,
оттеня выцветшие глаза.
И один с руками, как большие лопаты,
шёл на него, устало сопя,
и медленно из ноздри волосатой
выползала салатова сопля.
(Дома ведь тоже детей покинул.
Вспомни, перед тем как уйти к штыку,
долго тёрся рыжей щетиной
о розовую ребячью щеку.
...Дома... А здесь – вот, в курточке ношеной...
за юбку держится... боится... трусится...

Красными руками ухватить за ножки
и черепом, мягоньким, о гусеницу).
– Мама, о чём ты плачешь? Послушай, –
и руку белую ручонкой гладит, –
я буду всегда, всегда послушный,
не отдавай меня этому дяде.
А тот всё ближе. Всё ближе. Рядом.
Дышит в упор тяжелым смрадом,
крошится глина под сапогами.
– Не отдавай меня... Мама!..
...Ма-а-ма...
– Верните! – и на руке повисла.
В живот сапогом.
Матерщина.
Выстрел.

100000 надежд, зарытых заживо,
100000 проклятий, застрявших в горле,
100000, раздавленных страшной тяжестью,
скрюченных в судорожной агонии.
Портные и пекари, врачи и философы,
создатели машин и полотен,
Седые, рыжие, черноволосые,
сделанные из крови и плоти – 100000.

Яр с кривыми краями, огромная рваная рана,
ты безлюден и дик, над тобой только ветры трубят.
Ты чернеешь, как пропасть, когда темноту протаранив,
городские огни обступают, как зверя, тебя.
Спят 100000 в тебе. Их имён на граните не высечь,
безымянные спят, в глубине твоей, бурой, как йод.
Имена их забыты навеки. Но тысячи тысяч
Никогда не забудут кровавое имя твоё...

Я рос в дальнем тылу – плохо помню военное небо,
не встречался с врагами и смерти не видел лица.
Научи меня ярости, Яр, научи меня гневу,
я к тебе прихожу, как приходят к могиле отца.

Я к тебе прихожу, как приходят, наверное, к Богу,
сокровенное самое доверив молитвам простым.
Укрепи меня, Яр. Посели в моём сердце тревогу,
чтобы я не забыл, чтобы я никогда не простил.

Пусть никто не простит, пусть поднимутся тьмы безымянных.
Помоги их поднять, помоги их к борьбе пробудить.
Ни оград, ни венков – будь таким, как открытая рана,
Чтобы было больней, чтобы боль помогла победить.

1959

АРОН ВЕРГЕЛІС

ХТО МІГ МЕНЕ ВБИТИ?

У Люблінському гетто я не згнив,
Не підданий в Треблінці лютій карі,
Я долю сотень тисяч розділив
У душогубках, в Бабиному Ярі.

У піч мене жбурляли шкереберть;
Я поміж тих, що рів собі копали,
Прощтрикнутий багнетом, кликав смерть,
Коли живцем поквапно засипали.

Та недарма я в рідну землю ліг,
Бо помста проросла з мого насіння.
Хто вбив мене? Хто, смертний, вбити міг
Мене, що звідав смерть і воскресіння?!

1959

Переклад з ідишу В. Богуславської

1960-e

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас –

я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне – следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус –
это я.

Мещанство –
мой доносчик и судья.

Я за решеткой.
Я попал в кольцо.

Затравленный,
оплёванный,
оболганный.

И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется –

я мальчик в Белостоке.

Кровь льётся, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:

«Бей жидов, спасай Россию!» –
насилует лабазник мать мою.

О, русский мой народ! –

Я знаю –

ты

по сущности интернационален.

Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.

Я знаю доброту твоей земли.

Как подло,

что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется –

я – это Анна Франк,
прозрачная,

как веточка в апреле.

И я люблю.

И мне не надо фраз.

Мне надо,

чтоб друг в друга мы смотрели.

Как мало можно видеть,

обонять!

Нельзя нам листьям

и нельзя нам неба.

Но можно очень много –

это нежно

друг друга в тёмной комнате обнять.

Сюда идут?

Не бойся – это гулы
самой весны –

она сюда идёт.

Иди ко мне.

Дай мне скорее губы.

Ломают дверь?

Нет – это ледоход...

Над Бабьим Яром шелест диких трав.

Деревья смотрят грозно,

по-судейски.

Всё молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.

И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребённых.

Я –
каждый здесь расстрелянный старик.

Я –
каждый здесь расстрелянный ребёнок.

Ничто во мне
про это не забудет!

«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскоруждой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

1961

На митинге в Таване

Гагарину вручают орден Куба,
а на трибуне, что полним-полна,
смешной малыш причмокивает вкусно,
привав к груди округлой, как дуба.
Прекрасны мать и сын. Всем это

видно,
и взгляды всех исполнены любви.
Мать, словно праздник. Ей совсем не
стыдно.

Чего стыдиться — ведь кругом свои...
Дарующая грудь ее лучится.

Малыш сопит, губами шевеля.
И это целомудренно и чисто,
и первоначально, как сама земля.

Рабочие, крестьяне и солдаты —
Гагарин, и Фидель, и Дорткос
глядят на малыша светло и свято,
Глядят, чуть улыбаясь, но всерьез.

Ну, а малыш ручонками играет.
Ему уютно в Скопиче людском.
И словно революцию вбирает
он вместе с материнским молоком.

ТАВАНА

Новые стихи

Американское кладбище на Кубе

Американское кладбище,
брошенное людьми,
смотрит печально и плачуще,
будто бы просит любви.

Дети и старики
сюда не приходят задумчиво,
не возлагают венки.

Где-то разосится по лесу
песня кубинских крестьян.
Здесь — деловито ползают
лидерцы по крестам.

Здесь — тишина стоячая,
узоры паучьих теней.

Разве собака бродячая
порой забегает в темноту.
Коришны дремлют под арками,
Ржавые копыта оград.

Потрескавшиеся ангелы,
как падшие, мрачно глядят.
Дети Чиваго и Питсбурга,
Бостона и штата Канзас,
забываем — страшную пытку
кубицы карают нас.

Не все же плохие, наверное,
в земле похоронены здесь.
Есть просто обыкновенные
и даже хорошие есть.

Но рядом со мною женщина —
седлая кубинка стоит.
Ей что же — цветы торжественно
нести к подножию плиты?

Все очи она проплакала
за горестное житье.

Вы все для нее одинаковы,
и я понимаю,

Вам кажется неэтичную
фразу женщины той:
«Гринго — они симпатичные,
когда лежат под землей».

А это как — джентльменственно
щупать под котелью со льдом
о родные этой женщины:
«Куба — лучший дом».

Вы, словно крепости, ставили
дома свои напоказ.

Ее вы сами заставили
так отзываться о вас.

Страна Линкольна, Уитмена,
не больно душе твоей,
что кличкой «Гринго» презрительно
прозвали твоих сыновей?

Нам дорог отголосок внимательный
хемингуэйсовский взгляд.

О смерти великого мастера
Россия и Куба скорбят.

Он умер, но строки бессмертные
бессмертию учат нас.

И разве его, Америка,
мы «Гринго» назвали хоть раз?

Мне, русскому, очень хочется
всей жизнью и всей судьбой
полетом, строительством, творчеством,
Америка, вместе с тобой.

Хочу, чтобы «Гринго» мы начисто
вычеркнули из словарей,
чтоб все уважали нации
могилы твоих сыновей!

КУБА. Остров Пинос.

КОТОРЫЙ ДОЛЖЕНИЯ

Мир утвердится, он должен
победить! Но вот что меня
еще интересует: сколько, по
вашему мнению, Мельниковых
сейчас в Советском
Союзе? — Сколько? Очень много!
Думаю, что миллионав до-
сти наберется...
...Поздним вечером мы по-
кинули гостеприимную квар-
тиру «железного прораба».
Что же скажет Морис Дрю.
— Он со своим новым знакомом?
— Мельников — фанта-

Я писатель Морис Дрюен в гостях у старо-
го «железного прораба» Дмитрия Афанась-
ева.

Фото А. Зыбина

прочим, на стический и вместе с тем
ставил весто-
го года. По
омия на Бер-
— вспоминает
ланьевич. —
за мост...
— Вы о нем будете пи-
сать?

— Не знаю. Конечно, «железный прораб» был бы
великолепным завершением
моей саги о России. Как вы
уже сказали вам, это будет
книга о становлении русской
нации и русской государ-
ственности с древних вре-
мен. Это не роман, не ис-
следование, не монография.

Я хочу, чтобы это была сага
о русском народе. Но чем
и как я закону свое пове-
ствование — пока не знаю.

— Завтра утром я еду в
Ясную Поляну. Оттуда — в
Харьков, Полтаву, Киев,
Одессу... Я хочу пошнее
увидеть вашу страну и ва-
шу жизнь. Мне хочется еще
прийти по следам «же-
лезного прораба»... Мы
ведь с ним еще встретимся.

Весной 1962 года я, видимо,
снова прилечу в Москву, и мне
очень хочется, чтобы наш
диалог получился продолжением.
Н. МАР

Бабий Яр

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас —

я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятым, глбну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.

Мне кажется, что Дрейфус —
это я.

Мещанство — мой доносчик и судья.
Я за решеткой.

Я попал в кольцо.
Завраженный,
оплеванный,
ободанный.

И дамочки с бросильскими обorkами,
вижжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется

и мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекается по полам.
Бесчистуют вожди тракторной
стойки

и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бесцельно.
Напрасно я потрогиваю молоко.
Под гогол:

«Вей жидов, спасай Россию!»
Лабазник избивает мать мою.
О, русский мой народ!

Я знаю — ты

по сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бичали.
Я знаю доброту моей земли.

Как подло,
что, и жидочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется —

я — это Анна Франк,
прозрачная, как веточка в апреле.

И я люблю, и мне не надо фраз.
Мне надо,
чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть,
обнять!

Нельзя нам листв
и нельзя нам неба.
Но можно очень много — это нежно
друг друга в темной комнате обнять.
Судя идут?

Не бойся — это гулы
самой весны — она сюда идет.

Иди ко мне, дай мне скорее губы.
Ломают дверь?

Нет — это ледоход...
Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.

Все молча здесь кричит,
и шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.

И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных,
каждый здесь растерянный
старик.

Я —
каждый здесь растерянный
ребенок.

Ничто во мне про это не забудет!
«Интернационал» пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей.

И потому —
я настоящий русский!

СОРОКОВО

Вопрос первый. Каково имя американского
президента, последовательно держа-
щего курс на вторую мировую войну,
увлекшего в войну Японию и несущего от-
ветственность за изгнание и уничтожение
миллионов негров? Ответ — Франклин
Рузвельт.

Вопрос второй. На какой из трех отро-
ванных от материка территорий «не-
цес не угнетают, а наоборот, они активно
представлены в парламенте и правитель-
стве»? Ответ — в Германской(?) Юго-
Западной Африке. Заводо вымечтается, что
другие две «территории» — это Польша и
Чехословакия.

Вопрос третий. Почему Ричард Никсон
не стал президентом США? Ответ — по-
тому, что он «немного выразил свое отно-
шение к проблеме гравиды по Одеру и
Нейсе».

Этот викторийский завязка на днях рупор
западногерманского ревизионизма — газета
«Дейне золдтагенбухтунг унд националь-
цейтунг». Издается она в Мюнхене, основ-
ная категория ее читателей те, кого на не-
мецком солдатском жаргоне называют
«шпис» — фельдфебель, унтер-офицер.

Принцип викторийского несоложен, форму-
лируется вопрос — всего их задано 39
«на какой из оторванных территорий не-
мцы пользуются правами?» — и тут же да-
ются три ответа (Польша, Чехословакия,
Германская Юго-Западная Африка), из
них надо назвать один. За лучшие ответы
редакция обещает ряд ценных премий, сре-

Бабий Яр.

Евтушенко

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.

Мне страшно,

мне сегодня горько лет,
как самому еврейскому народу,
мне кажется сейчас —

я иудей

Вот я брошу по древнему восточу,
А вот я, на кресте раба и твоя, ибну
и до сих пор на мне следы гвоздей.

Мне кажется, что Дрейфус — это я
Мещанство — мой грехотный и судьба.

Я за решеткой,

Я попал в кольцо,

Затравленный

Оплеванный,

Обозначенный,

и дамычки с бросеелевскими оборотами

Визжа, зонтиками тычут мне в лицо,

Мне кажется —

я мальчик с белоснежка...

Кровь летит ракетками по полям,

Безответную воздвигли — трагичной стойки

и пахнут возной с луком пополам.

Я, сбитый отропачивый, бессильный,

Напрасно я погромщиков мочу.

Под поет: „Бей жидов, ебасай Россию“

Лавазник избивает мать мою.

О, русский мой народ!

Я знаю, ты

По сути интернационален

Но где же, твои руки не чисти
Твоими чистейшими именованными брызгами.

Я знаю доброту моей земли,
Как погнать - - - - - ?

Что и земной не дрогнув
Антисемиты, ибниты нарекли
Себя, союзом русского народа.

Мне кажется:

Я - это Анна Франк,

Прозрачная,

Как веточка в Антверпене

и я люблю

и мне не надо оправданий...

Мне надо, чтоб друг в друга мы смотрели,

Как мало можно видеть - обнять, -

Неловко нам молчать

и неловко нам молчать,

но можно очень много - это ценно

Друг друга в темной комнате обнять...

Сюда идут? не бойся - это улица

Самой военной - она сюда идет,

Иди ко мне, дай мне скорее любви

Должен дверь? Нет, это ледоход....

Над бабинами яром чешет диких трав.

Дерево смотрит грозно, по судейски,

Все молча здесь кричит. И чайку сняв

Я чувствую, как медленно седую.

И сам я, как силовой, беззвучный крик

Над тысячами - висят погребенных.

Я - каждый, здесь расстрелянный, старик.

Я - каждый, здесь расстрелянный, ребенок.

И что, во мне, что это не забудет!

Интернационал пусть пройдет

Когда навеки похоронен будет
Последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей,
Но ненавижу злобой заморозной
И всех антисемитов, как еврей,
А потому — я настоящий русский!

РИТАЛИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

Я с Анной Франк сидел на чердаке
и к шорохам прислушивался молча.
Меня в теплушке обнял Януш Корчак –
моя рука была в его руке.

Нас погрузили в длинный эшелон...
Нас было много или было мало?
Я столько раз убит, распят, сожжён –
и вот опять всё началось сначала.

Меня сожгут – но хватит ли огня?
Меня убьют случайно и по смете.
И день и ночь, который год меня
томит меня моё смертельное бессмертье.

Бывал я молод и бывал я стар,
я умирал прилюдно и в пустыне.
Ещё я шёл по Львовской в этот яр,
где памятника нету и поныне,

где до сих пор ручья иссохший след,
и тот обрыв, вздымающийся круто.
А впрочем, то, что памятника нет,
наверно, тоже памятник чему-то.

Меня сожгут – но хватит ли огня?
Меня убьют случайно и по смете.
И день и ночь, который год меня
томит меня моё смертельное бессмертье.

1961

БАБИЙ ЯР

...И поныне – только нагнись –
здесь подынешь десятки гильз.
А по дну протекает ручей –
вымывает обломки костей.
Кости белые, кости жёлтые,
Кости временем перетёртые,
обгоревшие, побуревшие,
посеревшие, почерневшие...
Чьи они, эти кости? Может, бабки моей
– я когда-то к ней бегал в гости
(словно рана, сочится ручей)...
Или, может быть, одноклассницы,
хохотуньи, девчонки смешной...
Чьи здесь кости? Какая разница?
Вымываются кости водой...
Видно, вправду бессильно слово...
Я стою в этом страшном рву.
А мальчишка гонит корову –
пусть бурёнка пощиплет траву.
Здесь трава зелена и густа,
зеленее и гуще, чем всюду...
Что он знает про эти места?
Что он может узнать? Откуда?
Нет на нём никакой вины:
он родился после войны.

1961

ЛЕВ ОЗЕРОВ

Говорят погибшие. Без точек.
И без запятых. Почти без слов.
Из концлагерей. Из одиночек.
Из горящих яростно домов.

Говорят погибшие. Тетради.
Письма. Завещанья. Дневники.
На кирпичной на шершавой глади
Росчерк торопящейся руки.

На промозглых нарах железякой.
На стене осколками стекла.
Струйкой крови на полу барака
Расписалась жизнь – пока была...

Говорят погибшие. Дыханье.
В грудях пепла раздувает жар.
Маутхаузен. Орадур. Дахау.
Бухенвальд. Освенцим. Бабий Яр.

У меня мечта есть у живого:
В эти мне отпущенные дни
Вымолвить хоть слово, хоть полслова,
Но из тех, что унесли они.

1962

МАРК ШЕХТЕР

БАБИЙ ЯР

К чему мне камни мёртвые Эллады!
Я Вечный город посетить не смог.
И пирамид египетских громады
Не у моих, друзья, лежали ног.

Не представляю кровель Назарета,
Зорь аравийских яростный пожар...
Я в Киеве бывал.
Из лазарета
Мне открывался чёртов Бабий Яр.

Там тишина зловещая такая¹⁷,
Что белый свет становится не мил!
Там бродит скорбь, беззвучно оклика
Сто тысяч обитателей могил.

Не буду путь держать к чужим руинам...
Здесь спит Война.
Совсем не вдалеке.
И тополь что-то шепчет на старинном,
Уже полузабытом языке.

Начало 1960-х

¹⁷ В РГАЛИ: «Там достопримечательность такая»

НАТАЛЬЯ РОВЕДА

БАБИЙ ЯР

1.

Поклон Вам низкий, призрачные тени
Неисчислимых и жестоких жертв –
Живые, слушайте, вы – смертные творенья
О тех, кто жил и ныне мертв.

Я никогда там не была,
Но в книге друга¹⁸ прочитала
О том, как утро рассекла
Сухая дробь фашистского металла.

То утро было без числа...
Рассвет холодным и туманным,
Вздымался дым насилия и зла,
Пил ворон кровь из свежей раны.

Их казнь ждала, подстерегала смерть
В конце пути, где камни все знакомы
И даже вывески... Как странно умереть
В столице древней, чуть вдали от дома.

В том самом городе, где ты открыл глаза,
Где бегал ты, чумазый и курчавый,
Где был и смех, и первая слеза,
И первая любовь, чудесней славы.

И вспомнил каждый, чем бывал согрет –
Все мелкие черты, до самых неприметных.
Неповторима жизнь прожитых лет

¹⁸ Имеется в виду И.Г. Эренбург и составленная им и В. Гроссманом «Черная книга».

Пред тем, как завтра не увидеть света.
Так длинной лентой потянулся путь
Тяжелым шагом обреченных,
Ничто не изменить, назад не повернуть:
Под маской каменной убийцы непреклонны.

Белее снега лица горожан,
В бровях – печать тысячелетней скорби,
Их в серый саван пеленал туман
И темный ужас спины горбил.

Обнявшись, шли невеста с женихом,
Но странен креп на свадебном наряде,
Поют гортанно траурный псалом,
Но умер звук в последней их усладе...

Пунцовый бант на темных волосах
Горит у девочки гвоздикой алой.
С ней бабушка согбенная в слезах
Молитвы шепчет, а надежды мало.

На что надеяться? На милость палачей,
На чудо с высоты предвечной?
Пустое небо не щадит людей,
Разрозненных враждой извечной.

У девочки расширены зрачки,
Не дрогнут длинные ресницы,
Не выпуская старческой руки
Глядит кругом на сумрачные лица...

А там в лощине уж копают рвы
И ржаво лязгают железные лопаты,
И по буграм всклокоченной травы,
Как оловянные построились солдаты.

Вот выступил немецкий офицер,
Прямой, как штрих, в фуражке острой,
Револьвер вынул – показать пример

Ему, чудовищу, казалось просто.
И вот сигнал, и долгий стон,
И тихий плач, и детский крик от боли
Рвут на куски угрюмый небосклон
С багровым знаком сатанинской воли.

Не уцелел никто, и только до шлагбаума
Старик один добрел до высохшей травы,
Пожалуй, мог бы добрести до дома,
Но путь лежал к надзвездной синеве¹⁹.

Был старец кроток, величав и грозен,
Высокий, в длинном черном сюртуке,
Воздел он руки – слишком поздно –
Все были там простерты на песке...

И рухнул он, как дуб столетний,
Не устояв в огне военных гроз,
Раскинув рук безжизненные плети,
Развеяв дым седых волос.

2.

Кровавый Яр еще ярится.
Здесь мародеры тащат разный скарб,
Взглянуть не смея мертвым в лица,
Ползет их многоногий краб.

О чем-то зашептали глухо,
Найдя два тела, – смертью сплетены –
Ребенок с бантом, бедная старуха –
Не дождалась ни мира, ни весны.

А где теперь лежат те двое,
Как тень Джульетты с нежным женихом,
В каком заоблачном покое
Сидят за свадебным столом?..

¹⁹ В первонач. варианте: «Он был похож на Наппельбаума, фотографа известного в Москве».

«Нет повести печальнее на свете»,
Так написал старик-Шекспир.
В одной гробнице спят, как дети –
Влюбленных не забудет мир.

А где гробница для четы евреев,
Кто нам сберег их легкий след?..
Днепровский ветер их развеет
В тумане утонувших лет...

3.

Все умерли, все умерли, но факел гнева
Несет, подняв, безумный Агасфер,
Он осветил подземной глубине чрево,
Он полыхнет до высших сфер.

И скажет: здесь, на лобном месте,
Десятки русских, украинцев и татар,
Евреев тысячи рядами вместе
Сокрыл навечно Бабий Яр.

И лишь весной подснежник тонкий
Из снежной выбьется норы,
Синея смутно и не звонко
На хрупком льду земной коры.

Остановись, прохожий, посмотри
В глаза цветку на длинном стебле,
И в чашу сердца собери
Все капли крови, обогривших землю.

4. Послесловие

Так вот она, поэма скорби,
Лежит пластом на письменном столе,
Спит тишина, и легкой дробью
Рассвет играет на стекле.
Чернильница и серый пепел
Засветились оранжевым лучом,

А жизни лик еще не светел,
Мир под дамокловым мечом.

И вот раздумья и сомненья
В бессонный мир без спроса ворвались:
Зачем звать из мрака тленья
Об *этих* днях навязчивую мысль?!..

Не только ими век двадцатый
нас одарил, рогатый эшафот
Везде маячил в тот проклятый
Тридцать седьмой бесправный год.

Снежинок нам не счесть в сугробе –
Тех, кто без гроба принял вечный сон –
Их палачи теперь смердят во гробе,
Речей надгробных замер пустозвон.

Не все ль равно – бледнеют краски
У самых пышных похоронных лент,
Вождей, казнивших без оглядки,
На свалку сброшен монумент.

Художник мажет черной тушью
По озаренным облакам:
Мой современник, друг мой, слушай –
По старым не иди стопам!

Души не продавай за счастье
Каких-то двух газетных строк,
Чтоб не терять почет у власти
И чтоб досрочно не вогнали в гроб!

Я не поэт, но он придет, достойный,
С душою чистой, как волны кипень,
Почтит эпिताмой стройной
С зарею новобрачный день.

Зима 1962–1963

ІВАН ДРАЧ

22 червня 1966 року о 5 годині вечора
Проїздили ми над Бабиним Яром
Вечірнє сонце гушло в сонній хмарі
Дядьки в кущах лежали й пили пиво
Обсмоктуючи з прицмоком тараню
Пообіч негр розлігся на колінах
Блондинистої юної красуні
Ходила сива баба і напитувала
Чи в них немає хрестиків на продаж
Хирляві клени жухли од спекоти
І син мій спав у мене на колінах
І снівся йому дикий кінь у травах
Десь гупали копри об твердь земну
Та хтось лопатами скидав на мене небо
Тверде з корінням хмар
з камінням сонця
Аж металеві кобри лямпіонів
В гущавині ховали довгі шиї
І затуляв я інстинктивно сина
22 червня 1966 року о 5 годині вечора
Коли ми приїздили над Бабиним Яром

1966

ЛЕОНІД ЧЕРЕВАТЕНКО

Ось аматорське фото
із архівів фашизму:

глинистою лощовиною
тече повільна ріка
блідих переплєтених тіл
пекельне видиво Мікеланджело
голі жєнщини
голі діти
голі каліки й діди
всіх їх забито в потилицю

а поміж них мужчини
намитні-валуни серед поля
голі горбасті руки свої
поміж калік та дітей хоронять
і схоронити не можуть
роздягнені догола
мужчини їх так само забито в потилицю

ненавидне видиво Мікеланджело

1966

РИВА БАЛЯСНАЯ

На меня надвигаются рвы,
на меня надвигается время,
и опять я одна и со всеми:
вы погибли, но вы не мертвы.

Эта память во мне навсегда,
эта кровь никогда не сотрётся,
я напиться боюсь из колодца:
я не знаю, где кровь, где вода.

Четверть века мне снится тот год,
четверть века со странной улыбкой
мне навстречу Хануся идёт,
прижимая к груди свою скрипку.
Страшный ров. Осыпается край...
С каждым днём её песенка тише.
Но играй, всё равно ты играй,
потому что мы помним и слышим...

1966

Перевод с идиша Р. Заславского

САВА ГОЛОВАНІВСЬКИЙ

ВУЛИЦЯ МЕЛЬНИКОВА

На вулиці, що йде повз Бабин Яр,
кладуть асфальт. В повільній круговерті
кипить смола, і роздимають жар
робітники, замурані й уперті.

Віднині й присно внаслідок старань
батьків цього ушанованого міста
проляже тут, без ям або ковбань,
дорога стріловидна й урочиста.

Адже не віз чи древній тарантас
тут нині їздить поспіхом мушиним,
– у вік ракет і міжпланетних трас
потрібно мчати – людям і машинам.

Ну що ж, гаразд. Подяка і хвала
всім за старання пильне і велике,
хто дбає вчасно і не спроквола
про дефіцитні шини й черевики.

Шкода лише, що той, хто тут пройшов
колись на смерть у натопі німому,
збивав об груддя шкіру підшов,
і спотикався в розпачі на ньому...

Можливо, легше біль було б терпіть
йому, ті кроки роблячи останні,
якби могильним сном заздалегідь
не дихали ці ями та ковбані.

О, краще блиск асфальтових покрить
рівів не затуляв би та вибоїв –

не тамував того, що ще болить,
і ран на скорбній вулиці не гоїв!

Нехай би йшли тим шляхом молоді
і спотикались іноді в баюрах,
щоб не забути жах, яким тоді
жили колони смертників похмурих!

...Я сам люблю цю вулицю нову,
каштанами засіяну під осінь,
у скверах свіжоскошену траву,
красу тополь і вишуканість сосон.

Та раптом давня вигулькне стіна,
і жадібно читаєш, як на шпальті,
на ній оті трагічні письмена,
яких не прочитаєш на асфальті...

1968

АБРАМ КАЦНЕЛЬСОН

БАЛАДА ПРО СТРУНИ

Ходив із скрипкою у парі
він майже все своє життя.
Вона лежала у футлярі,
мов у колисочці дитя.

Як за гестапівським наказом
йому сумна прослалась путь,
ішов, як завжди, з нею разом,
ще встиг і фрак свій одягнуть.

Коли ж, хитнувшись, серед яру
в житті ступив останній крок,
з осиротілого футляра
упала скрипка на пісок.
Він простягнув до неї руку
і, доки вдарив смерті струм,
блідими пальцями пилюку
старанно струшував зі струн...

1968

ІГОР МУРАТОВ

РЕЧИТАТИВ

Добре тим, кому спиться
і нічого не видиться:
Бабин яр не присниться,
не привидиться Лідіце,
Не причується в рові
крик останній за тракторним, –
Це усе для здоров'я
недозволені фактори.
Безпораддя людського
ще не спиті крипиці,
Ще не збиті дороги...
Добре тим, кому спиться.

1968–1971

ЛІНА КОСТЕНКО

Я була маленька і стривожена,
зовсім не уміла мудрувать
і гадала, що на світі можна
вік прожить – як вірші прочитать.

Я читала б зранку та й до ночі,
я б читала щиро від душі,
та були до цього неохочі
всі мої малі товариші.

Більше їм подобалось, коли ми
гralися у фанти і квачі,
і з гори стежками польовими
гнали перед себе обручі.

І якщо не потрапляли в зарість –
то як вітер мчалися вони.
І частенько ми тоді врзались
прямо у колгоспні баштани.

Сторож нам показував ломаку,
ми кричали, сторожу назло,
і, мабуть, не стільки з переляку,
як тому, що весело було...

Ну, а потім, о страшній порі,
зажурились наші матері,
і пожеж багрянні язики
потяглися до Дніпра–ріки.

Нас тоді розкидало по світу,
звідали біди не по літах...
І лише недавно, цього літа,
знов була я в пам'ятних краях.

Пригадала дні свої дитячі,
«Виросла, – питаю, – діввора?»
А мене в долину біля Янчі
провели по березі Дніпра.

Мітку показали на вербині,
широко руками розвели:
– Кажуть люди, десь тут, у долині,
всі живцем закопані були.
Тут Одарка – невсипуща мати,
миротвориця дитячих чвар,
і Лаврін, прислів'ями багатий,
і Кривенко – сивий чоботар.
Тут Юрко і чорноока Хана,
всі твої товариші малі...

Тут земля, а в ній – глибока рана.
Не торкайтесь – боляче землі!

1960-е

1970-e

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

Уезжаете?! Уезжайте –
За таможни и облака.
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука!

Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша!
Значит – так посему и быть!

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком...
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды – прыг! –
Не семерка, не туз, не тройка –
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог –
Уезжаете?! Уезжайте,
Улетайте – и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От заправдашних мерзлых зон.
Только мертвых своих оставьте,
Не тревожьте их мертвый сон:

Там – в Понарах и в Бабьем Яре,
Где поныне и следа нет –
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля...
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная эта земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещеных единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят березы –
У деревьев свое родство!
А над ними звенят морозы
На Крещенье и Рождество!

...Я стою на пороге года –
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но за мною придет Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лед,
Он пойдет, не спеша, по трапу
В отлетающий самолет!

Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой.
Уезжайте! А я останусь.
Кто-то должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

1971

ЛЕОНІД ПЕРВОМАЙСЬКИЙ

В БАБИНІМ ЯРУ

Стань біля мене, стань, мій сину,
Я прикрию долонею твої очі,
Щоб ти не побачив своєї смерті,
А тільки кров мою в пальцях на сонці,
Ту кров, що й твоєю стала кров'ю,
І зараз вилитись має на землю...

Начало 1970-х

МОЙСЕЙ ФІШБЕЙН

ЯР

1.

Увранішню тишу
б'ються крила птахів.
... Самотній голос.
Самотня зірка.
Ще не зітерті
вчорашні сліди,
вечір без колискової.
Ще з люстра не зникли
вчорашні обличчя.
Ще спить
Рохеле без дірки в скроні.
Самотній голос.
Вже зірки нема.
Птахи дивляться на землю
з холодного неба.
Човгання. Гамір. Рипіння. Тупіт.
Вони йдуть
холодною твердою бруківкою,
тисячі люду
йдуть між твердих невблаганних стін,
вони несуть
Рохеле без дірки в скроні,
ось вона, скроня,
дитяча скроня без дірки,
вони несуть її туди, до кулеметів.
Човгання. Тупіт. Рипіння. Гамір.
З неба
на землю
дивляться птахи.

2.

Понад Бабиним Яром летять журавлі –
вересневе ридання.

Понад Бабиним Яром летять журавлі –
як надія остання.

Чорні тіні летять у важкій тишині,
у своїй самотині,
понад осінь летять, понад ночі і дні
ці тіла журавлині.

І несуть недосяжність на кожному крилі,
і зникають у мреві.

Понад Бабиним Яром летять журавлі,
ці плачі вересневі.

1974, Київ

НАУМ КОРЖАВИН

ПОЭМА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Бабий Яр. Это было. Я помню... Сентябрь... Сорок первый.
Я там был и остался. Я только забыл про это.
То есть что-то мне помнилось, но я думал: подводят нервы.
А теперь оказалось: всё правда. Я сжит со света.

Вдруг я стал задыхаться и вспомнил внезапно с дрожью:
Тяжесть тел... Я в крови... Я лежу... И мне встать едва ли...
Это частная тема. Но общего много в ней тоже. –
Что касается всех, хоть не всех в этот день убивали.

Всё касается всех! Ведь душа не живёт отдельно
С этим вздыбленным миром, где люди – в раздоре с Богом.
Да, я жил среди вас. Вам об этом забыть – смертельно.
Как и я не имею права забыть о многом.

Да, о многом, что было и жгло: о слепящей цели,
О забвении горя людского, причин и следствий...
Только что с меня взять? – мне пятнадцать, и я расстрелян.
Здесь – ещё и не зная названия этого места.

Пусть тут город, где жил я, где верил, как в Бога, в разум,
Знать хотел всё, что было, угадывал всё, что будет, –
Я на этой окраине не был. Совсем. Ни разу.
И не ведал о том, как тут в домиках жили люди.

Я сегодня узнал это, я их в толпе увидел,
В их глазах безучастье молчало, как смерть, пугая...
Где мне знать, что когда-то здесь кто-то их так же обидел, –
Примирил их с неправдой и с мыслью, что жизнь – такая.

Я шепчу: «обыватели»! с ненавистью и с болью.
Все мы часто так делаем гордо и беззаботно.
Ах, я умер намного раньше, чем стал собою,
Чем я что-то увидел, что понял я в жизни что-то.

Мне пятнадцать всего, у меня ещё мысли чужие.
Всё, чем стану богат, ещё скрыто, а я – у края.
Светом жизни моей, смыслом жизни ты стала, Россия.
Но пока я и слово «Россия» нетвердо знаю.

Я таким и погибну. Намного беднее и меньше,
Чем я стану потом... Стыдно помнятся мысли эти...
Здесь впервые я видел беспомощность взрослых женщин,
Понял, как беззащитны на свете они и дети.

...До сих пор лишь дорогой я жил, – верил только в сроки.
Что обычные чувства? – Дорога – моя стихия.
А теперь я прошёл до конца по другой дороге.
По недалней другой, – той, что выбрали мне другие.

Я в газетах читал о них раньше, как все читали.
Верил: в рабстве живут они. Мучась, не видя света.
Я мечтал им помочь, и они обо мне мечтали, –
Что когда-нибудь так я пройду по дороге этой.

Я сегодня их видел. Смотрели светло и честно.
Видно, Верой была им мечта, что я скоро сгину.
И я шёл через город, где только что кончилось детство, –
Он глаза отводил. Притворялся, что он – чужбина.

Шёл я в сборной толпе. В ней различные люди были.
Я не всех тут любил, хоть одно составлял со всеми.
Я не мог бы так жить. И я рад, что меня убили.
Что ушёл я в себя: непосильно мне это время.

Нет, не гибель страшна! Все мы знали, что можем погибнуть, –
В наступающих битвах, которых предвиделось много.
Но не так, а со смыслом, с друзьями, и даже – с гимном!..
Нет, не гибель страшна, а такая страшна дорога.

Нет, не гибель страшна, а дорога сквозь эти взгляды,
Сквозь припрятанный страх, любопытство или злорадство...
– Так и надо вам, сволочи! Так вам, собаки, надо!.. –
Злобно баба кричала в толпе, не могла накричаться.

Изнывала она от тоски, заходясь гнусаво.
Словно тысячу лет эта боль разрывала душу,
Всё таилась в душе... А теперь получила право
На своё торжество, на свободу, – рвалась наружу.

Торопилась излиться. На всех. На меня хотя бы.
Чтоб воспрянуть, взлететь, чтоб за всё получить с кого-то...
И она ликовала, она наслаждалась, баба, –
И несчастной была, и противной была, – до рвоты.

Сто веков темноты, ощетинясь, за ней стояли.
И к тому же – обман и безжалостность этого века, –
Что мне крылья давал, что давал мне провидеть дали,
Что давал мне возможность считать себя человеком.

Может, это за счёт её счастья? Что ж, я в ответе.
Впрочем, так я не думаю, мал ещё думать это.
Да и здесь неуместно... Ну я, а при чем тут – эти?
Да и что я про бабу? В ней правды сермяжной нету.

Ведь не все, кто страдал, так тут жаждут сегодня крови.
И не все, кто страдал, потеряли лицо и меру.
И с кого получать? Здесь, в толпе, только я виновен.
Я один. Я парил над страданьем на крыльях веры.

И был счастлив один. Остальные ж – причастны мало.
Просто жили и жили, как все, – среди нужды и бедствий.
Только баба не счёты сводила, а так орала.
Не от правды – от зла, от того, что пропало сердце.

Было мало его – вот и город с ним сладил скоро.
Ничего не оставил. Лишь зависть, лишь взор нечистый.
Да. Но кто её вытащил голодом в этот город,
Оторвал от земли, от себя, от понятных истин?

Чужд мне этот вопрос... Я его лишь предчувствую слабо.
Отходя, вижу бабу опять сквозь туман событий.
И вдруг сызнова это – стоит и глядит на бабу
Тонколицый эсэсовец – «воин-освободитель».

Он теперь победитель. Вся жизнь за его плечами.
В страшной вере его меч судьбы для толпы обречённой.
Он тут всё подготовил, а нынче страну изучает
С высоты своей расы... В нём жив интерес учёный.

Я уж видел таких – вдохновением глаза блистали.
Претенденты не только на власть – на величие духа, –
Господами вселенной вы были, а вшами стали, –
Мне такой вот сказал, когда дворник избил старуху.

О каком вы господстве? Неважно. Всё тонет в гуде.
А эсэсовец смотрит в пенсне на толпу, на хаос.
Вдруг столкнулся глазами со мной, только скрипнул: «Jude!»
...Я теряюсь, когда ненавидят меня, теряюсь.

Я тогда и взаправду внезапно вину ощущаю,
Словно знал да скрывал от себя в гуще дел и быта,
Что гармонии мира всей сутью один мешаю,
Сам не ведая, как; а теперь это всё – открыто.

Впрочем, все мы мешаем. Естественней так, признаться,
Винovatить сначала себя, хоть и мало толку.
Просто я неиспорчен пока – мне ж всего пятнадцать!
Может, впрямь я господствовал, да не заметил только.

Может, вправду все правильно? Может, мы впрямь – все иные?
Все, кто в этой толпе, всей толпой: слесаря... студенты...
Счетоводы... завмаги... раввины... врачи... портные...
Талмудисты... Партийцы... Российские интеллигенты...

Может, вправду? Неправда! Мы розны – мечтами и болью.
Впрочем, что возражать? Люди в каждой толпе – похожи.
Здесь не видно меня – я еврейской накрыт судьбою.
...Хоть об этой судьбе стал я думать намного позже.

Есть такая судьба! – я теперь это в точности знаю.
– Всё в ней – глупость и разум, нахальство и робость – вместе.
Отразилась на ней темнота – и своя, и чужая.
И бесчестье – бесчестье других и своё бесчестье.

Есть такая судьба – самый центр неустройства земного.
И ответчик за всё – древний выход тоски утробной.
Забывают о ней, но чуть что – вспоминают снова.
И в застой, и в движенье для злобы она удобна.

Есть такая судьба! И теперь, и во время иное.
Я живу на земле и как все, и как третий лишний.
И доселе бывает заманчиво жертвовать мною, –
Всё валить на меня, если что-то у всех не вышло.

Этим выходом ложь манит вновь, как не раз издревле.
И подводит опять – это тоже не раз бывало.
Потому что мы люди, и жертвовать мной не дешевле,
Чем любим – надо душу свою загубить сначала.

Я теперь это знаю, – земля, как и прежде – Божья.
Все мы связаны кровно. – И я. Это всем известно.
И нельзя обойтись без меня, – даже если можно,
Даже если обидно, что я занимаю место.

Подлый грех – рассужденья, кто нужен, а кто – не очень.
Мы – одна суета, и одно нас сжигает пламя.
И нельзя обо мне говорить, что во мне вся порча.
Даже если бы так, – стал таким я от вас и с вами.

Наши души – клубок. А без душ – ни любви, ни муки.
Лишь одна пустота и мечты о кимвальной славе.
Только скука одна и жестокость от этой скуки, –
Сам не жажду я жить на земле, где я жить не вправе.

Есть такая судьба! И во всякой судьбе есть такое.
Только эта – меж всеми, со всеми в дурном соседстве.
А в соседях – известно – нагляднее зло мирское:
Вечно хватит причин, чтоб в соседа острее взглядеться.

Есть такая судьба! – часть обычная общего ада.
Я на ней не стою, хоть её обижали много.
Чтобы жить по-людски, из неё вырваться надо.
Как из всякой судьбы, к одному вырваться Богу.

А пока я лежу. Я понятия пока не имею
Ни об этой кровавой судьбе, ни о Божьем троне.
Всё стараюсь поверить, что гибну в борьбе за идею
И стыжусь, что не верю... А рядом девчонка стонет.

Я ведь помню её: ни тачанки за ней, ни кожанки.
Танцы, книжки и парни, и смех победительный, звонкий.
Благочестье храня, презирал я её, как мещанку.
А она не мещанкой была, а была девчонкой, –

Знавшей временность жизни. И радости всякой ценность
От рожденья – так просто, как я и теперь не знаю.
Но лежит она здесь, как и я. Никуда не денусь
Я от этой судьбы. Пусть мне ближе судьба другая.

Пусть об этой другой я тоскую, качаясь, как в бурю...
Но эзэсовца взгляд – всё насмешливей, мой – всё строже.
Он меня – я в крови – презирает, как учит фюрер.
Пусть. Я понял уже, что его презираю тоже.

Вера? Верил и я. И я знаю, как верят чисто.
Был хоть с ним поделиться я правдой готов своею.
У него для меня только смерть – ни судьбы, ни истин.
Только смерть. Даже странно, что это и есть идея.

Видно, знать мне дано, что идей без всеобщности – нету,
И что правда всегда, – даже если, как я, неправ ты, –
Это правда для всех. Или вовсе не правда это,
Просто страстная ложь, вдохновенный отказ от правды.

Просто страстная ложь, где победа – обгон без правил,
Вера в то, что сойдет (как приятно, что Вера всё же).
Недостигнувших Бога в пути подбирает дьявол.
Души адский огонь согревает почти, как Божий.

Это знать мне дано. Хоть я мыслью об этом не знаю.
Бога нет! А я верен своим представлениям и взглядам.
Просто в сердце моем ноет правда, как рана сквозная.
И по-прежнему девушка стонет беспомощно рядом.

Просто девушка эта – раздета – как всех раздели.
Просто очень нежна – а в крови у неё рубаха.
А эзсовец смотрит – всё так же он верен Цели.
Я не скоро пойму, что всё так же он верен Страху.

На груди его – крест. А в глазах – ощущение силы.
Сталь. Стандартная сталь – и по мужеству, и по цвету.
Но всё чаще мне кажется: что-то ещё в них было.
Что-то было, чего я не помню, хоть видел это.

Я лишь ненависть помню одну – мне ж всего пятнадцать.
Я не знал до сих пор, а теперь уж и знать не буду,
Что и в ней, и за ней подлый страх без неё остаться,
Что не столько она, сколько он в этом хрипе: «Jude!»

Что лишь ненависть схлынет, и ляжет на сердце глыбой
Всё, что мамой навеяно мальчику в куртке куцой,
Всё, что помнится всем, что теперь ему помнить – гибель.
Как лунатику гибель у края стены очнуться.

...И не скоро поймёт он – что сам он прижат, как муха.
Что тут ненависть – верность, заметят бесстрашие – исторгнут.
Правят страсти кухарочки, вырядясь творчеством Духа,
И гордятся собой... И спасенье одно – в восторге.

Ах, восторженный страх, подлый страх! Простота святая!
Это искренне сердце подвластно гремучим фразам.
Это веру в нелепость с восторгом душа подтверждает.
Это чувство, а чувство – известно! – точнее, чем разум.

И возвышенной тоже... Ах, чувство! Ничто с ним не стыдно.
Разве стыден восторг неуёмный в любви к отчизне?
Нынче в моде восторг. Быть восторженным стало солидно.
Чувство знает, что лучше лишать, чем лишаться жизни.

Знает также оно, что приятней терзать, чем терзаться,
И поэтому проще, когда в твоих мыслях – пусто.
Чувством помнить легко про опасность любви и братства,
Чувством просто забыть, что бывают другие чувства.

И беречь свой восторг, и гордиться, служа ему верно.
И по трупам шагать, выполняя свой долг солдата...
Ах, Германская Армия! Храбрость твоя – безмерна!
Но трусливые люди твои составляли штаты...

Шли они по земле, как рабы, увлечённые властью.
И учились гордиться уменьем на гордость плюнуть.
С каждой новой победой всё больше в них было рабства.
С каждой новой победой всё меньше желанья думать.

Их метель заметала, и вьюги им в лица дули.
Но несли они с гордостью рабство своё туземцам.
Ничего не боялись – ни бомб, ни штыка, ни пули.
Оглянуться боялись – за ними дымил Освенцим.

Пели песни, гордясь, когда влёл их в пучину «Бисмарк»,
И Берлин защищали, как ад защищают черти.
Оглянуться ж – боялись. Боялись случайной мысли.
Отщепенства боялись – что было им хуже смерти.

Это значило лечь здесь, со мной безвозвратно в яму.
Или в лагерь попасть – прямо в печь из гремящей славы.
И несли они зло, сохраняя восторг упрямо,
И свой собственный дом защищать потеряли право.

Но его защищали, хоть были обложены плотно,
И послушно, как раньше, о вере в победу кричали.
А потом проиграли войну и вздохнули свободно, –
Видно, было в них что-то, о чём даже в мыслях молчали.

Видно, даже сойдясь с гроыхающей подлостью века,
В тяжком рабском восторге собою себя подминая,
Всё равно среди лжи бесприютна душа человека,
Даже если он верит... Что-что, а уж это – я знаю...

Нет, не знаю – узнаю. Не нынче. И даже – не скоро.
Мне пятнадцать всего – это разве моя забота?
Я лежу среди трупов, пройдя через вздыбленный город,
Я весь день ощущал, что меня ненавидит кто-то.

Ненавидеть в ответ? Это надо. Но столько всплыло
В прошлом режущей подлости – я уж оглох от шума.
Привирают? Наверно. Но что-то и вправду было,
Если баба орёт, если люди молчат угрюмо.

Что-то помнят они... (Голод!.. Это, как бред, огромно:
Грузовик за окном, а на нём – словно брёвна – трупы.)
Что-то помнят они. Да и я это тоже помню.
Я «списал» это только, поверил, что помнить – глупо.

И зачем было мне через детство тащить такое –
Этих серых и сирых с их скучной тупой печалью.
Волновало – движенье! Хотелось – как всем! – в герои...
Я простил их судьбу, а сегодня – мою прощают.

Я простил их судьбу и отбросил деталью лишней.
Потому что вся жизнь – (все слова!) – на неё не похожи.
Словно впрямь из таких бы герои вовек не вышли,
Словно впрямь они все родились, чтоб трястись под рогожей.

Ну, а если б и им кабинет и ковёр на диване,
Где забвение бед под защитой идеи и флага?
Неужели закон – сумасшедшее соревнованье,
Кто кем раньше пожертвует ради всеобщего блага?..

...Только где мне об этом подумать в свои пятнадцать?
Я лишь танцы кляню – в них мещанство и запах гнили.
Об огне революций мечтаю – гореть и драться.
И мне жаль, что давно кулаков без меня разбили.

И, конечно, чекисты в кожанках мне снятся часто.
В их жестокости вижу я подвиг, в их лицах – лики.
Как же! – В битве за счастье их участь – нести несчастье.
Ради правды – грешить. Мне тот грех, – как святых вериги.

Как само бескорыстье, чей подвиг почётней риска.
Как причастье к сиянью, к тому, что от прочих скрыто.
Где мне знать, что смешно честно верить в своё бескорыстье,
Если сам на коне, а кому-то в лицо – копыта.

Голубая романтика! Подлость! О, сколько крови,
Сколько грязи прикрыть ты умеешь от глаз собою...
А ээсовец смотрит. Он знает, что я виновен,
И он знает, как надо теперь поступить со мною.

Над его головою каштанов красные листья.
За спиною его ловят солнце, как прежде, окна.
Рад, что именно он этот мир от меня очистит,
Вся земля расцветёт, потому что он здесь не дрогнул.

Судия он теперь... Ложь! Убийца приказа ради.
Сам себя я сужу, хоть покамест того не знаю.
Рядом девочка с рук потянулась к фуражке: «Дядя!»
Вздрогнул всё же. Прошла над скулою волна стальная.

Враг мой, жалости враг, всё ж он вздрогнул. На миг, а всё же...
Но себя обуздал. Вновь стоит, как ряды считая.
И я вдруг понимаю, что всё ж мы немного похожи, –
Потому что о трудном участке работы и я мечтаю.

Потому что, конечно, он тоже живёт идеей.
У неё ж справедливость своя. – К ней причастье – лестно.
Хоть причастье к обычной даётся куда труднее.
А она бы сегодня была мне куда уместней.

Я бы мог возмутиться, а так и не пикну даже.
Ведь права, что попрали враги, сам ценил я мало.
Что сказать! Справедливость бывает своя и вражья.
Жаль, что их справедливость сегодня мою подмяла.

Вот и всё. И лежу среди всех, кого тут скосило.
И меня уже нет – даже нету мечты подняться.
Да, своя справедливость ничто без поддержки силы...
Только этого мне не узнать. Мне навек пятнадцать.

* * *

Как и всем, как и вам, долго душу мучил этот хмель мне.
Как и мне, вам понятна гордыня раздора с Богом.
Знаю: мне, как и вам, забывать про неё смертельно.
Но и вам, как и мне, надо память хранить о многом.

О совместном грехе, и особой, позорной каре.
Мы грешили равно – в каждом бродит душа живая.
Только вы на земле. Я ж за это лежу в Бабьем Яре...
Впрочем, это я сам – так бывает – легко забываю.

И живу на земле. Злюсь, творю, устремляюсь к выси.
И живой, как и все, поступаю не так порою.
И всегда поражаюсь желанью меня унижить, –
Вновь столкнуть меня лбом с пресловутой моей судьбою.

Поражаюсь опять этой логике злой бесстыдства.
И открытости: ты жить, как я, не имеешь права.
Это буйствует век, не успевший стыду научиться:
Как добыча, нахрапом, берутся призванья и славы.

Снова что-то не вышло и вновь моя участь – чужая.
Обвиненье? Всё то ж: «Для него всё святое – не свято».
И я снова мешаю – всеобщему братству мешаю, –
Как по той же причине немецкому братству когда-то.

Ну, а может быть, хватит? Тупик – за такое хвататься:
Все – мешают. Все люди. А ложь для души – отравка.
И зачем? Всё равно без меня не достигнуть вам братства:
Что поделывать! – на братство я тоже имею право. –

Раз тянусь я к нему, раз я жажду принять участие,
Раз и свет и любовь до сих пор в моём сердце живы...
Нет, меня обделить «благородно» никак не удастся.
Лишь прямым грабежом! – только подло и только лживо.

Только злобе и лжи до конца отдавая души,
Только чьим-то ножам и свои подставляя груди.

Кто поверит в Закон, если нагло он так нарушен?
А не веря в Закон, свирепеют от страха люди.

Но убить меня – просто. Сказать: «Не твоя Россия...»
Ведь она – моя жизнь, путь к вселенной и к Богу, и к песне...
Но бывает, что скажут... И всё потеряв, обессилив,
Я тогда ощущаю опять под ногами бездну.

И лечу в эту жуть, в этот гуд, в этот запах гари.
И опять понимаю, что только затмение это.
Что никем я не стал. И не стану – лежу в Бабьем Яре.
И в пятнадцать умру. И всё правда: я сжит со света.

Начало 1970-х

ШЛОЙМЕ ЧЕРНЯВСКИЙ

Промчалась страшная беда...
В какой же горестной надежде
я прихожу сюда, как прежде?
Зачем я прихожу сюда?

Сорок четвёртый давний год.
Душа от ужаса ослепла.
Над Бабьим Яром тучи пепла
ещё раз ветер пронесёт...

Вот башмачок лежит в траве...
Он полусгнил... А где ребёнок?
Ладони матери спросонок
по детской бродят голове...

Они коснутся нежных щёк...
Они скользнут... не руки – тени...
В траве сгнивает башмачок...
Он чей?
И кто его наденет?

Над Бабьим Яром ветра свист.
Что было даром? Что недаром?
Летит листва над Бабьим Яром.
На башмачок ложится лист...

Начало 1970-х

Перевод с идиша Р. Заславского

РИТАЛИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

Я помню: мой дедушка плавал,
руками смешно разводя.
Песок раскалялся, как лава,
и падали капли дождя.
И помню, как дедушка брился –
скрипел о щетину металл.
Я помню, как яростно брынзой
он пиво своё заедал.
Я помню – немного, а помню,
без памяти этой моей,
наверное, было б легко мне,
а может быть, в чем-то трудней.
С неблизкими и дорогими
я шёл по дороге земной,
и всё, что случилось с другими,
я знаю, случилось со мной...
Нет деда. И я уже старый.
Всё вижу, как есть, наяву.
И сам возле Бабьего Яра –
полжизни – так вышло – живу.

1974

УВОЗИТ МЕНЯ ЭШЕЛОН...

1. ИЮЛЬ 1941

Увозит меня эшелон от судьбы,
увозит куда-то в Россию...

Мелькают, мелькают, мелькают столбы,
мелькают пространства чужие.

Увозит меня от судьбы эшелон,
от той, в сентябре предназначенной, пули.
Об этом ещё я не знаю в июле!
Летит полукругом крутой небосклон...

Увозит меня эшелон от огня,
увозит меня эшелон от пожара,
от Бабьего Яра увозит меня,
чтоб после я жил возле Бабьего Яра.

Когда это будет? Когда-то. Потом.
Сейчас я сижу на ступеньке теплушки.
Плывут водокачки. Кружатся верхушки
деревьев. Прносятся поле и дом.

Всё странно смешалось. Заката пожар.
Постелены тряпки на голые доски...
И в щели последнего солнца полоски
ползут...

Я не знаю, что есть этот яр.

Пока я не знаю ещё ничего.
Но скоро, наверное, всё же узнаю.
И жизнь потечёт ежедневно иная,
изменится сразу моё естество.

Увозит меня эшелон от судьбы,
увозит куда-то в Россию...

Мелькают, мелькают, мелькают столбы,
мелькают пространства чужие.

2. СЕНТЯБРЬ 1977

Я стою над могилой своей –
столько раз, столько лет, столько дней
Эти мокрые комья земли
мною стать на рассвете могли.
Вот и всё. Ни друзей, ни стихов,
ни тоски, ни любви, ни грехов.
В землю выпал из сердца свинец.
Вот и всё. Мне тринадцать. Конец.
Мне тринадцать. Сейчас и навек.
Нет веселых струящихся рек.
Не плывут никуда облака,
не дрожит тонкий стан стебелька.

Мне тринадцать. Та-та, та-та-та...
Как мелодия эта проста!
Этот страшный обрыв. И ручей.
Мне тринадцать. Я больше ничей!

Нет тебя. Твоих глаз, твоих рук.
Пулемёт. Круглосуточный стук:
та-та-та, та-та-та, та-та-та...
И обрыв. Крутизна. Высота.

Только эти и знаю места:
та-та-та, та-та-та, та-та-та...
Мне тринадцать. Печальна, слепа,
незаметно уходит толпа.

Это я. Это мы. Это все.
Босиком. По сентябрьской росе.

3. ВСЕГДА...

...И скрипнут состава суставы,
мы будем лететь под откос
в песок и горящие травы,
чтоб руки и ноги вразброс...

Бомбежка. Кружится над нами
с крестами чужой самолет.
Кружится над жизнью, над снами,
в пикé, завывая, идёт.

Разрывы... Разрывы... И комья
взлетающей к небу земли
О чем вспоминаю? О ком я?
Давно эти годы прошли.

Но только смыкаю ресницы –
летит на меня небосклон.
И снится, по-прежнему снится
войны нескончаемый сон...

4. МОНОЛОГ НЕРОЖДЕННОГО СЫНА

Я не успел, я не успел
увидеть белый свет.
Лежала грудa мёртвых тел,
меня же просто нет.
Я мог родиться, стать собой,
но не успел, но не успел
увидеть этот голубой
сферический предел.
И я бы, может, на земле
проделал кучу дел,
но всё погибло в страшной мгле –
я не успел, я не успел.
Меня не брали на прицел,
не падал я в траву.
Я даже это не успел!
И всё же я во рву...

Кусочек сплющенный свинца,
попавший не в меня,
и – ни начала, ни конца,
ни ночи и ни дня...

5. МОНОЛОГ НЕРОДИВШЕЙСЯ ДОЧКИ

– Папа, ты помнишь меня?

– Я не помню.

– Папа, ты знаешь меня?

– Я не знаю.

– Папа, ты зыбку качал на рассвете.

– Это не я, это, может быть, ветер.

– Папа, ты за руку вёл меня в школу,
был в этот день ты весёлый-весёлый!

– Что же умолк ты? И смотришь куда-то...

Так далеко ведь та страшная дата...

– Папа, а я уже взрослою стала!

Даже от жизни немного устала...

– Папа, смотри, у тебя уже внуки!

Ну, протяни же скорее к нам руки!

– Папа! Ну, что ж ты безмолвствуешь, папа?

6. БАБИЙ ЯР

И тридцать – сорок лет спустя

вдруг просыпается дитя,

и с пулею в затылке

выходит из могилки.

Оно босое – будет жар.

А мамы нету рядом.

Идёт дитя. И Бабий Яр

обводит детским взглядом.

Нет мамы. О, как бьёт озноб!

Укрыть дитятю нечем.

И ветер остужает лоб,

и сводит дрожью плечи.

Иди, дитя! Иди, иди,
пути не разбирая.
Та ночь – сентябрьская, сырая –
уже осталась позади.

Перед тобой любая дверь
открыта и закрыта.
О, ты печально-знаменито –
ты привидение теперь!

Тобой клянутся и клянут,
вершат какой-то вечный суд,
шумит людское вече,
но ты не слышишь речи.

Ну, что тебе сейчас слова,
когда незримо-зримо
проходишь ты насквозь и мимо,
хоть над тобой давно трава...
Дитя, пришедшее из рва.

Как долгод будет этот путь,
когда ни крикнуть, ни вздохнуть,
но нет пути короче
из этой вечной ночи.

И ты идёшь, идёшь, идёшь
себе и всем навстречу,
хоть, может быть, лишь я замечу
неясный след твоих подошв...

1974–1977

ДМИТРО ПАВЛИЧКО

Ходивши біля Бабиного Яру,
Де плаче вітер сивий, як пророк,
Я на червоний наступив листок,
Що з клена впав на плити тротуару.

І бризнула, як полум'я пожару,
Із нього кров, і послизнувся крок,
Озався кулемет, і в темний змрок,
Неначе в яму, впав я від удару.

Там я помер від кулі й там воскрес,
Але навік, як блискавка шалена,
В душі моїй зостався крик небес.

Вступила в мене сила незнищенна,
А наді мною листя, як знамена,
Палало в глибині небесних плес.

1976

Край Бабиного Яру в небеса
Звелася телевежа. А під нею
Сіяння дивне стелеться землею,
Немов осінніх яворів яса...

Та ні! Там сяє мамина сльоза
Крізь товщу закривавленого глею,
Там біле світло, схоже на лілею,
Запалює блакить, як та гроза.

А там димують гори, наче рани,
Вкриваються вогнем материки,
Болінням людства світять океани.

Куди ж те сяйво лине? Де зірки,
Що повертають на свої екрани
Забитих душ неvigаслі думки?!

1977

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

Повисни надо мной, повисни,
След самолёта, белый след,
Как веточка днепровской вишни,
Знакомая мне с детских лет.

Седая дымчатая трасса
Над родиной моей пройдёт,
Над тихой родиной Тараса,
Где вишня белая цветёт.

Но эта белизна не на год:
Сойдёт с деревьев белый цвет,
Для небольших и сочных ягод
Он станет красным, белый цвет.

И всё заполонит базары
Его живое естество.
И никакой на свете тары
Уже не хватит для него.

Благословенно будь рожденье
Плодов, народов, облаков...
Пусть варят женщины варенье
Всю ночь до первых петухов.

И красный цвет шумит пожаром,
Другим цветам всем вопреки!

...Красны пески над Бабьим Яром,
А были белые пески.

1970-е

ЗЕЛЬМАН КАЦ

НА УЛИЦЕ МЕЛЬНИКОВА

Дождик накрапывает меленько, меленько,
город ещё не зажёл огни...
Вот я иду по улице Мельникова
той же дорогой, что шли они.

Горланят, смеются юноши встречные
и не догадываются о том,
что Бабьего Яра замытая трещина
разверстой осталась в сердце моём...

Звонит гитара от дождика ласковая...
А, может, ребят мне с собой позвать?
Пусть им уже поздно горе оплакивать,
но слишком рано его забывать.

В кустарнике дождик всё тише и тише...
Я думаю, капли сморгнув с ресниц:
чтобы убить их тыщи и тыщи
сколько ж понадобилось убийц?

Но первой была тут расстреляна жалость
при свете добрых сентябрьских лучей...
Не случилось, чтоб казни не свершались
из-за отсутствия палачей.

...Всё здесь входит в обыкновенье –
светятся окна, дождик кропит...
Не покарай меня, память, забвеньем
и сердце болью мне укрепи.

1970-е

АНАТОЛИЙ ЛЕМЫШ

СЕМИСВЕЧНИК

А жизнь – семисвечник горит на ветру
Из царства теней.

Мой прадед стал тенью в Бабьем Яру,
Другой – в Быковне.

Покоя не зная, их души летят
Над синим Днепром,
И словно неслышный небесный набат
Вплывает в мой дом.

Два дерева, кроны склонив поутру,
Их тянут ко мне.

Берёза пьёт кровь из суглинка в Яру,
Сосна – в Быковне.

Я в шуме ветвей разобрал бы слова
Прадедов моих,

Но как отыскать мне свои деревья
Из тысяч других?

А жизнь-семисвечник пылает во мне,
Дрожит на ветру.

Одна моя свечка горит в Быковне,
Другая – в Яру.

А дочь подрастает, и что ей сказать
О нашей родне?

И где ей придётся свечу зажигать,
В какой стороне?

В Яру ль, в Быковне?

По вам и по мне...

1970-е

ШИМОН РОЗЕНБЕРГ

Из цикла У БАБЬЕГО ЯРА

Дикая роща
Чёрных акаций –
Пропитанный кровью
Памятник нации.

Воздеты к небу
Сухие руки.
Скрежет – не шелест –
Любви и муки.

А по ночам –
Польхают зарницы:
Смотрят в окно мне –
Её глазницы.

Чёрные губы
Шепчут яро –
Страшную сказку
Бабьего Яра.

Засыпан Бабий Яр –
Разрушен Скорбный Храм. ...
Везли – как на пожар –
Машины: мусор, хлам;
И по трубе завод
Слал нечисть – в тишине:
На Пепел, что – живёт!..
На Память, что – во мне!..
Вдоль Яра – шумный тракт.
Клубится пыль и гарь.

Иной – невинно так:
– Где ж Яр?.. А... был ли – Яр?..
Гоняют там в футбол.
Гулять ведут – собак.
В пивнушке, сев за стол,
Жуют, и жгут табак.
...Лишь выйду за порог –
Куда ни влек бы путь –
Немой Призывный рог
Мне разрывает грудь.
И ноги – без меня –
Несут меня в тот ад...
Черны, как из огня,
акации стоят.
В безмолвии – гроза.
И мёртвых – голоса.
Здесь не цветы – глаза.
И – капли слёз – роса.
И каждый треск – удар.
И шорох – вздох из ям.
Засыпан Бабий Яр –
Разрушен Скорбный Храм.

Из горестной глубины
На страшном погосте –
Лишь губы о губы,
И – кости о кости.
Немею тем лихом,
Болею той болью,
Что стелется тихо
По мёртвому полю.
Что громче раскатов
Громов и прелюдий.
Что – слышат закаты...
Но – помнят ли люди?

1970, Бер-Шева, Израиль

МИКОЛА ЛУКІВ

У БАБИНОМУ ЯРУ

Од хмарки тінь упала на долину,
А на долині, схоже на людину,
В німій скорботі дерево стояло
І, як дитину, пташку колисало.

Я повернув од нього на стежину
І нахилився, щоб зірвать травину.
Смикнув стебло – і з жаху похолов:
Не сік на зламі, а загусла кров.

1979

1980-e

ПАВЕЛ ГРУШКО

ПАМЯТИ ИОСИФА ГРУШКО, МОЕГО ДЕДА

Ты старым был, но не от ветхих лет
Утратил жизнь, а от визжащей пули,
как многие, кого в тот ров столкнули.
И до сих пор меня терзает, дед,
не смерть, а то последнее мгновенье,

когда чужое рвение сочло
излишней роскошью твоё тепло на белом свете, –
предисчезновенье, которое уводит от людей
полней, чем смерть.

(Кто знает, что творится в душе
растерянного очевидца
расчётливо обдуманых страстей?)

Не может этот ужас не остаться –
прозренье гибнущего бытия,
в котором ты и жертва –
и судья
нечеловеческого святотатства.

Наверно, даже дети в этот миг
молниеносно старились в надежде
уйти естественную смертью, прежде
чем рёв свинцовый оборвёт их крик.
Чем остаётся этот сгусток боли,
обида мыслящего существа?
Какой туман, ручей или трава –
приют последних мыслей в чистом поле?
Чем одолеть виденье это, дед?
Куда я спрячу этот ужас вечный –
то, как ты ждёшь отправки на конечный
тот свет, где неизвестно, есть ли свет?

1981

ВЕЛВЛ ЧЕРНИН

ЭТО Я

Я плачу, я, белобрысый мальчишка.
Евреи незаметно
вытолкнули меня из колонны:
«Шейгец²⁰, тикай!»
Фашисты этого не заметили.
Украинцы меня пожалели.
А колонна уходит –
с немецкими автоматами и собаками,
с пылью и бородатыми стариками,
с моей мамой и с моим детством,
с моими черноволосыми братьями и сестрами.
А я один у дороги стою...

1983

Перевод с идиша С. Мнацаканяна

²⁰ Сорванец, озорник (идиш).

МАРК МЕЖИБОРСКИЙ (Бен Галут)

БАБИЙ ЯР И ХАТЫНЬ

Над Бабьим Яром памятников нет...

Евг. Евтушенко

Теперь есть памятник над Бабьим Яром.
Скульптуры чёрные в тот чёрный миг.
Расстрел и смерть. И зверские удары.
И нет спасенья – лишь предсмертный крик...

Сто тысяч жертв! Почти одни евреи.
Еврейской кровью Бабий Яр залит...
От ужаса и скорби мозг мертвеет.
Но эпитафия об этом всем молчит.

Печальный, скорбный памятник Хатыни.
Трагедии людской мемориал.
С немой мольбой ко всем живущим ныне
Каминский сына мёртвого поднял...

А там за ним бетонные скрижали
С названиями сёл и городов,
Где всех евреев зверски убивали.
Но на скрижалях нет об этом слов!

Мир должен помнить обо всех злодействах,
Чтоб повторения не допустить!
Плачь! Плачь, Израиль! Скорбно плачь, еврейство!
О наших жертвах здесь хотят забыть!

Сентябрь 1985

ИСААК ЧЕПОВЕЦКИЙ

БАБИЙ ЯР

Трагическая баллада

Эсе и Исааку посвящаю.

Сквозь толщу лет я слышу крик и стоны.
В глазах – незатухающий пожар.
И все звучат печальным перезвоном
Два страшных слова: Бабий Яр!
Студентами ползли по тем оврагам,
Играя в предстоящую войну.
Майор учил геройству и отваге,
Окопы рыть и «штурмовать» стену.
А юность и любовь всегда беспечны...
К нам радость редко заходила в дом.
А горе... Горе бесконечно,
Ночами нам тревожит явь и сон.
Их гнали на расстрел по каменной брусчатке,
Осенний Киев плакал им вослед.
Толпою шли, тревожно, без оглядки,
Последний по земле оставив след.
Я был там в сентябре, в победном 45-м,
(Полковником возможность мне дана).
Я видел, как охрипшие комбаты
Слезами обливали ордена.
Я видел девушку, почти совсем седую,
Ей не было ещё пятнадцать лет...
И на лице её читал я боль такую,
Какой, наверно, в мире большей боли нет.
Она всю ночь лежала в липкой крови,
На ней лежала молодая мать...
Я гладил её волосы, а в слове
Мне захотелось что-то разгадать.
Чья мать спасла это дитя чужое?

В кого попал свинцовый тот удар?
Чьё это сердце – доброе, большое?
Скажи мне, грозно-молчаливый Яр?
Я не живу в мистическом экстазе,
Не верю ни в какие чудеса...
Седая девушка своим простым рассказом
Разбила сердце мне и застила глаза...
Полдня брожу зигзагами оврага...
Комки волос, ботиночки детей.
И будто бы в кровавом саркофаге
Тела сожжённых наших матерей.

1986

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ

«Как говорил отец...» –
А он немел от страха,
Когда бездомным псам свою готовил речь,
И тлела на плечах отцовская рубаха,
Как будто занесли над головою меч.

Отец не говорил – он всплескивал руками...
«Как говорил отец...» А он в своем бреде
Предвидел Бабий Яр, предвидел рвы и ямы,
Он чуял за версту грядущую беду.

Отец не говорил – он так кричал неслышно,
Что словно бы огонь ярился на губах,
И уши зажимал от ужаса Всевышний,
И кости мертвецы трясли в своих гробах.

11 сентября 1988

АЛЕКСАНДР РОЗЕНБАУМ

БАБИЙ ЯР

Слился с небом косогор,
И задумчивы каштаны.
Изумрудная растёт трава.
Да зелёный тот ковёр
Нынче кажется багряным,
И к нему клонится голова.

Молча здесь стоят люди,
Слышно, как шуршат платья.
Это Бабий Яр судеб.
Это кровь моих братьев.

До земли недалеко,
И рукой подать до неба.
В небо взмыл я и на землю сполз.
Вы простите, сёстры, то,
Что я с вами рядом не был,
Что в рыдания свой крик не вплёл.

Воздух напоен болью,
Солнце шириной в месяц.
Это Бабий Яр доли.
Это стон моих песен.

Ветры свежие летят
С запоздалым покаяньем,
Не услышать мёртвым истины.
И поэтому стоят
Люди в скорби и молчаньи
Под каштановыми листьями.
Боже, ну куда деться!
Суд мой самому страшен.
Это Бабий Яр детства.
Это плач сердец наших.

Конец 1980-х

МИХАИЛ МОГИЛЕВИЧ

ХАНЕЛЕ

Ханеле, любимая сестренка,
Чистые глаза – глаза ребенка,
Длинные лукавые реснички,
Тоненькие жгутики–косички.
Озорной я помню голосочек,
Словно драгоценный колокольчик.
Облетает цвет весенних вишен,
Только голосок ее не слышен,
Не услышать голосок веселый –
Спряталась под глыбою тяжелой.
Только там и камня даже нету.
Сжили мою Ханеле со свету.
Но у яра, над ее могилой,
Ходит тень моей сестрички милой.
Вижу я во мгле туманной зыби
Светлый облик на гранитной глыбе.

Перевод с идиша Н. Бялосинской

У МАМЫ

По тропке, глухими шагами,
Сквозь зной предосеннего дня,
Я к яру приблизился, к маме.
Но мама не встретит меня.
Я камни усыпал цветами.
Но камень с души не поднять.
О, если б сказать это маме,
Она бы сумела понять.
И я говорю с ней упрямо,
И сердце, и голос садня.
И слушают сосны. Но мама
Не может услышать меня.
И ветер из бора ерошит,
Ласкает вихор мой седой.
А мама погладить не может
Меня молодой рукой.
Обнять, отогреть бы любовью
Ее, на руках понести...
Но комья удобренной кровью
Земли остаются в горсти.

Перевод с идиша Н. Бялосинской

МОЮ МАМУ НЕ ВБИЛИ

Вдитинство, у найбільше з таїнств,
В подертих, старих черевиках,
Як в мерзлу зиму, повергаюсь,
Щоб у собі блукать, незвиклім,
Де шлях проріс у небо чорне –
Там здалеку десь мати має,
Побачу – і тепло огорне,
Я наче вже й не замерзаю.
Цей погляд світлий поруч сяє,
Матусин подих... Чи здається?

І муку мою колисає.
Ніч, що у душу мені ллється.
Яка холодна та колиска,
Але мій сон в ній не простигне.
Засну – підійде мама близько
Та гру нову мені простягне.
Можливо, і не гру, щось інше –
Видіння лагідне, хліб білий.
...В яру проклятім чи деінде,
Мою матусю не забили.
Злетіла – бачите – мов птиця,
Чи падає – камінчик наче.
Крізь дві зіниці-жалібниці!
До мами я іду і плачу.

1980-е

Переклад з ідіш В. Коротича

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

САМВАТАС²¹

Юрию Каплану

Листва вскипела до небес,
цветенье взглядом не окинуть...
Есть в мире чудо из чудес
и это чудо – майский Киев.

Самватас! Ты судьбой храним,
глаза твои добром лучатся,
пройтись по улицам твоим –
уже одно лишь это – счастье.

Ты влагой, бьющей из глубин,
о щедром будущем пророчишь,
янтарь, и смальта, и рубин –
мозаика твоих урочищ.

Но ты хранишь там слово «яр»,
весеннее когда-то слово, –
давно увял в нем солнца жар
и нет дыханья лугового.

Листвой беспечно лепетать
не можешь ты при этом слове, –
оно в каштаных лепестках
алеет капельками крови.

Конец 1980-х

²¹ Самва́тас – византийское имя Киева (примечание автора).

1990-e

РИТАЛИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

И добрые, и злые, друзья или враги,
одни мы совершаем последние шаги.

Сотрутся наши споры, сломаются слова,
когда землёй сырою запахнет изо рва,

когда нам раздеваться велят без суеты,
и мы уже стыдиться не будем наготы,

и очередь общей прошьёт нас всех подряд,
и общей нашей смертью нас всех соединят.

О, мы навек забудем, кто прав и кто неправ,
и вдруг посмотрим в небо глазами древних трав!

1990

Собираются евреи у меноры –
и еврейские заводят разговоры.

А о чём они? О вечной круговерти,
то о жизни разговоры, то о смерти.

А о чём они? О пламени и страсти,
о советской и о всякой прочей власти.

А о чём они? О жизни бесталанной,
о земле чужой, обетованной.

Собираются евреи у меноры.
О, еврейские бессмысленные споры!

О, еврейские бессмысленные вздохи,
и вражда, и примиренья, и подвохи...

Что их ждет? Да разве они знают?
Бездна времени сияет и зияет.

Заглянуть в неё – и то, должно быть, страшно:
в день сегодняшней... Грядущий... И вчерашний...

Собираются евреи у меноры –
и еврейские заводят разговоры.

1992

ВЛАДИМИР ГУТКОВСКИЙ

Долгий отблеск другого пожара
Догорает почти наугад.
В поздней осени тихо у яра
Там, где дикий растёт виноград.
Кулачками детскими кисти.
День – по-зимнему смутен и мглист.
Жаль мне вас, виноградные листья, –
Слишком к северу вы забрались.
Бескорыстней, слабей и невинней –
Не найти. Только снова с утра
Лёг на вас инородчества иней...
Бабий Яр. Осмысленья пора...

1990

ИСААК ЧЕПОВЕЦКИЙ

МЕНОРА

Горящие свечи на плитах меноры.
Расколото небо, и воздух горяч.
История наша записана в Торе,
И льется мне в душу Израиля плач.
Стотысячный стон из глубин преисподней
Полвека над Яром плывёт и плывёт.
Вчера это было, а боль и сегодня
И тело, и душу, и сердце мне жжёт.
Расколота память, бессонные ночи.
Еврейская речь в тесноте голосов.
Свинцово-кровавые рваные клочья
Молитвою «Кадиш» звучат в унисон.

...Плывёт над рощей клекот журавлиный...
Не клекот это – материнский крик!
Вновь бабье лето, бабья паутина
И Бабий Яр – народа горя лик.
Менора стала местом притяженья.
Сюда – потоки тысячи людей,
Чтоб прикоснуться, хоть на полмгновенья,
К отцовской боли, к боли матерей.
Из года в год– почти что полстолетья –
Свою свечу, что я зажёл в груди,
Несу сюда...
Дай Бог, чтоб наши дети
Не позабыли этого пути.
Вот я умру... и, видно, очень скоро:
Свою судьбу никто не обойдёт...
Горит свеча моя на мраморной меноре,
Где мать моя меня полвека ждёт...

1991

ДМИТРО ПАВЛИЧКО

БАБИН ЯР. РЕКВІЄМ

1.

Владико світла, доброти і правди,
Зійди з небес, на землю нашу стань.
Тут людська кров пролита без пощади,
Горить в могилі як незгасна грань.
Втиши плачі і зойки в тьмі глибокій,
Серця розбиті ласкою вгорни;
Даруй святому праху вічний спокій.
Благословенні, непробудні сні.

2.

Ми тут лежимо в піску на глеї,
На всі сторони світу простерті,
Євреї, Євреї, Євреї.
Діди, матері, немовлята.
Господи, дай нам відпочити від смерті,
Від погляду ката!
Даруй святому праху вічний спокій.
Благословенні, непробудні сні.

3.

Буде суд і буде кара,
Отверзеться Бабин Яр,
Хлине кров, як повінь яра,
Вдарить хвиля аж до хмар.
На узвиштя піднебесне
Вийде світлий судія.
Крикнуть сурми і воскресне
Вся Давидова сім'я.
Не сховається почвара,
Ані вбивця, ні грабар.
Розпадуться небосхили,

Божа явиться можуть.
Вийдуть праведні з могили,
Злих в могилу поведуть.
Боже, ти створив людину,
Дух вселив у темну глину
Для добра й святого чину.
Людству дав ти в нагороду
Власну мудрість, власну вроду,
Заповів братерство й згоду.
Чом же ми, твої творіння,
Повні смертного терпіння,
В землю вбиті, мов каміння?
Та невже твою подобу
Мали й ті, що нас до гробу
Поскидали, мов худобу?
Не над нашою судьбою,
Не над людською ганьбою –
Зглянься, Боже, над собою!
Зглянься над самим собою!

4.

Похилений вітром осіннім,
Над Бабиним Яром стою.
Отця сивобрового бачу,
І брата, і матір свою.
Не тут вони тяжко вмирали,
Не тут вони зморені сплять.
Та їхні молитви й благання
В деревах десь тут шелестять.
Тут Київ та рід мій козацький,
Тут наша свобода в крові.
Над братнім усопшим народом
Ми молимося, мертві й живі.
Я бачу – то мамині сльози
Блискочуть на хвилях Дніпра.
Я знаю – моя Україна
Воскресне на поклик добра!

5.

Мойсею сивий, гнаний до рова,
Пекла вогнем душа твоя жива,
Твоя печаль крушила серце звіра.
Ти гордо над безоднею стояв,
Руками очі дітям затуляв,
Йдучи на смерть як Господу офіра.
Здирали одяг з тебе, як з Христа,
Та в погляді твоїм була не мста,
А лиш розпука та сумна докора.
Так, наче бачив ти нову скрижаль,
Де людству накарбована печаль –
Будущина несправедлива й хвора.
Невже лилась невинна кров задарма,
Невже будяччя вкриє Бабин Яр,
І новий цар заб'є народи в ярма?
Ні, відсахнеться смерті хижий сон,
Розвалиться новітній Вавилон! –
Возрадуйся! – Ти не помер задарма!

6.

Возрадуйтеся з нами, невинно вбиті,
Прилучені смертю своєю
До творителя доброти.
В совісті людства сяючі
Наче сонце в блакиті,
В праведних душах сущі,
Невмирущі мої брати!

8.

Великий Боже, ми з Твоєї згоди
Проходимо дорогу в Бабин Яр,
Де смертю Ти поєднуєш народи,
Щоб зберегти життя й свободи дар.
Втиши плачі і зойки в тьмі глибокій,
Серця розбиті ласкою вгорни.
Даруй святому праху вічний спокій,
Благословенні, непробудні сні!

25 феврала 1991

Над Бабиним Яром тополі
Втинаються в ясну блакить,
І ходить Мойсей в ореолі
По стежці, що кров'ю ряхтить.
І кожен листок мерехтливо
П'є сонце крильми, наче птах,
І крові ненависне жниво
Знов сходить в далеких житах.
В тремю надвечірнім воздушші
Схиливсь до тополі Мойсей.
І сяють листки, наче душі
Невинних єврейських дітей.

1993

ОЛЕКСАНДР МАТІЙКО

МОЛИЛИСЬ НІМЦІ В БАБИНІМ ЯРУ

Молились німці в Бабинім Яру.
По-писаному, кровно так молились.
А по стежках – глухий рахунок милиць...
Ще й ворон з осокара: «Кру-у...» та «Кру-у...»

«Прости мені мою вину,
прости нам нашу вину».
Все згадували рану світову,
розп'ятого Ісуса з Назарета...
Зоря з небес упала, як ракета,
осяявши страждань передову.
І пекло їм розверзлося на мить,
кривавий герць військової навали...
Вони вже не молилися – волали:
«Пробачте нам, не ми були, не ми...»

«За нашу вину перед таким морем
страждань просимо пробачення...»

Ви чуєте, стражденні тисячі
задушених, постріляних нещадно,
як моляться при місячній свічі
нащадки тих.
А є у тих нащадки?
«Ми хочемо підтвердити вину,
хоча ніхто з нас не вбивав, не вішав...»
Хай моляться.
Я тихо обмину.
В моєму серці є молитва інша.
Мою молитву повторю за тими,
чий прах отут, –
за ними,
за святими.

1991

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ

БАБИЙ ЯР

Мама, отчего ты плачешь,
Пришивая мне на платье
Жёлтую звезду?
Вот такое украшеньё
Хорошо б щенку на шею –
Я его сейчас же приведу.

А куда уводят наших,
Может, там совсем не страшно,
Может, там игрушки и еда?
Мне сказал какой-то дядя,
Сквозь очки в бумажку глядя,
Что на завтра нас возьмут туда.

Посмотри, какая прелесть,
Вот оркестр играет фрейлехс,
Отчего так много здесь людей?
Мама, ну скажи мне, мама,
Кто тут вырыл эту яму,
И зачем нас ставят перед ней?

Что ты плачешь, ты не видишь –
Их язык похож на идиш,
Ну почему все пьяные с утра?
Может быть, в войну играют,
Раз хлопушками стреляют...
Мама, это вовсе не игра.
Мама, отчего ты плачешь,
Мама, отчего ты пла...

1992

РОМАН КОФМАН

Морозный жаркий полдень детства.
Я маленький огромный на крыльце.
Я – младшенький. Мое наследство –
Лишь зайчик солнечный
на шапке и лице.
Еще февраль. И снег еще не черен.
В своей судьбе и пуля, и мишень –
Я будущий Грушницкий и Печорин
(А, может быть, усатенький Мишель?)
Кем быть? Пока еще неведом
Мой жребий. И глядят упрямо вдаль
Мои глаза, подаренные дедом,
Сквозь бабушкой повязанную шаль.
(Когда-нибудь в промозглом Амстердаме
Я вспомню деда. Утром у стола
Молился он с прикрытыми глазами.
Он счастлив был. А бабушка спала).
Как светел день! Ни облачка, ни ветра.
А дальше – щедрый и последний дар;
И восемь месяцев, и восемь километров,
И золотая осень.
Бабье лето.
Бабий яр.

1992

ЮРИЙ КАПЛАН

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Э тот стриженный рыжеватый газон
на затвердевшей дьявольской пульпе.
Эти деревья, не помнящие родства,
и постные проповеди посткоммунистов –
не Бабий Яр.

Хрущёв по трезвому размышлению
решил воздвигнуть здесь
«колесо обозрения».
Может быть, и цинично.
Зато откровенно.
Замкнутый круг.
Кровавая эстафета безумного века.

Вот один из этапов,
закодированный: «команда обкома».
Время – разгар тридцать третьего года.

Первый из либералов,
оболваненных большевиками –
французский премьер²² –
пожелал посетить легендарный город,
разжалованный в областные.

Что же увидит мсье Эдуард
на улицах древних? –
Трупы голодных
на грозном оружии пролетариата –
грязном булыжнике?
НЕТ!

²² Эдуард Эррио посетил Киев в 1933 г.

Поступает команда обкома:
«Срочно собрать активистов,
выделить грузовики и подручные средства,
времени нет хоронить
и транжирить народные деньги,
трупы бездомных складировать в Бабьем яру»²³.

Дворник дебелий,
сексот партячейки жилкопа,
рыцарей революции
водит по улицам тёмным.
Мёртвым не обмануть
эту бдительную облаву,
не уползти и живым... обессиленным...

Падают
лицами синими
в глину багровую Бабьего Яра.
(Вот и цвета подобрались
для республиканского флага).

Топот сапог.
Поворот «колеса обозрения».
Стоп.
Новый этап
сатанинской грядёт эстафеты,
код – не «команда обкома»,
а «зондеркоманда».
Тот же откормленный дворник
пинками безжалостно
гонит жидовок
в очередь к Бабьему Яру...
последнюю очередь... пулемётную...

²³ Подлинный факт.

– Эй, мертвяки тридцать третьего,
принимай пополнение сорок первого года!
Мёртвые дети
братаются в общей могиле,
Боже, услышь,
ниспошли эту мудрость живым.

Скрип «колеса обозрения».
Зарево. Чад.
Зондеркоманда
свидетелей страшных
укладывает штабелями
и не жалеет солярки...

А комиссары
решают проблему масштабней –
ржавая накипь забвенья
заполнит до края
этот Великий Каньон
человеческой скорби.
Бабьего Яра не было.
Нет.
И не будет.

Но содрогается твердь,
не выдерживая кощунства,
и расползаются контуры братской могилы²⁴.
– Эй, мертвяки,
торопись принимать пополненье,
прямо в трамваях,
в час пик...

²⁴ Весенним утром шестьдесят первого года потоки пульпы, которой по распоряжению властей замывали Бабий Яр, прорвав временную дамбу, хлынули на город, затопили переполненный транспорт, жилые дома, трамвайное депо. Истинное количество жертв до сих пор не известно – Примечание автора.

Господи, останови!
Но разгорается вновь
сатанинское зарево,
дышит нездешним огнём
динозавр саркофага...

«Колесо обозрения»
на костях.
Долгострой государственного телецентра.
Скоро закончится век.
И никак
не сломается
ось...

1992

ГРИГОРІЙ ФАЛЬКОВИЧ

БАБИН ЯР

1.

Згвалтована осінь, розкішна і жовтогаряча,
Уже не благає ні небо, ні землю сиру,
Вона вже не стогне, не кличе підмоги, не плаче,
Вона вже й не дише у клятому цьому яру.

О яре безвинний, чесноти твої ні до чого.
Безвинні дерева, безвинні кущі на піску.
То витвір людини, яка є подобою Бога.
Не вірю, щоб Господом наслано кару таку.

Цей світ розкуркулено, все в нім – нічийне і спільне,
Траншеї та кулі, і кров, що загусла на дні.
Згвалтована осінь зродила дитя божевільне,
І цим немовлям присудилося бути мені.

То що є життя – чи спокуса воно, чи спокута?
Я з ранку шукаю, а з ночі ховаю в землі
І свастики хрестик, і чорну зорю п'ятикутну,
Й тавро поліцая в сусіди свого на чолі.

Хай хтось поворожить на це причандалля, на долю,
Щоб більше не падали чорні й червоні дощі.
А з ямочки тої хай виросте біла квасоля,
Довгаста і повна – як мама любила в борщі.

Я літа не бачу, не чутний березовий гомін,
Лише восени, як займаються ліси і сади,
Прапам'ять моя, страхітливий той здогад чи спомин
Бентежать мене і щороку пригонять сюди.

Я знов поспішаю, шукаю, знайду незабаром,
Ось-ось поміж віття гаряча кофтина майне.

Біжу я не Бабиним – маминим, Маминим яром,
Босоніж, як взимку. Хай мама насварить мене.

2.

*29 вересня, на роковини Бабиного Яру,
за українським народним календарем
відзначається Третій Спас*

Кінчається вересень, року окраса,
Ось-ось він листком одлетить.
Копайте коріння на Третього Спаса –
Народна прикмета велить.

Воно вже набралось соку і міці,
Достигло, як плід у саду.
Збирайте, коркуйте його у горілці,
Настійте його на меду.

Лишень по ярах не копайте коріння –
Яри переповнені вщерть,
В них стогін і сльози, свинець і моління,
І кров. І прокльони. І смерть.

Тут пройняті болем і квіт, і насіння,
Тут розпачу повне зело.
На Третього Спаса не жду я спасіння –
Його і тоді не було.

Жалоба і жаль – передтечі зневіри.
І віри. Вирішує мить.
Горіховий Спас відлітає у вирій,
Пташиним рядочком бринить.

Під ним Бабин Яр зі словами утіхи
І долі мої, і літа.
Копайте коріння, збирайте горіхи –
Он тиша яка золота.

3. ПЕРЕКОТИПОЛЕ

Із тої страшної святої пори
Я не забуду ніколи:
По Бабинім Ярі гонили вітри
Перекотиполе.

Сконали кістки, роздоріжжя, слова
Чи, може, здалося,
Котилася світом не сива трава –
Волосся. Волосся...

На мить притамує. І знов кружеля.
І знову – дорога.
Його з-під землі відпустила земля,
Не знаю, для чого.

Перекотиполе, перекотиполе,
Пам'ять мою відпусти.
Через мої болі, їх і так доволі,
Перекоти, перекоти.

Ми геть усі твоя паства
Поміж справ і думок.
Он вже й сонячне пасмо
Береться в клубок.

Перекотиполе, перекотиполе,
Душу мою відпусти.
Через мої болі,
Через мої долі
Перекоти.
Перекоти.

4.

Переддень священної суботи
Стищує хронологічний лік.
На кордоні нашої скорботи
Зупинився сорок перший рік.

Всесвіте, чи Космосе, чи Боже –
Той, що все скеровує звідтіль!
Та невже ніхто нам не допоможе
Не забудь – притамувати біль?

Хай не все простити – відпустити
Від душі зненависть, мсту і гнів,
Щоб могли збагнуть хоч наші діти
Вищий смисл тих вересневих днів.

Всі ми вийшли з Бабиного Яру.
Страшно повертатися туди.
Боже! Оджени мару і хмару,
На землі нас більше не суди.

5. БАБИНЕ ЛІТО

Бабине літо по Бабинім ярі
Разом із осінню ходить у парі.
Ходить, шукає бабине літо,
Може, рідню, що в тім ярі убито?
Може, сусідів іще з до-війни?
Ходить, шукає своєї вини.

Нащо того сорок першого року
Сонце до ночі світило нівроку?
Може, якби хоч хмаринка мала –
Куля знайти б свою ціль не змогла...

Чом на Україні не звихрився вітер –
Нелюду очі піском засліпити,
Чом не зірвалася злива густа –
Рани обмити, зволожить уста?
Хто в тому винен? В одвіт – німота.

Бабиним яром блукає і досі
Бабине літо – київська осінь.

Ок. 1994

ЮРИЙ КАПЛАН

ВЕРЛИБР ФОТОГРАФИИ В ЯД ВАШЕМЕ

Мне и сейчас кажется, что это мистика. Знак Близнецов, под которым я родился. Моё собственное лицо, полузабытое, всплывшее в памяти со дна янтарных (как речная вода, чудом сохранившихся довоенных фотографий), мое собственное лицо, смотрело на меня глазами четырёхлетнего узника Варшавского Гетто. Взгляды наши встретились, и я в растерянности отвёл глаза...

Киев.

Паника.

Эвакуация.

Сиюминутный выбор между
теплушкой и Бабьим Яром.

Взрывы.

Пожарища.

Слухи.

Жители.

Беженцы.

Чёрная очередь
обречённых

вокруг вокзала.

Кто попроворнее,

первым врывается в товарняк...

Вместе

с самым необходимым скарбом

мать прихватила

несколько детских моих фотографий.

Вот я,
четырёхлетний,
в курточке-капитанке
на щербатом булыжнике
довоенного города.
Толстые губы.
Загнутые ресницы.
Неуёмное любопытство во взгляде.
«Живая свеча –
душа человеческая».²⁵

Полстолетья
с тех пор
у виска просвистело.
Чашу с ядом
до дна
успела испить душа
и вдруг
среди теней
повстречала себя
на пепельно-серой стене
Яд Вашема.
Вот я,
четырёхлетний,
в порванной курточке-капитанке,
скрючившись неуклюже,
хрупкой коленкой упёрся
в щербатый булыжник
оккупированного города.
Толстые губы.
Загнутые ресницы.
Даже сквозь страх
неуёмное любопытство во взгляде.

Люк в преисподнюю
подо мной,

²⁵ Надпись на стене Яд Вашема (прим. Автора).

замаскированный
крышкой канализационного люка.
Руки
подняты кверху.
Что я выдохну
в следующее мгновение? –
«сдаюсь» или «Шма, Израэль»²⁶.
Да и наступит ли
следующее мгновение? –
Ведь
«шмайсер»
смотрит мне прямо в зрачки...
Полстолетя
с тех пор
у виска просвистело.
Поздно я понял,
что жизнь
есть сомненье всего лишь:
а наступит
ли
следующее мгновение?
Успею
ли вымолвить
сло...?

1996

Туже стягивает петлю
Тьма татарская вокруг стен.
Гордый град тысячелетний
Выбирает смерть – не плен.

²⁶ Шма, Израэль («Слушай, Израиль») – молитва, которую евреи произносили в средние века перед мученической смертью (примечание автора).

Пламя наплясалось вдосталь,
Выедает очи мгла.
Там орда квартал жидовский
Вместе с городом сожгла.

Ювелир, меняла, лекарь –
Под копытами коня,
Колченогого калеку
Пожирает бог огня.

Перед ликом смерти меркнут
Распри глупые людей,
В Десятинной тесной церкви
Прячет чадо иудей.

Жизнь едина, смерть едина,
И единый вздыбил вихрь
Пепел церкви Десятинной
С пеплом пращуров моих.

Нагл кочевник – жжём и грабим,
А расплата далека!..
Бабым стоном – Яром Бабым
Откликаются века.

Догорают брёвна кровель,
Воют псы, скулят ветра.
От притока слёз и крови
Солона вода Днепра.

Я иную воду не пил,
То же небо надо мной, –
Так смешались кровь и пепел
С древней киевской землей.

1981

ТАТЬЯНА ЧАЙКА

ПОСЛАНИЕ ИЗ БАБЬЕГО ЯРА

*Посвящается моей маленькой дочери Кате
и всем детям на свете*

Я – девочка Рахиль, я – невеличка.
Из чёрной ямы прямо в небеса
Восходят мои русые косички
И синие глаза.

Я маленькая, но из смертной муки,
Из боли и огня
Я к вам, живым, протягиваю руки –
Послушайте меня!

Меж взрослыми с последнею игрушкой
Совсем-совсем тихонечко лежат
Абрамчик друг, Мирьям, моя подружка,
Мой старший брат, мой самый младший брат...

За что убили нас? О чём молилась мама
В тот страшный час? И в яме гробовой
Она старалась телом и губами
Всех маленьких прикрыть собой.

Она шептала нам, что вы грядёте
Возмездьем палачам.
Она сказала нам, что вы придёте
С цветами к нам...

Мама, мамочка, оглянись –
Вот сошлись родные твои.
К ним берёзками тянутся ввысь
Нерождённые внуки твои.

Помолитесь на месте сем,
И помолимся мы за вас.
Все мы Господа просим о том,
Чтобы вас он от яра спас,

Чтобы вечно наша звезда
Восходила среди людей,
Чтоб никто, нигде, никогда
Не страшился, что он – еврей.

И когда от этих могил
Вы вернётесь в свой тёплый дом,
Вспомнив тех, кто до вас не дожил,
Вы услышите наше «Шалом!»

Сентябрь 1996 г., Киев

АРКАДИЙ РЫВЛИН

Я НАДПИСЬ ЧИТАЮ, КОТОРОЙ НЕТ...

*На памятнике у Бабьего Яра –
ни слова о том, что там убиты
десятки тысяч еврейских детей*

Ни на лучшей скрипке,
Ни на лучшей флейте,
Не сыграть вовеки эту боль, –
Что над Бабьим Яром,
Что на монументе
О погибших детях строчек – ноль.

Но не веря в это,
Вижу сквозь туманы,
Что к могильной кромке той земли
Не военнопленные
И не партизаны, –
Первыми из первых дети шли.

Вижу через годы,
Вижу не впервые,
Как же с матерями в тот кошмар
Первыми из первых
Шли грудные,
Даже и грудные – в Бабий Яр!

И на монументе в сумеречном свете
Вижу я, вижу я,
Вижу я опять:
В надписи посмертной не сказать о детях,
Это как вторично их
Расстрелять!..

ПЛАЧ ПО НЕРОЖДЕННОМУ

... **И** она ждёт в очереди
Смертного удара, –
Женщина беременная
По дороге к Яру.
Падают расстрелянные
Старики и дети.
Плач по нерожденному
Длится полстолетья...

МАТРОСЫ В КИЕВЕ

Сырецкие улицы стылые,
Где втоптаный снег почернел.
Матросов Днепровской флотилии
Вели в Бабий Яр на расстрел.

И скорый расстрел их приветствуя,
Могла испугаться едва ль
Тогдашняя антисоветская
И антисемитская шваль.

И словно с похмелья весёлого,
Они ухмылялись подряд.
Но подняв разбитые головы,
Матросы лишь бросили взгляд.

Но тут же от взгляда их страшного
Немедля захлопнула пасть
Не только лишь свора вчерашняя,
Но даже и нынешней часть.

СЛЕПОЙ СТАРИК

Кто-то причитает, кто-то плачет,
А старик, бредущий за толпой,
Умоляет: – Дети, я незрячий, –
Умоляет: – Дети, я слепой.
И совсем я ничего не вижу.
Но ведь я слышал про тот приказ,
Как же мне пройти, чтобы поближе?..
Как пройти, чтоб в Бабий Яр, как раз?..
И стучит он палкой вдоль обочин
В шляпе и в заштопанном пальто.
Но никто ему помочь не хочет,
Ведь греха не хочет брать никто.
И один, едва-едва ступая,
Словно просит всех старик-еврей:
– Как пройти туда, где убивают?..
Как пройти за смертью за своей?..

РАВВИН У БАБЬЕГО ЯРА

Синагога на Щековицкой.
Город Киев. А в нём Подол.
И за помощью обратиться,
Я к раввину сюда пришел.
К вам пришёл и шепчу: – О, Боже,
Вы, конечно же не один,
Но у Бабьего Яра всё же
Лишь единственный Вы раввин.
И я вижу теперь всё чаще,
Возле Яра остановясь,
Что сто тысяч в Яру лежащих
Ждут ста тысяч молитв от Вас.
Так ответьте Вы мне хотя бы,

Деликатно войдя в мой стих,
Хватит жизни ли Вашей, рабби,
Для ста тысяч молитв таких?!..
Для ста тысяч перед Всевышним,
Перед Богом пред самим?!
И молитвами о погибших
Обращаетесь Вы к живым.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

И тогда соседка виновато,
Хоть не знала никакой вины,
Рассказала мальчику-солдату,
Мальчику, пришедшему с войны,
Как на смерть ушла в ту осень мама,
Только снимки сына взяв с собой...
И солдат, услышав это, прямо
В Бабий Яр пошёл, как за судьбой.

А в Яру, хоть с чудом это схоже,
Вдруг зола сказала, глядя ввысь:
– Ты по мне ступай, солдат, потверже,
Ты по мне идя, не поскользнись!..
И ещё сказала под откосами:
– Путь солдата труден и далёк.
Но с войны вернись, мой мальчик Йоселе,
И опять найди меня, сынок.

ЦВЕТЫ

Прошу вас, не возлагайте тут
Цветы, что красней пожара,
Не возлагайте, где все кладут,
А уходите к Яру.

И эти букетики из гвоздик
Кладите, немного сгорбясь,
Не там, где казённой скульптуры лик,
А просто на землю скорби.

Кладите туда, где лежать должны,
Где смертью был Яр оцеплен,
В ладони из пепла и тишины,
И трав, что растут на пепле.

Сентябрь 1997

РАЗДУМЬЕ О ДВУХ ПРЕЗИДЕНТАХ

Стихи под фотографией
Билла Клинтона в Бабьем Яре

Я увидел сегодня, что это прибытье
В Бабий Яр президента Америки²⁷ вдруг
Потрясло даже скорбные души убитых,
И раздался опять чёрных шмайсеров стук.
И тогда Биллу Клинтону, всех трагедий страшнее,
Яр открылся таким, как полвека назад, –
От расстрела детей, лишь за то, что евреи,
До ста тысяч в земле, где и дети лежат.
И ему показалось, что видит их лица,
И что это ему средь кровавой росы,
Из-под самой земли, что всегда шевелится,
– Помоги же!.. – кричат. – Помоги и спаси!..
С первой леди вдвоём, он как будто в ответе.
И в груди президента, как боли обвал.
Билла Клинтона не было даже на свете,
Когда Рузвельт главою правительства стал.
И я вижу сквозь Бабьего Яра истоки,
Вижу я довоенные годы вдали,
Где евреев, бежавших из Европы далекой,
Рузвельт на смерть тогда возвращал корабли.
Корабли горьких лет... Я смотрю напряженно
На их тени в годах и на страшную статью.
Ведь полвека они, словно с пеплом сожжённых,
И лишь Рузвельта прах не решились бы взять.
Не решились бы взять, чтоб замученных пепел
В трюмах вечно неся, от смешенья сберечь
С давним прахом того, кто покоится в склепе,
Но сначала, не дрогнув, позволил их сжечь...

²⁷ Посещение Б. Клинтонем Бабьего Яра состоялось 12 мая 1994 г.

Как же Рузвельт не дал предъявить ультиматум,
Ультиматум о том, что, напомню опять, –
Чтобы Гитлер вдали от могущества Штатов
Европейских евреев не посмел истреблять?!
Как же с тыщей заслуг не почувствовав жалость,
Он, вошедший в историю, не постиг тот закон, –
Что ведь Рузвельт один всем на свете державам
Был примером во всем, был во всем эталон?!..
И подумал я вдруг, хоть совсем не о главном, –
Но коль встречу я смерть у последних ворот,
Пусть же тень корабля, что в загробную гавань
Президентом Америки был когда-то отправлен, –
И меня пусть возьмёт... И меня заберёт...

1997, Колорадо

СОНЯ ЭНГЕЛЬМАН

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром тишина...
Порою птица пролетит,
Да, светит тусклая луна,
Да, сердце трепетно стучит.
Над Бабьим Яром тишина...

И спят глубоко под землёй
Здесь чья-то мать или жена,
Иль, может, друг любимый твой.
И там в Яру в земле лежат

Учитель, врач или поэт.
Какая их была вина?
Ответа нет. Ответа нет.
Над Бабьим Яром тишина...

1997, Нью-Йорк

ЮРИЙ КАМИНСКИЙ

БАБИЙ ЯР

Деду моему Мирону

Бабий Яр сегодня в синагоге.
Бабий Яр встречает судный туг²⁸.
Глухо говорит раввин о Боге,
О Субботе...
Сорок первый...
Стук.
Дед мой собирается в дорогу,
Как светла дорога в синагогу!
Внуки ожидают первых звезд.
Чайник, как раввин, бормочет что-то.
Может быть, молитву о Субботе
Он сегодня Господу вознес.
Стук.
Приветливые двери
Навсегда запомнят этот стук.
– Что ж вы медлите, товарищи евреи,
Бог вас ожидает. Бог не глух.
Да, Он слышит:
Нынче Судный день –
День суда, который нескончаем.
Слышите, прислушайтесь:
Везде
Немотою Бабий Яр вещает...
Дед мой собирается в дорогу.
Тяжела дорога в синагогу...

Внуки ожидают первых звезд.

²⁸ День (ивр.)

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

СЛУЧИЛОСЬ ЭТО В КИЕВЕ

Горилки вдоволь выхлестав
И доверяя челяди,
Затмившие антихристов,
Разбойничают нелюди.

Занятие не новое,
Но собственного облика.
И поднялось багровое
Над Бабьим Яром облако.

Подумала игуменья:
«Отступницей не стала я,
А выдадут врагу меня,
Самой-то что – я старая».

Привычно пахнет ладаном,
Да слышится моление:
«Еврейкам, мною спрятанным,
Пошли, Господь, спасение».

Она уставу следует,
Монашек исповедует.

Одна явилась давеча:
«Ой, матушка, ой, верите,
Боюсь, а вдруг, пытаючи,
О всём прознают нелюди?!»

«Ступай, молись, негожая,
И знай, слуга церковная,
Мария – мать Божия –
Сестра евреям кровная».

И в клобуке, как в кивере,
Ей в очи грозно глянула.
Случилось это в Киеве,
Когда война нагрянула

Не позднее 1990-х

ГЕННАДИЙ БЕЗЗУБОВ

Нет кладбища, где погребён мой дед.
А если бы и было – нет могилы.
Кто помнил место, все убиты вслед.
Из яра указать не хватит силы.
Кладбищенских архивов тоже нет.

Меня назвали в честь него. Потом
На лад, конечно, греческий и русский.
Отец вернулся – это жуткий слом –
Срывался, не выдерживал нагрузки,
Хотя жена была и новый дом.

Но не было могилы. Только в яр
Он мог пойти, и там спросить у глины.
И возвращался по ночам кошмар,
Где следствия смешались и причины,
И дым к утру виденья застилал.

Но где они? Где все погребены,
Весь этот хворост, напитавший печи,
Насытивший жерло большой войны?
(Мы, стало быть, в долгу у русской речи,
Другую, правда, и не снабжены...)

А кладбище еврейское снесли.
На этом месте что-то возводили
И возвели. Теперь уж возвели.
А праха не осталось. Даже пыли.
Другая почва. Нету той земли.

Что до надгробья, то стоит оно
Над матерью. На камне эти лица –
Эмалевое странное окно.
Не стоит беспокоиться и злиться.
Как в небе ясно...
Как в земле темно...

1990-е

ГЕНЯ МАЗУР

Я смотрю отрешённо на склоны холма,
где могла много лет я лежать и сама.
Здесь лежат мои бабушка, тетя и брат:
они шли в Бабий Яр – не вернулись назад.
По обычаю предков я камень кладу
в память тех, кто погиб в сорок первом году,
и шеренги камней, как шеренги людей,
от которых никто не получит вестей...
Постою, помолчу и поставлю свечу.
В память тех, кто убит, я с надрывом молчу.

1990-е

ЯКОВ ТРУБКИН

Я стою у обрыва могил незарытых,
Слышу шёпот земли, тихий стон соловья,
Это души детей и младенцев убитых
С поднебесных высот окликают меня.

Мы увидели смерть, не успев опериться?
И запомнили ужас в глазах матерей.
Так скажите, зачем нужно было родиться,
Чтобы в муках хотеть умереть поскорей?

Я опять у обрыва могил незарытых.
Здесь огонь не горит, только стонет земля.
Коль забудем про муки и слёзы убитых,
Возвратится убийство на круги своя.

1990-е

МАРК ХАБИНСКИЙ

ПАМЯТИ МОЕЙ БАБУШКИ ЦИЛИ

Обдай меня, память, морозом жестоким,
Уральскую стужу напомни опять...
Мы с мамой бежали от немцев к востоку.
Так как же посмел я на запад бежать?
Подобная явь и во сне не приснится.
Такого в реальности, кажется, нет.
Но вижу я немцев серьезные лица
И всё-таки верю, что это не бред.
Ах, помню я, помню родные могилы –
И в Бабьем Яру меж теней гробовых,
Наверное, молится бабушка Циля
Сейчас за меня и за внучек моих.
Там ночи туманны, ни звёздочек в небе;
Чтоб мягким сияньем сердца озарить...
Послушайте, ребе! Послушайте, ребе!
Попробуйте в веру меня обратить!

1990, Мюнхен

АБРАМ КАЦНЕЛЬСОН

МОНОЛОГ ОНУКА

ВЯр піду і поклонюся.
Він – здалося так мені –
зветься «Бабин», що бабуся,
наша бабця Рейзл-Буся,
мертва там лежить на дні.

Ми її любили, внуки,
найпочеснішу в сім'ї,
вузлуваті її руки,
мудру посмішку її.

Завжди лагідна і тиха,
ні краплини в неї зла.
Прожила й нікому лиха
і образ не завдала.

Покриваючи обличчя
крильцями тонких долонь,
як обожнювала свічі,
їхній трепетний вогонь!
То вона нечутно з Богом
розмовляла в сяйві свіч,
щастя бідним і убогим
в ту вимолювала ніч.

...В Яр піду і поклонюся.
Він – здалося так мені –
зветься «Бабин», що бабуся,
наша бабця Рейзл-Буся,
мертва там лежить на дні.

1990

У БАБИНІМ ЯРУ

Спинились біля яру,
що здавна звався «Бабин».
Був першим у колоні старий
колишній рабин.
З манатками дрібними в незвідану дорогу
узяв ярмулку, талес²⁹,
щоб десь молитись Богу.
Коли ж відчув загибель,
за п'ять хвилин до згуби
молитву шепотіли його поблідлі губи.
А смерть йому у вічі як глянула зловіщо,
до неба скинув руки:
«Ой готеню, за віщо?..»
Та сухо тріснув постріл –
і в глинищі zostались
і рабин, і ярмулка, і в плямах крові талес...

1990

КИЇВ. 29 ВЕРЕСНЯ. БАБИН ЯР

Осіння, пам'ятна,
в жалобі чорна ніч.
У Бабинім Яру
палають сотні свіч.
Сльозами сліпить зір
незримий дим гіркий.
Поблідли в небесах
від жаху всі зірки.

1990

²⁹ Те, що євреї одягають під час молитви (прим. Автора).

БАЛАДА ПРО КОРОТКОЗОРИСТЬ

Фашисти близько...Дід-єврей сусіду
сказав: – Із Києва я не поїду.
Безгрішний я, спокійно тут помру. –
... І опинився в Бабинім Яру.

1993

І досі війна мені дивиться в вічі.
І то не колись, не у середньовіччі,
а це, як то кажуть, на нашім віку.
В подільському місті – у Хмільнику
в одному із Бабиних чорних Ярів
скажений, розлючений кат озвірів
і вже передсмертному хлопчику голому
живцем одрубав скривавлену голову.
Буває, у сні мені раптом сплива
маленька у кучериках голова,
і з неї застигло зорять серед ночі
дитячі благально-сполохані очі...

1994

Мали їх прихистити у монастирі,
та фашисти і тут їх знайшли у дворі.
І лежав на травичці убитий єврей,
поруч дітки його розпанахані.
У жалобі стояли протоіерей,
в чорнім дві блідолиці монахині.

1999–2001

* * *

Страхітливий мені наснився сон:
євреїв гнали в Бабин Яр –
і там були між них
Спіноза, Мендельсон, Ландау, Левіан і
Мандельштам.

1990-е

ГЕЛИЙ АРОНОВ

29 СЕНТЯБРЯ

Мне жёлтую звезду – кленовый ломкий лист –
вручает на ходу сентябрь-авангардист.
Еврейский новый год, в один из этих дней
закружит хоровод невидимых теней.
А бабье лето льёт сусальный листопад.
О, праведнейший Лот, не оглянись назад!
Там за спиною залп и пламени язык,
взгляни – и станешь столп, и превратишься в крик.
Тебе дано сполна по праведным делам,
но там твоя жена, и ваши дети там.

Над кронами парка, над шумом бульвара
уходишь опять – ни жена, ни невеста.
Здесь вечной разлукой помечено место –
у Бабьего Яра.

Ровесница! Ржавое пламя пожара
ещё полыхает. Натянутым нервом
я связан с тобою тогда, в 41-ом –
у Бабьего Яра.

Кто был предназначен? Не я ль твоя пара?
Уже не узнаем и даже не спросим:
Когда в нас стреляли, нам было по восемь –
у Бабьего Яра.

ПАРК ИМЕНИ ГАГАРИНА: БЫВШЕЕ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Если в городе закрываются кладбища,
это хорошо или плохо?
Ведь люди ещё не разучились умирать.
Может быть, кто-то полагал:
если кладбище вынести далеко за город,
часть умирающих передумает?
Но этого не произошло.
Просто, так называемый последний путь,
значительно удлинился, что, впрочем,
больше волнует живых, чем мёртвых.
Исторически первозакрывателями
городского еврейского кладбища
стали немцы
Они весьма логично решили, что,
если в городе есть еврейское кладбище,
и на нём хоронят евреев,
то почему их должны хоронить по одному?
Не лучше ли похоронить их всех сразу,
тем более что общая могила для них давно готова –
проходящий прямо по кладбищу яр?
Расчёт был точным: сложенные штабелями
городские евреи не заполнили его и до половины.
Теперь на месте еврейского кладбища разбит парк,
а стотысячную братскую могилу увенчал памятник.
Критиканы и эстеты говорят, что он безобразен.
Пусть так.
Но в этом тоже есть логика:
почему безобразные дела
должны венчать
прекрасные памятники?

1990-е

ВАЛЕНТИН ЧУДНИЙ

У Судний день на тих, хто в тартарари
Плекає мрію звергнуть все докiл,
Впаде прокляття Бабиного Яру
І Биківня утаєних могил.

2000-е

КОСТЯНТИН ДЯЧЕНКО

БАБИН ЯР

Людство, на хвилину зупинися!
У минуле спомин простели.
Над святою пам'яттю схилися
Тих, що безневинно полягли...

То не небо зоряне над нами,
Не вогнів далеких білий жар, –
То у вічність світиться серцями
Бабин Яр, Бабин Яр...

Гнали вас фашисти незчисленно
І жбурляли у смертельний жах.
Ми не всіх вас знаєм поіменно,
Але ви усі у нас в серцях.

То не грім з ревучістю своєю
І не вістряган гуде, бунтар,
То від болю стогне під землею
Бабин Яр, Бабин Яр...

Відлітають роки і сторіччя
І нічим не повернути їх.
Всім катам прокляття наше вічне, –
Вічна пам'ять, всім, хто, тут поліг.

То не бурі з грозами снуються –
І дощами падають із хмар.
То на тебе сльози наші ллються,
Бабин Яр, Бабин Яр.

1990-е

ІВАН ДРАЧ

КИЇВСЬКА ЛЕГЕНДА

*...Сьогодні наш шлях – через Дніпро.
Погляньте на берег, що перед вами.
Там Київ, українська земля, там діти
і дружини, батьки й матері, брати і сестри.
Вони чекають на ВАС!
Із звернення Військової ради
Першого Українського фронту*

– **Ч**ого ти там, діду, стоїш над Дніпром?
Чого ти там, діду, махаєш веслом?

– Стою, бо чекаю на ваші полки.

Я – Кий-перевізник з цієї ріки.

– Дідусю, стривай, кулі сиплють, як град.
Дідусю, лягай, бо накриє снаряд.

– Кінчай теревені, сідай у човни.
Смолою століть просмолились вони.

Од Лаври б'є німець з гарматних пащек.
На острів Козачий пливи мені, Щек.

Ти ж, брате Хориве, прямуй на прорив, –
На весла століть налягає Хорив.

– А хто там на кручі стоїть, як мана,
Ще й руки заломлює, самотина?

– То Либідь-сестриця, закута в дротах,
Шугає тевтонський над Либіддю птах.

- А що то за дивні-предивнії тони?
- Повішені дзвонять, мов київські дзвони!

Заложників тисячі там, на Подолі,
Замучених, гнаних, без хліба і солі.

- А що там клекоче крізь погар-пожар?
- Начинений людом лихий Бабин яр.

- А там ген тріпоче вогненний намет?
- Там стогне підпалений університет!

- Які ж бо дими Київ наш облягли...
- Як пекла два роки – то скільки ж золи?!

Вогненний завис понад річкою шквал.
До Кия старого іде генерал.

А Кий йому в каску води набира –
Ватутін п'є воду священну з Дніпра.

ЩЕ ОДНА ФАУСТІАНА

*Київський лікар Фауст Шкаровський,
який був присутній на ексгумації
трупа Гітлера, зібрав
страхотливу колекцію
інструментів, якими
катували в фашистських
концтаборах*

Між прахом, порохом і тліном,
Де небо звержене руде,
Сліпим розчахнутим Берліном
Сам Йоганн-Вольфганг Гете йде.

Фауст-патрони вже отчахкали,
Вже одлітали фау-два.
Палають танки – чорні факели.
Тріщить на них руда жорства.

Стоять димове чи нахмарює
На цім трагічнім рубежі –
І скрізь в імперській канцелярії
Слова незвичні і чужі.

І Гете, мічений увагою,
Очам не вірить – бунт химер!
Та бачить – «Фауста» витягує
З вогню цупкого офіцер.

Сіда, задимлений, на лаву
В той прах,
в той порох,
в ту пітьму.
– Як звати вас? –
Той каже: – Фауст, –

І посміхається йому.
І репається бункер грубий –
Останній Гітлерів барліг.
Виносять обгорілі трупи
І Фаусту кладуть до ніг.

Над наці вже горують нації,
І лікар – сив і ясночол –
По цій останній ексгумації
Різьбить свій підпис в протокол.

І тягнеться до сигарети
У цім клубочиську смертей.
І раптом чує шепіт Гете,
Той мефістофелівський тембр:

– Чи все життя пішло навідлі,
Чи нас взяло на глум століть,
Як Фауст у радянським кітелі
Над трупом Гітлера стоїть?!

І, переплутавши всі дані,
Сам Мефістофель неспроста:
– А що у Вас там в чемодані? –
Суворо Фауста пита.

Той хитро змружує повіки
І саркастично дме димком:
– Ось, гляньте – Гете, Гейне, Рільке –
Оце всмоктав я з молоком!

– А що там далі, далі, далі? –
Шаліє Мефістофель враз
І в цім міфологічнім шалі
Їсть стрічку геббельсівських фраз.

Валіза з чого Ваша тріскає,
Вся напакована добром? –

Відразу Фауст йому різко так:
– Я з Києва, що над Дніпром.

Чи, може, чули: Русь, Софія.
Ще й Ваша слава – Бабин Яр.
А чемодан мій – Ваша мрія
І людству Ваш найбільший дар.

Століття – це лише моменти,
І час наш в пеклі підгорів... –
І дістає він інструменти
З усіх фашистських таборів,

Якими катували, били,
Шпурляли на електрошок,
Тягли в живих гарячі жили,
В'язали в кам'яний мішок!

Отак вони лежали в парі –
Книжки зі шрамами од ран
І цей лихий інструментарій:
Окупаційний чемодан!

– Оце і всі мої секрети! –
І Фауст чемодан поніс...
І зарідав незрушний Гете,
І криво усміхнувся біс,

Бо в біса віра – що за віра,
На стільки літ зорить вперед,
Де виростає в бузувіра
Малий ефрейтор Піночет...

1990-е

2000-e

СЕМЁН ЗАСЛАВСКИЙ

ШАБАТ ШАЛОМ

*Павлу Поляну, автору книги
«Свитки из пепла»*

Кто сокрушил Хазарский каганат?
– Здесь Святослава огненный шелом
Лежит в земле, где наши предки спят,
Но где над нами вновь слова звучат:
Шабат Шалом!

Столетий оголтелая орда
Летит, сметая на пути своём
Империю, народы, города,
Но ты не исчезаешь никогда,
Зелёная субботняя звезда,
Шабат Шалом!

Земного праха виден страшный сдвиг.
Повсюду смерть – в грядущем и былом.
Никто последней жертвы не постиг,
Но шепчет, шепчет, шепчет пепел их:
Шабат Шалом!

Дай, Боже, силы сердцу и уму
Тебя найти, к тебе припасть челом
И возвратиться к дому твоему,
И навсегда остаться в том Дому.
Шабат Шалом!

2000–2015

ШУЛАМИТА ЧЕПЕЛА

БАБИЙ ЯР

*Посвящается моему народу
и украинским подросткам,
играющим в футбол под черным
памятником Бабьего Яра*

Вот, я пошлю множество охотников,
И они погонят их со всякой горы,
и со всякого холма, и из ущелий скал.
(Пророк Иеремия)

Эй, эй, бегите из северной страны, –
говорит Господь.
(Пророк Захария)

Футбольный мяч летает по поляне.
Летает мяч. Ну что же, надо жить.
А там, совсем недалеко, под нами,
В безмолвьи жутком мой народ лежит.

Сто тысяч черепов в немом оскале
Зывают к нам уже десятки лет.
Сто тысяч жизней выстрелы прервали.
Сто тысяч душ потребуют ответ.

Я вижу эти призрачные лица.
Здесь все мои, знакомы имена,
Передо мной проходят вереницей,
И стонет, и рыдает тишина.

Здесь мой Давид с кудрями золотыми,
Избитый, окровавленный, немой,
Застывшие глаза моей Рахили,
Здесь Даниил – пророк, Иаков мой.

Здесь Дина – боль и гордость Симеона.
Теперь он защитить ее не мог.
Иуда, Левий и пророк Иона
Переплелись вокруг девичьих ног.

Здесь Суламита выбраться пыталась
Из-под пластов твердеющей земли.
Земля еще четыре дня «дышала»,
И стоны по окрестностям неслись.

Здесь Иисус, сто тысяч раз распятый, –
Безмолвный, не замечен палачом,
С народом Божьим на штыки поднятый,
И крест Его, растоптанный на нем.

* * *

Мальчишки на поляне мяч гоняют.
Они не видят этих мертвых глаз.
Они сегодня нас не замечают,
Сегодня им – пока что – не до нас.

Кто среди них тот будущий охотник,
Что нас погонит с северной земли?
Пока мы здесь. Мы живы. И сегодня
Мы в Бабий Яр тюльпаны принесли.

2 мая 2000

АЛЕКСЕЙ ЗАРАХОВИЧ

ПАМЯТЬ

*Винтовые лестницы вольфрама,
куда ведёте, где ваше небо –
синее, чёрное, может быть, красное –
где оно ваше, где оно?*

... **В**ыросло дерево посередине озера
С листьями белыми
Зашевелилось без ветра, без пламени
И отнесло его в сторону
Влево ли вправо ли
Долго ли, коротко ль
Нет больше озера
Озера высокого, дерева белого
Но ветер?... Откуда ветер
И пламень без дыма и пороха
И музыка такая, как будто пришли
Все музыканты мира
На самые маленькие
Никому не известных
Дяди Лазаря и тёти Фиры
Похороны

2000

ФЕЛИКС МАМУТ

БАБИЙ ЯР

Поэма

*Светлой памяти моих родственников,
погибших в Бабьем Яру, посвящается*

Введение

Фашизма на земле не смыть пятно,
и к памяти взывает нас оно.
Набатом – Холокоста трупный смрад,
и миллионный счет людских утрат.

Все, кто ушел, к бывшему не вернутся,
и их сердца в сей жизни не забьются.
Вы прокляты – на ком лежит вина,
что боль утрат испили мы до дна.

Вас судит боль заочно и стоглазо,
и даже тех, кто ходит не наказан.
За все злодеяния и за все грехи
вам утром смерть вещают петухи.

* * *

В безбрежности теряется тропа
от той войны, в которой черепа
ушедших в вечность, не нашли могилы.
И где иных казнили – не узнать,
а боль утрат поныне не унять,
хотя и сгнули нацистские гориллы.

Для многих тысяч лишь одна плита.
Притихшие, оглохшие места
тревожит эхо позабытой песни...

Евреи снова в жертвенном огне,
пройти дорогу эту надо мне,
чтоб в памяти те ужасы воскресли.

Народ – страдалец, твой горячий хлеб
я ел с тобой. От горя я ослеп.
Я разучился в человечность верить.
Боль Холокоста многим не понять,
увы, ее нельзя стереть, отнять,
и никакою мерой не измерить.

Двадцатый век, в нем многолико зло
и тем, кто выжил, просто повезло.
Со зло творившими мы тоже, вроде, квиты.
Но совесть говорит мне: « Не туши
горячий свет обугленной души.
Ведь в мире есть еще антисемиты».

Глава 1

Янтарное пиво, да пенная грива,
в подвалах баварских вскрываются бочки.
Громилы куражатся, это не диво,
«Майн кампфа» цитируя мерзкие строчки.

Под звуки фанфар зверь, на трон возведенный,
и нету простоя Хароновой лодке.
Хрустальная ночь и Рейхстаг опаленный,
а пиво все льется в луженые глотки.

Взрывается мир. Бурно пенится пиво.
Война начинается жутким прологом.
Рыдая, развалины смотрят тоскливо,
как беженцев толпы бредут по дорогам.

Еще Бухенвальд и Майданек в проекте,
еще не дымится зловеще Треблинка,
но путча пивного лихие прожекты
над Польшей растерзанной крутят пластинки.

И вопли, и стоны, и крики вокруг.
А пиво рекою все льется и льется.
Не все еще знают, что немец – не друг,
и думают: «Может быть, все обойдется».

«Еврейский вопрос» – Сатана им упился.
Войною кровавой развязаны руки,
и если ты в доме еврейском родился –
тебе уготовлены страшные муки.

* * *

Кто войну пережил, тому видится снова воочию,
как тевтонским вторженьем разорван был мирный наш сон.
Сотни тысяч стволов, раскалившись июньскою ночью
наносили удар по заставам, неся им урон.

Сквозь пожары и дым обозначил оскал « Барбаросса».
Дикий зверь, как бандит, вероломно ворвался в наш дом.
Окропили траву в это утро кровавые росы.
Приняв смерть, шли в бессмертье все те, кто сразился с
врагом.

Самолеты бомбили и Брест, и Одессу, и Киев.
Корчась в болях развалин, натужно стонала земля.
Наползали зловещие свастики тени косые
на селенья, все руша, и мощной броней гремя.

Проиграл свой дебют безоглядно диктатор усатый,
но ему не впервой миллионов считать черепа.
В приграничных боях, отступая, сражались солдаты,
землю, что оставляли, давила фашистов пята.

Тут, в степях Украины, где к осени блекнет кустарник,
их, с винтовкой в атаку ходивших, косило огнем,
и над их черепами растет одиноко татарник,
и горит по ночам фиолетовым тусклым огнем.

Как застывшая кровь, тот колючий цветок фиолетов,
словно полная чаша багровым вином до краев.
Пионерские горны уже не будили рассветов.
Грохотала вокруг канонада упорных боев.

В сентябре Левитан по стране объявил: «Сдали Киев».
Комиссаров с евреями немцы пускали «в расход»,
На восток устремлялись фашистские клинья стальные.
Всем плененным в боях уготовлен был страшный исход.

Глава 2

Сентябрь переваливал к исходу,
а воздух был прозрачен, невесом.
Скупой язык оперативных сводок
гласил, что Киев взят уже врагом.

Висели над Днепром мостов останки,
а по Крещатику, чеканя шаг,
прошла пехота, а за нею танки.
В квартиры и дома врвался враг.

Звенел уже тревожный плач ребенка,
взрывал виски посуды битой звон.
Неслись проклятья грабившим вдогонку.
Была то явь, а не кошмарный сон.

Но вздыбилась земля вдруг от ударов.
Взорвался день и превратился в ночь.
Метались немцы в пламени пожаров
и из развалин убегали прочь.

Рождались слухи, всюду злобу сея,
и разносились крики воронья:
«Крещатик взорван! Дело рук евреев,
и нет им ни пощады, ни житья!»

И поползла по Киеву тревога.
Приказ: «Евреям собираться в путь».
Куда их приведет эта дорога?
Приклады гонят – не передохнуть.

И темными предчувствиями мучаясь,
они бредут. У всех один вопрос:
«Куда ведут, какая ждет нас участь?»
Вдали сереет кладбища откос.

А по бокам фашисты, полицаи.
Нигде не скрыться и не повернуть.
Сквозь ненависть течет река людская,
за оцепленьем злобных взглядов стая,
хоть нет крестов, но на Голгофу путь.

* * *

Евреев торопят
фашистские гады,
а сбоку все взгляды,
все взгляды,
все взгляды...
И скорбные взгляды,
и злобные взгляды,
ехидные взгляды,
обидные взгляды,
свирепые взгляды,
нелепые взгляды,
разящие взгляды,
молящие взгляды.
Поток все течет.
Кто-то крикнул: « Не надо!»
А сбоку все взгляды,
все взгляды,
все взгляды...
Жестокие взгляды,
свирепые взгляды,

печальные взгляды,
прощальные взгляды.
Не знают они,
что их те же приклады
погонят, как скот,
и не будет пощады.
Погонят в Германию...
К Бабьему Яру.
Евреи идут,
чтоб принять вражью кару.

Глава 3

В истории еврейства казней много
и ныне страх, как тошнота во рту.
...Слепая спотыкается дорога,
она упрется в смерти темноту.

Вот Бабий Яр. Повсюду оцепленье.
Сереет постепенно бирюза
и по рядам ползет оцепененье,
от страха расширяются глаза.

Все вещи в кучу и приказ раздеться,
и к Яру. Начинается исход:
по спинам палки, никуда не деться,
и безоружных косит пулемет.

Их гонят, гонят, гонят, гонят, гонят,
через бугры и рытвины туда,
где в ужасе земля натужно стонет,
рекою льется кровь, а не вода.

И в эту бездну медленно и глухо
срываются и падают тела.
Песок им будет нынче вместо пуха,
кого смерть за собою увела.

Поодаль полицаи и солдаты
штыками колют маленьких детей.
Над стариком глумятся супостаты,
кастет по голове: «Умри, еврей!»

Вон изверги насилуют девченок,
затем их добивают тесаком,
вот в Бабий Яр летит грудной ребенок,
раввина убивают топором.

Уходит день. Яр полнится телами.
ОУНовцы кричат: « Умрїть, жиди!»
Сиона дети, я навеки с вами,
и палачам не миновать беды.

И кровь людская по песку струится.
из груди тел протянута рука.
Всем палачам, как Божия десница,
как Божий перст, проклятье на века.

Тут тысячи со смертью обвенчались:
портной, учитель, врач и брадобрей...
Средь груди тел набухший кровью талес.
Прими их души, Боже, поскорей.

Тут только ветер говорит: «Замучен
под Киевом невинный Твой народ».
И где-то стон тягуч и однозвучен
теряется среди днепровских вод.

* * *

Над Бабьим Яром небо бирюзой
горит. А я иду сегодня на свиданье
туда, где плачут не простой слезой,
но золотыми звездами страданья.

Иду на встречу с братом и сестрой,
туда, где боль людская поневоле
становится больней мне личной боли,
где сотни тысяч обрели покой.

Я с ними шел в пучину страшной бездны,
через войны кровавый ураган,
и ров пугал своей стеной отвесной,
вдали стонал от горя океан.

Тот стон, как нож по сердцу полоснул,
как будто гром по голове ударил,
как будто молний огненные твари
обдали грудь и задушили гул.

Боль ширилась и распирала грудь,
та, что «голут»³⁰ пронзает постоянно,
и в сердце мне вопила неустанно:
«Пожалуйста, об этом не забудь!»

Набатным звоном в уши – не забудь!
Проклятием фашистам – не забудь!
Живущим в назиданье – не забудь!
Как заклинанье – выживи и будь!

Глава 4

Серных дней оккупации Киев вовек не забудет.
У безумства фашистского нету духовных преград.
Вдовьи слезы горячие воспоминания будят.
Тополя над погибшими в скорбном молчанье стоят.

Их вели на расстрел. Точно их по часам убивали,
украинцев и русских, армян, молдаван и цыган.
Над их трупами вороны, каркая тошно, летали.
Над обрывами яра весь кровью покрылся бурьян.

³⁰ Изгнание из Сиона (Примечание автора).

Чтобы скрыть преступления – кострами уложены трупы,
и останки убитых сожрет ненасытный огонь.
Серый пепел покроев пещаного яра уступы,
разнося по окрестностям Киева страшную вонь.

В воду спрятать концы никогда никому не удастся.
Иудейскую кровь тут с славянской смешала война.
Окупантам за все совершенное ими воздастся.
Вокруг Бабьего Яра возникнет молчанья стена.

* * *

Слоистые ползучие туманы
по заводям днепровским залегли.
После войны залечивались раны,
евреям смерть маячила вдали.

Анафеме предав космополитов,
уже текли потоки лживых фраз,
чесались кулаки антисемитов.
«Отца народов» ждали лишь приказ.

Но гром ударил. Изверг канул в Лету.
На нет тихонько изошел ГУЛАГ.
Отбой был дан кровавому навету.
Тирана прах покинул саркофаг.

* * *

Но что это? Железных труб оскал
и клочок пульпы, льющей на кости.
То Бабий Яр отстойником вдруг стал.
Бездушие пришло к погибшим в гости.

Пришло оно в забвении войны,
в забвении кровавой, страшной драмы.
Вновь рушились святилища и храмы,
не чувствуя пред павшими вины.

От гнева мертвых рухнула плотина.
Вода неслась экспрессом под откос,
людей и город поглощала глина,
а пульпы вал накатывался, рос.

Он клокотал, что все имеет цену,
что пред ушедшими мы все в долгу,
и, что в грядущем ждут нас перемены,
и предрекал Чернобыля беду.

А Бабий Яр в забвении лежал,
хотя попал он в свитки Яд-Вашема³¹.
Но Бог свой перст карающий поднял,
и им была приречена Система.

* * *

«Над Бабьим Яром памятников нет,»
над ним шумит асфальтная дорога,
и телецентр очень много лет
антенной – пальцем в небо тычет строго.

Но если кто рукой песок там тронет,
то зашумят тревожно тополя,
и он услышит, как натужно стонет
и корчится в рыданиях земля.

Вовек не миновать нам Божьей кары,
и постоянно чувствовать страданья,
не находя в поступках оправданья,
покуда в душах правит Бабий Яр.

³¹ Музей холокоста в Израиле (Примечание автора).

Эпилог

Тиранья надменна безмерно злобой своею.
Чужда ей человечность, но светоч любви не погас.
И злобой захлестнется, кто в душах неверие сеет, –
это прошлая жизнь нам уже утверждала не раз.

Кто Победу ковал, вписан ныне в легенды и мифы.
Смерть поправший Солдат себе славу по праву снискал.
Через препятствия лжи и цинизма подводные рифы
всплыла правда о тех, кто гонимых от смерти спасал.

Реки слез пролились, образуя громадное море.
Погибали народы, но жизнь остается жива.
Через сердце мое ты прошло, всё военное горе,
книга скорби не всех убиенных хранит имена.

Смотрят с неба в упор, не мигая, ярчайшие звезды.
Как укор они тем, кто стремится посеять пожар.
«Будьте бдительны, люди!» Цените свободу, как воздух,
чтоб сизифовым камнем не стал никогда Бабий Яр.

Май 2001 – сентябрь 2015

ВЛАДИМИР ЧЕРЕПКОВ

БАБИЙ ЯР

Ветер. Одуванчик зябнет лысый.
Пряжа простелилась по траве.
Осень, как царевна, шубы лисьи
держит для деревьев в рукаве...

Притупляет время чувство боли.
Жизнь – то тупики, то миражи.
С убиенных, а с живых тем боле,
надо соскрести коросту лжи.

И вождей сменили и знамена.
Воронье сменило соловьёв.
Я всегда за то, чтоб поименно
отвечал бы каждый за своё.

Тлеет Вера, словно шнур бикфордов,
мёртвых будоража до сих пор.
Бабий Яр – по сути целый город
с душами, убитыми в упор.

И у каждой – имя и обличье.
Всех накрыл исчадья ада вал...
Нынче подлость, как и безразличье,
тоже убивает наповал.

... Время зарубцовывает раны,
чувства догорают, но в золе
тлеет Совесть... Точку ставить рано:
остается Память на Земле.

2001

ПЕТРО ОСАДЧУК

ВСЕСВІТНЯ ТРИВОГА

Пропливає над вічними кручами осінь,
А в яруги вдивляється сонце з-за хмар.
– І за що нас убито? – Запитує досі
Голосами невинними сумний Бабин Яр.

– Всі ми стали землею, повростали в коріння,
А не знаєм, чому нас потяв кулемет, –
Чують плач потойбічний нові покоління
І сягають моління далеких планет.

Відлетіли літа, помінялись епохи,
Оновив календар відрахунок століть.
А над Бабиним Яром не змінився нітрохи,
У скорботній задумі все людство стоїть.

Скільки тих потрясінь, скільки збурених років
Прокотились землею і пішли в небуття.
Та ніяк не збагнувши історичних уроків,
Не навчилися люди шанувати життя.

Неспроста похитнулись устої планети,
Бо ж не сонце – диявол об'явився з-за хмар, –
Й заgrimіли дві вежі, й обезумів Манхеттен,
Й цілий світ нахилився у страшний Бабин Яр.

2001

МИХАЙЛО СІРЕНКО

ВСЕСВІТНЯ РАНА

Вели їх Києвом розбитим.
В мороз босоніж по снігу,
І цебеніла кров на плити,
І замерзала на бігу –

Колона моряків військових.
Зненацька взятих у полон...
Фашисти, люті пси, окуви –
Страшна колона із колон.

Тут місяць-два тому євреїв
Нещасних
В Бабин Яр вели...
Кров мучеників тих по глею
Ще парувала із імлі...

Січуть їх кулемети, валять –
Дорослі, й діточки малі...
Тепер йдуть моряки...
Провалля
Зіяло раною Землі.

Дерева заламали руки
В жahnій, скривавленій імлі...
Здригнулася земля від муки
В древлянському моїм селі,

Далекому селі глухому –
Від Києва за сотні верст...
Навіть мені, іще малому, –
Світ раною тоді розверзсь.

А гидь фашистська жерла й жерла;
Зіяли свастики хрести.
...Одарка, баба моя, вмерла,
Не змігши горе те знести.

Це не забудь мені ніколи!
Та й хто забуде те і як?
...Найменший бабин син Микола,
Мій дядько, був також моряк.

Малий, я, може, і не знав би
Про те жахіття – Яр отой...
Так Бабин Яр й моєї баби
Могила
й світу страшний зойк...

Роки і з мене ветерана
Зробили вже, життя тече...
А Бабин Яр – всесвітня рана –
У серці й досі нам пече.

2001

АНАТОЛІЙ КАМІНЧУК

БАБИН ЯР

В чорнім полиску хмар
Мовчазний крутосхил.
Бабин яр. Бабин яр,
Тут сто тисяч могил.

Сходить кров'ю трава,
Сходить ранок у день.
Поіменно назвуть
Треба всіх цих людей.

Ген синіють лани,
У цвітінні сади.
Боже, нас борони,
Відверни від біди.

Білі роси, як сіль
На зеленім зелі
Бабин яр – вічний біль,
Пам'ять неба й землі.

2001

АЛЕКСАНДР КОРОТКО

БАБИЙ ЯР

Богом избранный народ...
Солнце плачет на ладони...
Сорок первый – чёрный год...
Слышишь, память наша стонет?

По дороге в Бабий Яр –
Куклы, детские ручонки.
Боль в наследство – вот так дар! –
Невидимки-похоронки.

Шёпот материнских губ...
Смерть с открытыми глазами...
В три охвата старый дуб
Тихо плачет вместе с нами.

Этот ров, как сердца шрам,
Этот ров, как стон народа.
Нашей боли вечный храм.
Поминальных свечек поле...

Помнишь, бабушка нам пела
О еврейском счастье песню?
Пела нежно, как умела...
Я спою, когда воскресну.

Гетто судеб, как вам спится?
Что за сны приходят к вам?
В мире солнце, смех и птицы.
Вы живёте тут и там.

Богом избранный народ...
Сорок первый чёрный год...
Боль в наследство – вот так дар! –
По дороге в Бабий Яр.

2001

ІНГВАР ОЛАФСОН

ГОЛОКОСТ

На чорних квітах Голокосту
Юрба банкет лаштує Кату.
Він повен величі, а зростом –
пічкур. В підлеглих – «з краю хата»...
А поряд прірва, Яр, безодня,
щодня, щовечора, щорання
на тебе дивиться... Сього дня
ти зрозумів усе. Остання
краплина впала на пелюстку –
«Юрба – убивця, кат – знаряддя»
плюндрують світ, країну-пустку
залише після себе гаддя...
На голод-холод, на коросту
скарає рід наш. Під косою
на чорних квітах Голокосту
червоне випаде рососою...

Пробач, кохана, «злая вістка
та все ж не гірша небуття,
тому люби, кохай життя,
неначе ти його первістка»...

28 ноября 2003 – 28 мая 2007

ДМИТРО МІНЬКОВЕЦЬКИЙ

У Бабинім Яру стою над ровом... –
Чи чуєш, батьку, поруч я, прийшов... –
І серце стукає, тріпоче слово,
Я збив сюди немало підошов,
А ти мовчиш, як ті в яру, знімілі,
Що впали разом в сорок першім тут.
О, батьку мій, сестрички мої милі, –
І з рук паде троянд червоний жмут... –
Я пережив тебе на тридцять років.
Я вже старий, на скронях сивина.
Я, мабуть, ще зроблю з десяток кроків...
Ми стрінемось. І це не дивина.
У мене є сини – твої онуки.
Є правнучки – дівчата золоті.
Люблю я дуже брати їх на руки.
Моїх синів не зміг тримати так.
Така ось доля. В серці моїм щема.
Пройшли десятки років тій війні.
Ми вірили, що всіх убивць зітремо.
Твою загибель як забудь мені?
Ще й настає така лиха година,
Із шпарок чуємо фашистський клич:
«Лише для українців Україна!
Всі інші з України – пріч!»
Та цього, батько, на землі не буде!
Піднять фашизму зброю не дамо!
Поки живуть на Україні люди,
В ній буде мир!
Й на тому стоїмо!

ПРОШУ СЛОВО...

До краю рова вбивці підвели
Жінок з дітьми, старих, німців.
Неподалік їх щойно роздягли.
Катам усе це стало звичним.
Тілами був заповнений весь рів
Людей шматованих, побитих.
Тут не один під кулями згорів,
Якими вцілили бандити.
Там біля мами сплакane дитя.
– Я, мамо, цих дядьків боюся... –
Тріпоче ще не знищене життя.
– Не бійсь, моя маленька Нюся...
– А, може, нас дядьки ці не уб'ють?
– Ні, донечко моя чудова... –
Мати ховає їх звірячу лють,
З любов'ю мовить кожне слово.
– Ти відвернися, не дивись туди,
Очі заплющ, моя єдина...
Нас не уб'ють, хоч привели сюди.
Не холодно? Не мерзне спина?
Цілує їй знекровлені уста,
Сльозами личико вмиває.
Сама стоїть Велика і Свята.
Як дочку врятувати не знає.
Мала не слуха матері наказ.
Лиш тіла чує її дотик.
– Рятуй мене! – І раптом спалах враз –
Стріля фашист в дитячий ротик.
В його руках танцює автомат.
Надломлені летять до рова.
Сказати мушу, що накоїв кат –
Прошу надати мені слово!

РОЗПРАВА

— **Х**ай буде це моє останнє слово, –
Старого кат за бороду вхопив, –
– Відкрий-но писок, ти, стара корово,
Поки тебе я, жидику, не вбив.
Де золото та інші цінні речі?
Признайся ти, і ми не вб'ємо вас.
Не скажеш нам – усіх до ями змечем.
Для нас це просто плюнути як раз.
...Скидали всі годинники й каблучки.
Хтось кинув батьків портсигар.
Сережки зняли навіть і в онучки,
Щоб обминуть жажливий Бабин Яр.
Потім стояли за грабунок вдячні,
За ніби ще й дароване життя.
Невже минулися години лячні,
Здалося, їм не буде вороття.
Та речі ті, що скинули на купку,
В кишені поліцаї розтягли.
Й таку там влаштували м'ясорубку,
Що жодному життя не зберегли.
...Лежать край лісу й досі в рові,
Забуті і затоптані вони.
О друже мій, поки живий, здоровий,
Це місце ти ніяк не обмини.
І поклади там квіточку чи віти
Від мене теж, ти добре знаєш як.
На місці тім, де покладають квіти,
Нехай зросте меморіальний знак...

2004

ДМИТРИЙ БУРАГО

БАБИЙ ЯР

Книжный шкаф – широкоплечий сторож
силлабо-тонических эпох.

Вьючный стол несёт печатный ворох
через бытовой переполох.

За окном подольская шумиха,
словно, не утешилась орда.
Торг и смута пробуждают лихо,
отворяя настежь ворота.

От набегов щурятся трамваи,
перестукивая стыки лет.
Со дворов летят собачьи лаи
всему движущемуся вослед.

И почти спокойными часами
через всё пространство над Днепром
сны евреев ходят косяками,
преодолевая окоём.

То они ощупывают город,
долгим снегом обводя холмы.
Княжий град рассечен и расколот,
и бубнят троллейбусы псалмы,

и в метро уходят пешеходы,
не осознавая, что следят
за тоннелем потайные воды
из подполья временных оград.

То они по куполам, по скверам,
как ладонью по чертам лица,

причитают имена и веры
от окраин до краёв Сырца,

до преображенья Киев-града
в белый орден на плече Днепра.
Город-витязь в склоне снегопада
снится на платформе Мориа³².

Над пустыней, там, где солнце ближе,
тот же снег идет в Ершалаим.
Книжный шкаф из всех зело и ижиц
напряжён и внешне недвижим.

2005

³² Мориа – упоминаемая в Библии (Бытие, глава 22) горная местность, назначенная Богом Аврааму для принесения его сына Исаака в жертву. Традиционно ассоциируется с Храмовой горой в Иерусалиме (примечание автора).

ЛЮДМИЛА КЛЁНОВА

БАБИЙ ЯР

(28 сентября. Памяти жертв...)

«Иגיע зихрАм барУх» – в переводе с иврита –
«Да будет благословенна память их...»

И замыкался, не начавшись, круг...
Каштан... Сентябрьский Киев... Сорок первый...
Дрожат, как струны, страхом общим нервы...
Навечно – Иגיע зихрАм барух...

Солдатских юных, ласковых подруг,
Чёрноволосых, нежных, тёмнооких,
Ведут в толпе, идущей в смерть до срока...
Как больно! – Иגיע зихрАм барух...

Бредущих молча немощных старух
Всё осознавший взгляд исполнен муки –
Прижаты к сердцу высохшие руки...
Прощайте... Иגיע зихрАм барух...

И плачущие дети смолкли вдруг –
А матери немеют от бессилья...
Над Бабьим Яром Смерть раскрыла крылья...
Как страшно... Иגיע зихрАм барух...

Разбита Вечность... Милосердья след
Исчез под взглядом осени-волчицы...
И стольким судьбам не дано случиться...
Мир заливают скорби чёрный цвет...

Как сердцу горько! Нерождённый звук
Живёт в шуршаньи тополей и сосен...
Застывший Киев... Сорок первый... Осень...
Замкнулся,
Не начавшись,
Круг...

2006

ИМАНУИЛ ГЛЕЙЗЕР

БАБИЙ ЯР

Киев золотой порой –
Яркий праздник цвета.
Облетающей листвой
Кружит бабье лето.

Чем-то городу грозит
Первая прохлада:
В нитях солнечных сквозит
Приближеньё ада.

Всем евреям дан указ –
Молодым и старым:
В точный день и в точный час
Быть над Бабьим Яром.

Всем помыться и сложить
Не забыть отдельно
Всё, что довелось нажать –
Ценности и деньги.

Чтоб в такой пуститься путь.
Главное ли дело –
«То да это не забудь,
Соберись умело?»

* * *

Запасли еду и мыло,
Брали ложки в серебре
И одёжки, чтоб хватило
Всем на холод – в октябре!

Пара кукол для девчонок,
Две машинки – пацанам.
Отчего ж дрожит ребёнок?
Или что-то чует сам?

Люди шли под смутной ношей,
На повозках скарб везли,
В тот обрыв, травой поросший,
В сущий ад родной земли.

* * *

А вокруг стояли скопом –
И мололи разный вздор,
Кто глазел, а кто от окон
Отводил свой влажный взор.

И текли потоком души,
Что-то теплилось пока.
«Что, зачем и почему же?» –
Бились мысли у виска.

Слухи о переселенье,
О постройке лагерей,
О разделе населенья
На еврей и нееврей.

О нужде в обмене пленных,
Чтоб за немца – семь жидов...
Слухам необыкновенным
Верить человек готов.

Ну, а те, что прозревали
Неминучую беду,
От отчаянья молчали,
Не мололи ерунду.

Лишь спустя года статистик
Нам предъявит документ,
Где высок самоубийства
В Киеве тех дней – процент.

* * *

Что потом? На месте сбора,
У обрыва на юру,

Стало ясно очень скоро,
Что их в Бабьем ждёт Яру.

Канцелярия на травке.
Поперёк толпы – столы.
Регистрация отправки.
Но куда? В тартарары.

Полицай орёт: Разденьтесь!
Все! Быстрее! Догола!
Только ценности и деньги
Вот сюда – на край стола.

Документик ваш не дорог.
Бросьте наземь и – вперёд!
Человек по тридцать-сорок
На расстрел ведут народ.

Ставили на край обрыва
И – огонь! Пять долгих дней.
Нет вас больше, Сара, Рива,
Яша, Изя, Моисей...

Автоматы, не стихая,
Обрывают жизни вам,
Лия, Двойра, Ицик, Хаем,
Хана, Шмуль, Рахиль, Абрам...

И седые, и грудные
С воплями – в один овраг.
Бог не спас, мои родные.
Всех накрыл кровавый мрак.

* * *

Время мчится. Глохнет память в мире.
Очевидцы в разных землях спят.
Годовщина. Шестьдесят четыре.
А давно ли было пятьдесят?

Перемены, всюду перемены...
Всюду рынок, деньги и товар.
Новой веткой метрополитена
Беспощадно вспорот Бабий Яр.

Где полвека истлевают кости,
Где из-под земли исходит стон,
Детским шумом полон на погосте
Куренёвской школы стадион.

А поодаль высится Менора,
Видевшая, словно часовой,
Как глумятся пасынки позора
Над людскою памятью живой

Это – жизнь. И мало в ней святого.
И у ЗЛА – прописки нет в аду.
Бабий Яр. Теперь два этих слова
Навсегда стоят в одном ряду

В списке, где Освенцим и Трешлинка,
Бухенвальд, Дахау, Равенсбрюк.
Собибор, Майданек... Не заминка, –
Времени на всех не хватит, друг.

В Бабьем Яре спорит с тишиною
Надпись из Давидова псалма:
«Боль моя всегда передо мною».
Это голос сердца – не ума.

Это искра Ветхого Завета.
В ней спрессован всех времён пожар.
Вы, живые, помните об этом,
Чтоб не повторился Бабий Яр.

Сентябрь-2005

ЛЕОНІД ВИШЕСЛАВСЬКИЙ

ХРЕСТ ОЛЕНИ ТЕЛІГИ

Там, де Яру глибокого
бачиться скрес,
там, де пам'ятні трави, –
сторінки розкритої книги, –
ми приходимо, щоб уклонитись тобі,
Хрест
Олени Теліги.
Гордий нації дух
серед сліз і тривоги
захищала вона
від нелюдських законів
і виходила в бій,
бій суворий, тяжкий,
проти двох
смертоносних драконів.
Ворог з Заходу,
з Півночі ворог також –
душу рідного краю
вони роздирають шалено...
І тому крізь останній вогненний кордон
неуклінно і гордо пронесла цей Хрест свій
Олена.

2007

ЯН ТОРЧИНСКИЙ

ПЛАЧ НАД БАБЬИМ ЯРОМ

Отрывок из поэмы

Закрываю глаза
в непроглядном горячем тумане.
Обманула надежда,
что лекарем время послужит.
Будь вам пухом земля,
дорогие мои киевляне,
И пускай ваш покой
никакая беда не нарушит.
Вам вовек бы не знать,
как однажды земля загудела,
И в апрельское небо
ударило дико и яро:
Это мирный Чернобыль
свершил сатанинское дело –
Современный собрат
легендарного Бабьего Яра.

Это словно проклятье
из прошлого в наше сегодня,
Чтоб жилось-доживалось,
душою и телом измучась.
Это горький удел,
непонятная кара Господня
За отцовы грехи
и за вашу ужасную участь.

Только нам ли роптать
и бояться ударов судьбины,
И себя, и других изводить
в бесполезном укорее...
Мирно спите, родные.

Уж вы-то ни в в чём не повинны –
Просто сплавило нас воедино
огромное горе.

Ничего, что ваш прах опоганили новые бонзы,
Что не вы, а другие
на главных стоят пьедесталах.
Пусть придавлены вы
многотонностью камня и бронзы,
Вам воздастся по праву
в сияющих Горних Астралах!
И оттуда, с высот
в наши души стучитесь упрямо.
Значит, жизнь продолжается,
и бесконечна дорога.
Мы придём вместе с вами
к порогу вселенского Храма,
За которым не будет предательства,
лжи
и порока.

Не позднее 2008

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

УМАНЬ И БАБИЙ ЯР

Триптих

1.

Гул молитвы, базарная ругань,
... помесь святости со шпаной,
Гайдамацкая, гойская Умань –
с Йом-Кипуром, блин, с Рош-Ха-шаной!

Этот гул – он уже не затихнет,
Посмотрите на эту толпу...
«А Вы тоже религии ихней?», –
Полицейский, дающий кипу.

Сколько жизни в могиле зарыто!
Реббе Нахман, давно ли Вы тут?
Двести лет без кола и защиты
пролетели, как двадцать минут.

И свиваются пейсы в колечко
визави фантастических сцен.
На неделю свернулся в местечко
Этот польско-радецкий райцентр...

И хасиды бредут, как в исподнем,
в помраченьи своём новогоднем,
бьют поклоны, качают права!..
С Новым Годом, блин! Шана-товá!

2.

...О евреях ни слуху, ни духу.
Тишина, словно кляп, на слуху.
Здесь скосило не только мишпуху,
Но и треснувшую галаху.

Грош цена этой крови из ступки,
раз пристреленный пулемёт
двадцать тысяч убитых за сутки
Прошивает навывлет и влёт.

Синагога под небом разрытым,
раскуроченным, как Бытиё.
Столько смерти в овраге сокрыто,
Что ничто не удержит её!

И на выходе из каверны
Только кости и черепа.
Нет защиты от пульпы и скверны,
гидрография не слепа.

Эксгумированное преданье,
слева кривда и справа ложь...
И беспамятства напластованья
Экскаватором не свернёшь.

3.

...Только Умань и в ус не дует,
отбивает молитвенный шаг.
И хасидский трансфер минует,
Не заедет на тот овраг.

Неподвластные укоризне,
Новогодние схлынули дни.
Занесённые в Книгу жизни,
Книгу смерти забыли они.

И в расколоте небе незрячем
нам чужая резня нипочём...
И не молимся мы, и не плачем
между жертвами и палачом.

Одиночество горней меноры,
коры памяти, дыры и норы.
И неяркого яра огни –
Навсегда остаются одни.

От Завета и до Совета
Ни могилки, ни плоски света.
Каркнул ворон своё «Nevermore!..»
Жидомор и историомор.

2009–2012

ТЕТЯНА ЛЕВИЦЬКА

БАБИН ЯР

Бабин Яр, Бабин Яр, Бабин Яр...

Розкажи ти мені, Бабин Яре,
Як тебе утішали тополі.
Я візьму лише часточку болю
І у серці нестиму, мов дар.

Пам'ятаєш війну, Бабин Яре.
Під асфальтом кривава дорога
В крик благає Всевишнього Бога,
Щоб на світі не стало примар.

Благодаті тобі, Бабин Яре.
Ти не бійся, бруньки то стріляють,
Салютують, весну прославляють.
В очі сліпить вогнями стожар.

Щиросердно скажи, Бабин Яре,
Чи ти вибачив катам і вбивцям?
Змивши кров у джерельних криницях,
Чи вознісся в граніті до хмар?

Бабин Яр, Бабин Яр, Бабин Яр...

2009

БОРИС БРУСИЛОВСКИЙ

СТУЧИТСЯ В СЕРДЦЕ БАБИЙ ЯР

Стучится в сердце Бабий Яр.
Он снится мне – не отмахнуться,
Как наваждение, кошмар.
Мне страшно к теме прикоснуться.
От скорби дрогнул материк.
Плетутся в небытьё колонны.
Я вижу ад. Я слышу крик –
Живой... Предсмертный... Похоронный.
В Яру мой класс, родня моя.
В Яру сосед, мой друг давнишний.
Там рядом с ним мог быть и я.
Спасибо. Спас меня Всевышний!
Мне слышится команда «пли!»
И залпы... Сколько?.. Бесконечность...
Как допустили? Как могли?
Здесь мразь стреляла в Человечность!..
Огню бы вечному гореть.
Но не спешили камень ставить.
Хотели память затереть.
И совесть жидкостью разбавить.
Здесь центр нравственных систем.
По убеждениям откровенным
Здесь памятник поставлен всем,
Всем, всем невинно убиенным...
Фашистский сброд – не Божий дар...
Подонки бродят по планете...
Не повторится Бабий Яр!
Нет. Не допустим! Мы – в ответе!

2000-е

ДАВИД КЛАДНИЦКИЙ

ТРЕВОЖНА ТИШИНА НАД БАБЬИМ ЯРОМ

1.

Ещё никто не умирал,
ещё никто здесь не стрелял,
и неизвестный Бабий Яр
был пуст
и был он – просто яр.
И не было к нему дорог...
Переступая свой порог,
предположить никто не мог,
что их давно оставил Бог.

Здесь убивали мой народ.
Кто убивал? Какой-то сброд.
Нет – нелюди... И в наши дни
мерзавцев много им сродни.

Случайно в Яре нет меня.
Но не случайно, всё кляня,
вошёл я мысленно в беду
и оказался в том аду.

2.

В Бабьем Яру
им могилы не рыли,
а пулемётами
саваны шили.
И крики, молитвы,
отрывок псалма...
Их веки сомкнулись...
И – вечная тьма!

Падали с нею
с обрыва крутого
в пасть рукотворного
ада земного.

3.
Здесь поселились на века
Печаль и Скорбь, Беда, Тоска.
И всё – неслышная молитва.
И с нею стон звучит здесь слитно.

Но Он?!.. Где был в те дни, когда
здесь убивали всех и вся?
Как страшно, если нету Бога,
а смерть дежурит у порога!

Навеки будет проклят тот,
кто здесь слова произнесёт
на страшном языке забвенья
во имя злого намеренья.

Нет! Здесь не яр и не овраг –
огромный, страшный саркофаг.
Здесь Бог в душе моей убит
и мальчик, тезка мой, Давид.

4.
В Бабьем Яре – бабье лето.
Серебрятся паутинки
и качаются от ветра
обречённые былинки.
Вечереет, и к востоку
удлиняются все тени.
И трепещет одиноко
пламя свечи рядом с теми,
кто упал здесь бабьим летом
в том далёком сорок первом.

5.

Тихая Некрасовская улица...

За оградой – школа. Во дворе
листья, ветром поднятые, кружатся –
так бывает часто в октябре...

Из Бабьего Яра –

здесь горы вещей.

А в классах – в них свалка! –

подсчёт барышей.

Доход им приносит

ведь каждый еврей,

включая грудных

и постарше детей.

Детские трусики

собраны вместе.

Ящики полные –

кольца, часы.

Труд кропотливый –

и все честь по чести!

Ни молний разящих!

И нету грозы!

Не дрогнули небо,

земля, её недра!

И нет, не разверзлись они

для убийц!

Не поглотила их

пропасть иль бездна,

не раздавили,

как мерзких мокриц!

В Яру оставались

лишь только ключи.

Казалось, торчали

они из земли...

Их тоже велели
собрать палачи.
Ключи от квартиры
валялись в пыли.

Тихая Некрасовская улица...
За оградой – школа. Во дворе
листья, ветром поднятые, кружатся –
так бывает часто в октябре...

6.

Мальчики, девочки Бабьего Яра,
вам бы сейчас умирать предстояло.
Было б за семьдесят вам – не обидно:
дедушки, бабушки – возраст солидный...

А был здесь кошмар: пулеметный огонь –
стрелял полицей за мизерные блага.
Забрызган позором немецкий погон.
И круто склонились отроги оврага.

И сдавленный крик – он остался вдали.
И выстрел – кого-то ещё раз убили...
Смесь пота и крови, и детской слезы
глубины оврага тогда поглотили...

И ночь виновато вползала в дома.
А ваши кровати уже пустовали.
И реквием страшный – сама Тишина.
И только игрушки без вас тосковали.

Мальчики, девочки Бабьего Яра,
вам бы сейчас умирать предстояло.
Было б за семьдесят вам – не обидно:
дедушки, бабушки – возраст солидный...

7.

Небо – космоса лужа.
Плавали в ней облака.
Солнце замерзло. Стужа.
Деревья трещали слегка.
Чёрный обрыв, как траур.
Выступил он из снегов.
И, как могильный мрамор,
полон печалью веков.

8.

Над Яром, над нами,
 над всю землёй
флаг-талес незримый
 с еврейской звездой
приспущен в печали.
 Здесь вечный покой.
И кадиш звучит
 над горящей свечой.
И пламя трепещет
 с моею душой.
И горе здесь снова
 склонилось со мной.

9.

– Ты откуда, малыш?
– Я из Бабьего Яра...
– Ты откуда, старик?
 – Я из Бабьего Яра...
Это я – тот малыш,
 это я – тот старик,
на коленях к могиле
 огромной приник.
Бабий Яр – здесь могила
 твоя и моя,
и беда всех народов
 планеты Земля.

10.

Роняют ветки листья-лепестки –
те падают, как жёлтые цветки!
В тот день они вот так лежали –
трепетной мозаикой печали.

И детский плач мерещится – мой плач.
И вижу я, как целится палач...
День этот – предпоследний в сентябре –
его ужасней нет в календаре.

Крещатик... Год две тысячи седьмой.
Парад нацистов... Киев, что с тобой?!
Идут они со вскинутой рукой –
по нашей, не берлинской, мостовой.

Пылал вдали и там сгорал закат.
Мне показалось, что звучит набат.
Он рокотал – из глубины земли
безмолвные проклятья в небо шли.

Теперь я понимаю, что недаром
тревожна тишина над Бабьим Яром.

БАБИЙ ЯР

Деревья, словно желтые цветы,
Роняют и роняют лепестки.
Их листья и в тот день лежали
Трепетной мозаикой печали.
Мне слышен детский плач – мой плач,
И вижу, как стрелял в меня палач.
Двадцать девятый день у сентября
Слезами полон для меня...

Здесь поселились на века
Печаль и Скорбь.
Здесь тишина.
Весь Бабий Яр –
неслышная молитва.
Тоска и боль звучат здесь слитно,
Как выстрелы в ужасном сентябре.
Я эти пули чувствую в себе.
А Бог? Где был Он в дни, когда
Здесь убивали всех и вся?
Был он лишь только – сатана,
А Бога не было тогда...

Как страшно, если нету Бога,
А смерть дежурит у порога!
Десятилетия прошли...
Мы не забыли крик души:
«О, Боже! Боже, отомсти!»
Он слышен и сейчас в груди.
Трава, деревья и земля
Шептали те же здесь слова,
Но Бог не внемлет шепоту и крикам,
Ведь главное, что это не забыто.

Пусть Богом проклят будет тот,
Кто здесь слова произнесет
На страшном языке забвенья
От глупости своей иль злого намеренья.

2014

2010-e

ЛЕОНІД ЧЕРЕВАТЕНКО

МЕДУЗА ГОРГОНА

То ви гадаєте, зондеркоманда,
Що працювала в Бабинім Яру,
Складалася з хвостатих і рогатих
Страховищ – з новочасних квазімодо?

Були це браві, жваві, терті хлопці,
До випивки охочі й закусону
І ласі до жіноцтва. Тож не дивно,
Що закортіло їм пожартувати:
На виступ над безоднею вони

Коляску викотили зі старою
Жидівкою, аби помилувалась
Хоч перед смертю, як іде в правічність
Народ її, що тяжко завинив

Перед людьми і Господом. Лунали
З тієї прірви лемент і воання,
Безладна крикнява, гурчання кулеметів
І стогони цнотливих, непочатих
Дівчаток: їх убивці гвалтували
У матерів нестямних на очах
І на очах нестямної старої.

Сторчма у неї коси піднялись:
Вона тепер нагадувала третю
З горгон – Медузу. Смертну.
Тільки не знайшовся
Герой Персей, що їй би відрубав
Обвиту гаддям голову. Їй також
Не пощастило в камінь обернути
Все те, що бачила. Тож пустуни

Розважились, набавились. Надвечір,
Коли кінчався їх робочий день,
Із реготом і свистом закотили
Стару жидівку, в котрої від жаху
Волосся дибилось на голові,
Туди – в безодняву, в провалля, в безвість.

23 июля 2010

ЮРИЙ КУТЕНИН

13 СИМФОНИЯ – БАБИЙ ЯР

Дмитрий Шостакович –
Евгений Евтушенко

Я слышал это много раз
И много раз внимал я залу,
Когда могучий русский бас
Вздыхал величие хорала,
Когда великие стихи
Слились с могучим рёвом звуков.
Да, их полёты нележки,
И память ворошат – как будто
Мы видим ужас той войны.
Мы слышим стоны миллионов...
Да, звуки как же вы сильны!
Вы разбудили погребённых.
И сквозь завесу поколений
К нам тянут руки млад и стар.
Что за ужасные мгновенья?!
Да будет проклят Бабий Яр!!!
Да будет проклят Бабий Яр
И все, кто это сотворили.
Как громко стонут млад и стар –
Невинных жертв
За что убили?
За красоту и за талант.
Да и за собственные мненья.
Лежит здесь Изя-музыкант.
Олеся – чудных дум стремленья.
Иван – своею прямою
Так оевший этим гадам.
Сергей. Иосиф. Катя. Ада...
Всех невозможно перечесть,
Я вижу, зал уже рыдает!!

Он понимает слово – мeсть,
Но всё ж прощeния желает.
Простить – не значит позабыть.
Наоборот. Да, так бывает..
Зачeм?
Затeм, что просто надо жить.
Вот ... только сердце...

НЕ ПРОЩАЕТ...

2011

БОРИС МЕЖИБОРСКИЙ

НАД БАБЬИМ ЯРОМ ВЕТРЫ НЕ ШУМЯТ

Над Бабьим Яром ветры не шумят,
Они притихли у большой могилы,
И вспоминают много лет назад,
Евреев многих здесь тогда убили.
Здесь убивали всех людей подряд
С мольбою к Богу, не спасали душу,
Здесь убивали взрослых и ребят,
Пытаясь лад евреев здесь разрушить.
Но всё равно, евреев и цыган,
Осталось много жить на белом свете.
Но льётся кровь ещё из старых ран,
И вновь заря пылает на рассвете.
Всё это было, всё произошло,
Весь мир страдал от горя и позора,
И верю я, что сгинет в мире зло,
И засверкает счастье в нашем взоре.
Грустят ветра с щемящею тоской,
Скорбят ветра ещё над Бабьим Яром,
Людские слёзы обнялись с росой,
И мир объят по всей земле пожаром.

2011

АНГЕЛІНА СОЛОМКО

БАБИН ЯР

Впало небо – й розколалося надвоє...
Зорі згасли... вітер замовкав...
І водала в світ людська безодня –
Той голодний, ненаситний яр...

...як дерева те вбирали листом:
жахіт стогонів, предсмертних зойків рій?..
Плаче й досі тим кривавим змістом
Там, над ярком, тих берізок стрій...

Вітер трави зморені колише,
Досі той не затамує біль;
Тут земля і досі, чути, дише –
То мільйонний подих поколінь!..

Впало небо просто в душ Безодню,
Зорі світять на Меморіал...
Кличе кров невинна Холокосту:
Не вертайте землю... в Бабин Яр

2013

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

СТОРОЖ ЗМИЁВСКОЙ БАЛКИ

Когда все преступления замолятся?
Ведь, казалось, пришла пора.
Ты ответишь ли, балка Змиёвская?
Ты ведь Бабьего Яра сестра.

Под землёй столько звуков и призвуков,
стоны, крики схоронены тут.
Вижу – двадцать семь тысяч призраков
по Ростову к той балке бредут.

Выжидающе ястреб нахохлился,
чтобы выклевать чьи-то глаза.
Дети, будущие Михозолосы,
погибают, травинки грызя.

Слышу всхлипывания детские.
Ни один из них в жизни не лгал.
Гибнут будущие Плисецкие,
гибнет будущий Марк Шагал.

И подходит ко мне, тоже с палочкой,
тоже лет моих старичок:
«Заболел я тут недосыпалочкой.
Я тут сторож. Как в пепле сверчок».

Его брови седые, дремучие,
а в глазах разобраться нельзя.
«Эти стоны, сынок, меня мучают,
и ещё – как их звать? «Надпись».

Я такого словечка не слыхивал,
ну, а он продолжал не спеша:

«Сколько раз их меняли по-тихому
эти самые «надпися».

Почему это в разное время
колготились, незнамо с чего,
избегаючи слова «евреи»,
и выматывали его?

Так не шла к их начальничьей внешности
суетня вокруг слова того.
А потом воскрешали в поспешности.
Воскресить бы здесь хоть одного.

Жаль, что я не умею этого.
Попросить бы об этом небеса!
Я бы тратить всем жизнь посоветовал
на людей, а не на «надпися».

13 декабря 2014

АЛЕКСАНДР БЕРЛЯНТ

ЭПИГРАФ

○ т рек Вавилонских до Бабьего Яра –
Багровым туманом покрыт небосвод:
Погромы, разбои, расстрелы, пожары.
И непрекращающийся Исход.

2016

МАРІАННА КІЯНОВСЬКА

Вибрані фрагменти з книги БАБИН ЯР. ГОЛОСАМИ

Я би вмерла на вулиці цій або тій що за рогом
та конвой не дозволить здається проси не проси
у валізі не те щоби речі збиралась в дорогу
як збираються люди в дорогу в останні часи
тільки ключ і листи фотографії брошка і гроші
ну не те щоби гроші всього лише кілька банкнот
ми бредемо по куряві літній немов по пороші
оминаючи вирви тіла і сліди нечистот
увірвалися в дім наказали все цінне узяти
я взяла теплий плед трохи хліба і трохи води
а есесівець крививсь віспаво на вбогість кімнати
що запалася раптом в ніщо як і я назавжди
а тепер я іду назавжди розумію і бачу
всю приреченість нашу крізь світла щільного ясу
я би вмерла на вулиці цій і тому я не плачу
а лишаю валізу на бруці ім'я лиш несучу
я рахила

Я виживу і стану просто татом
таким як мій або як тато раї
у мене буде пряників багато
я буду татом тато не вмирає
у мене будуть діти я і йоня
і буде два чи три автомобілі
і буде шрам великий на долоні
і голубник і навіть миші білі
і буде мама ніжна і ласкава
із ніжними і теплими руками
я виживу бо я не маю права
померти тут в цій ямі сам без мами

За цю війну я навіть аж підріс
ходив у другий клас тепер я був би
в четвертому болить розбитий ніс
ударив толік я про це й забув би
якби не те що ми із ним удвох
вціліли чудом із цілого класу
я заховався за чортополох
він ніч сидів на дереві щоразу
зригався і боявся що впаде
від страху весь спітнів казав до нитки
він думав хтось лишився та ніде
нікого але в їхньої сусідки
знайшовся кусник хліба на столі
він дав його мені казав не хоче
бо всіх убили всі лежать в землі
у бабинім яру земля хлюпоче
казав від крові там живих катма
вбивати німців в нього є граната
вже третій день ніде його нема
дивлюсь на жовті стрілки циферблата
годинник дідів і давно не йде
я скоро вмру як він бо час не жде
була облава наших всіх взяли
й мене візьмуть не знаю ще коли

Тільки мама моя неходяча просила втікай
сам аркашо втікай не дивися на мене каліку
я ж без неї не міг утекти ще не край ще не край
думав я ще не край відчуваючи тугу велику
як не стало її все її я дбайливо зберіг
не продав і не виміняв навіть на хліб навіть вчора
а годину тому ледве встиг завернути за ріг
як обставили вулицю знову облава майора
я вже бачив на кірова був при параді в кашне
а сьогодні він вистрелив в мене поранив мене
то нічого однаково я вже халяви варив
ми із данею приноровились варити халяви

дана учень шевця з хоревої ой бідний хорив
бідний київ і бідні ми всі що руде що біляве
бідний кожен хто втратив надію конвойний тепер
нас веде чотирьох але дивиться тільки на розу
і мугиче німецькою сказку із билью я вмер
або майже умер я в це вірю йдучи по узвозу
але все ж таки думаю отже існую не вбитий
вже урочище там десь розстрілюють хочу любити

Вірш яким кричу тому що можу
тільки це робити тільки це
вірш який роботу робить Божу
а тоді роздряпує лице
зведене судомою до кості
вірш приймаю з болем як удар
вірш ненатлий вірш у високості
йду з ним як рахила в бабин яр
сине туги вірше беньяміне
сам у полі воїн сам же й рать
в кублах сліз отруйне кровоспинне
але букви стигмами горять

2016

2020-e

ГРИГОРІЙ ЛАТНИК

До Києва приїхали онуки
нацистів, що безвинних убивали;
у Бабинім яру той гурт чималий
з'явився добровільно, без спонуки.

Онуки каяття казали щирі
за злочини своїх дідів скажених;
вони вину відчули достеменно,
бо вирости у християнській вірі.

Із жертвами вели вони розмови –
нащадки звірів, але справжні люди.

І прикро як, що в наших людоловів
таких онуків не було й не буде!

2020

МАРК ВЕЙЦМАН

ЛЖЕПАМЯТНИК

Рубец затянувшийся Бабьего Яра
И полным отсутствием Божьего дара
Взметённые лихо над поймою Леты
Угрюмые монстры – тяжелоатлеты.
Они обречённо не шли по Артёма,
И смертная их не сжигала истома,
На тачках старух и детей не везли,
И пули тела их пробить не могли.
Еврейская скрипочка тихо рыдает,
С каштанов и клёнов листва опадает.
И дремлют в тиши переулки Сырца,
Согретые тёплым дыханьем Творца.

2020–2021

ДМИТРИЙ БУРАГО

МОИСЕЙ

*Взять с собой документы,
деньги, ценные вещи,
а также теплую одежду, белье и пр.*

Моисей, зачем ты веришь немцам?
Тётя Дора, не спеши во двор!
Старикам упрямым, как младенцам,
кажется спасеньем приговор.

И ушли, забрав детей и внуков,
мимо окон будущих господ,
Кант и Гейне были им порукой...
Над садами блёклый небосвод

слеп в слезах, глех в топоте брусчатки,
содрогаясь до глубин Днепра.
Боже правый, как же лица гладки
тех, кто провожали со двора.

Над оврагом грубое затишье:
«Попривыкнешь, всё в твоих руках...»
Как же так, вчерашние мальчишки –
у всего народа в палачах.

Сволочи, какие оправданья!
Эти пальцы выбивали дробь
самого последнего изгнанья
из живых: сводя за родом род

в ужас окровавленного склона
под речитативы площадей...
Моисей, не верь! Надежда вне закона!
Тётя Дора, прячь своих детей.

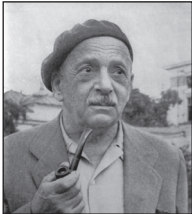
2021

АВТОРЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ

Анстей (урожд. Штейнберг) Ольга Николаевна
(1912, Киев – 1985, Нью-Йорк)

Русская и украинская поэтесса и переводчица «второй волны» эмиграции. Автор сборников «Дверь в стене» и «На юру». См. о ней в очерке П. Поляна «Первые стихи: взгляд из-под оккупации» в наст. издании, кн.2.

Антокольский Павел Григорьевич

(1896, Санкт-Петербург – 1978, Москва)

Поэт, переводчик и режиссер, автор сборников «Стихотворения», «Запад» и др., а также поэмы «Сын», посвященной гибели на фронте единственного сына.

Аронов Гелий Ефимович

(1932, Киев – 2016, Киев)

Поэт, прозаик и учёный-медик. Автор поэтических книг «Ненужное – зачеркнуть», «Эпиграммы и эпитафии». В 1995-2015 гг. редактор альманаха «Егупец».

Бажан Микола Платонович

(1904, Кам'янець-Подільський – 1983, Київ)

Український радянський поет, перекладач і громадський діяч, академік АН УРСР, головний редактор Української радянської енциклопедії. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка. У 1941–1943 рр., Головний редактор військово-партизанської газети «За Радянську Україну»

Балясная Рива Наумовна

(1910, Радомышль – 1980, Киев)

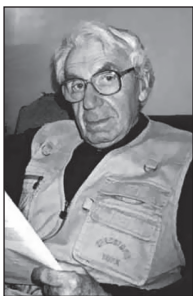
Поэт и переводчица. В годы войны – в эвакуации в Уфе. В 1952 г. арестована по обвинению в контрреволюционной националистической деятельности, осуждена на 10 лет ИТЛ. В 1956 г. освобождена и реабилитирована. Автор поэтических сборников «Переключка» (1934), «Стихи. 1941–1942» (1943), «Снег и тишина» (1961) и др.

Беззубов Геннадий Петрович

(1946, Москва)

Поэт и журналист. Жил в Киеве и Санкт-Петербурге. Автор книг «Амнистия слова», «Случайный свидетель», «Полдень: Поэма» и др. С 1990 г. в Израиле, в Иерусалиме.

Бердичевский Марк Наумович

(1923, Киев – 2009, Москва)

Поэт и геолог, друг Я. Гальперина и Н. Коржавина. Участник войны, служил в авиации. После войны год проучился в Киеве, летом 1946 г. переехал в Москву, где в 1949 г. окончил Геологический факультет МГУ. См. о нем в очерке П. Поляна «Яків Галич и Микола Первач: жизнь, смерть и стихи Якова Гальперина» в наст. издании, кн.2.

Берлянт Александр Михайлович

(1937, Москва)

Картограф и поэт. Автор сборников «Стихи», «Кто сей народ? Еврейская тема в русской поэзии» и «Мой талисман». Очерки о русской поэзии». Публикуемое стихотворение дается по сборнику «Шестиконечные стихи» (2017). Живет в Канаде. См. о нем во вступительной заметке П. Поляна «Об антологии» в книге 1 настоящего издания.

Блаженный (Айзенштадт)

Вениамин Михайлович

(1937, Москва – 1999, Минск).

Поэт и учитель. Первые стихи датируются 1943 г., первая публикация была в 1982 году, а первая книга вышла в 1990 году.

Богуславська Валерія Борисівна

(1939, Харків)

Поет і перекладачка на українську мову. Автор збірок віршів російською та українською мовами. У цій антології представлена перекладами С. Галкіна і А. Вергеліса на український.

Болтянская Нателла Савельевна

(1965, Москва)

Поэт, бард и радиоведущая. В ее репертуаре – песня на вошедшие в антологию стихи.

Бураго Дмитрий Сергеевич

(1968, Киев)

Поэт и издатель современной научной и художественной литературы, журналов «Collegium» и «Соты». Автор поэтических книг «Эхо мёртвого города», «Здесь», «Поздние времена» и др.

Брусиловский Борис Аркадьевич

(1928, Киев – 2008, Израиль).

Поэт, писавший на русском и украинском языках. Во время войны – в эвакуации в Чкалове (Оренбурге). Автор сборников «Спешите творить добро», «Сближение сердец», «Горение».

Бялосинская (Бялосинская-Евкина)

Нина Сергеевна

(1923 Севастополь – 2004, Москва)

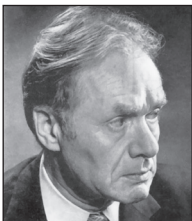
Поэт, фольклорист, переводчица с идиш. В настоящей антологии представлена переводом стихотворений М. Могилевича на русский язык.

Вейцман Марк Израилевич

(1938, Киев).

Поэт, автор сборников стихов «Моление о памяти», «Репортаж из Эдема», «Третья попытка» и др. С 1996 г. в Израиле.

Вергеліс Арон Алтерович

(1918, Любар, Житомирська обл. – 1999, Москва)

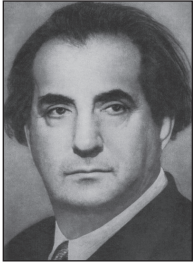
Єврейський радянський поет, перекладач і публіцист, редактор і громадський діяч. Писав на ідиші. Автор книг «Спрага», «Друга зустріч» і ін. В 1961 – 1991 рр. головний редактор журналу «Советіш геймланд».

Вишеславський Леонід Миколайович

(1914, Миколаїв – 2002, Київ)

Поет, літературознавець і перекладач, військовий кореспондент. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка. Автор книг «Весна удвох», «Гончарний круг» і ін. Писав російською та українською мовами. На честь Вишеславського названа мала планета – астероїд 2953 «Вишеславія»

Галкин Самуил Залманович

(1897, Рогачев, Беларусь – 1960, Москва).

Єврейський поет, писав на идише. Член Єврейського Антитфашистського Комітета (ЕАК). Арештований в 1949 г. по справі ЕАК, але внаслідок перенесеного інфаркту потрапив в тюремну лікарню і уникнув розстрілу. Був відправлений в Абезь. В 1955 г. реабілітований і повернувся в Москву.

Глейзер Імануїл

(1944, Кишинів – 2009, Сан-Франциско)

Поет, журналіст і філолог. Автор збірки «Ближе к небу». С 1984 г. в США.

Голованівський Сава Овсійович

(1910, Єлизаветградка, Україна – 1989, Київ)

Український поет, військовий кореспондент. Автор збірок «Кіньми залізними», «Тисяча друзів», «Книга воїнів» і ін.

Грушко Павел Моїсеевич

(1931, Одеса)

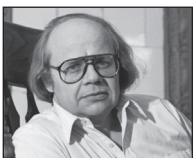
Поет і перекладач з іспанського. В час війни був в евакуації на Уралі. Автор збірок «Заброшений сад», «Обнять кролика», «Между Я и Явью» і др.

Гутковський Володимир Матвеевич

(1945, Київ)

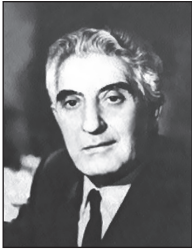
Поет, прозаїк, критик і публіцист, автор декількох книг.

Драч Іван Федорович

(1936, Теліжинці, Київська обл. – 2018, Київ)

Український поет, лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка, автор збірок: «Соняшник» 1962, «Протуберанці серця» 1965, «Балади буднів» і ін.

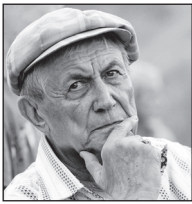

Дриз Овсей (Шике) Овсеевич

(1908, Красное, Винницкая обл. – 1971, Москва)
Еврейский поэт-сказочник, писал на идише. В настоящем издании переводчиками его «Колыбельной для Бабьего Яра» выступают А. Лейзерович и Г. Сапгир. О песне на эти стихи см. в очерке П. Поляна «Музыка: от Дмитрия Клебанова до Нехамы Лифшиц» во 2-й книге.

Дяченко Костянтин

Відомостями не володіємо

Евтушенко Евгений Александрович

(1932, Зима, Иркутская обл. – 2017, Талса, штат Оклахома, США)

Поэт, переводчик и эссеист. Был номинирован на Нобелевскую премию. См. о нем в очерке П. Поляна «Соло для Евтушенко из трех дуэтов и хора читателей» в наст. издании, кн. 2.

Зарахович Алексей Владимирович

(1968, Киев)

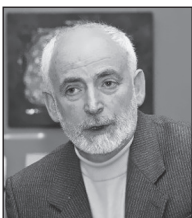
Поэт, художник. Автор книг: «Машины и озера», «Табукатура», «Река весеннего завета», «Чехонь». Стихотворения публиковались в Украине, России, Белоруси, Азербайджане, Германии, Сербии. Живет в Киеве.

Заславский Риталий Зиновьевич

(1928, Киев – 2017, Киев)

Поэт и переводчик, автор сборника «Прикосновенность» и др. Возглавлял отдел поэзии в журнале «Радуга». В настоящей антологии представлен как стихами, так и переводами стихотворений Р. Балясной и Ш. Червинского на русский язык.

Заславский Семён Аркадьевич

(1947, Днепропетровск)

Поэт, переводчик В. Шекспира, Т. Шевченко и поэтов Грузии на русский язык. Эссеист и сценарист документальных фильмов «Просто жить», «Мадонна Сидура», «Дом Шмиста», «След» (о чеченской войне).

Злотников Натан Маркович

(1934, Киев – 2006, Москва)

Поет, автор сборников стихов и воспоминаний «Слепой поводырь». Сотрудник отдела поэзии журнала «Юность».

Каминский Юрий Зиновьевич

(1938, Днепропетровск – 2007, Кривой Рог)

Поэт и журналист, автор сборников «Эти ночи», «Стреляют собак», «Бумеранг».

Камінчук Анатолій Семенович

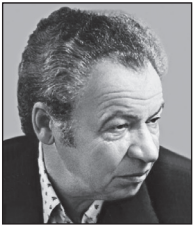
(1939, Київ)

Український поет і прозаїк, автор збірок «Свічадо», «Червона легінь», «Хліб-сіль» і ін.

Каплан Юрий Григорьевич

(28.5.1937, Коростень – 12.9.2009, Киев).

Поэт и общественный деятель, автор сборников «Обжигающий ветер», «Общая тетрадь» и др., составитель ряда поэтических антологий, в том числе «Украина. Русская поэзия. XX век». См. о нем во вступительной заметке П. Поляна «Об антологии» в книге 1 настоящего издания.

Кац Зельман Менделевич

(1911, с. Тупичев, Черниговская обл. – 2008, Израиль)

Поэт, военный корреспондент, печатался в периодике в соавторстве с М. Талалаевским под общим псевдонимом «Чайка».

Кацнельсон Абрам Исаакович

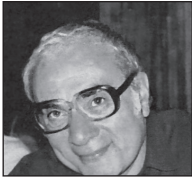
(1914, Городня, Чернігівська обл. – 2003, Лос-Анджелес)

Поет, учасник Великої Вітчизняної війни. Автор збірок «Краплі сонця» «В ім'я життя», «З тобою поруч» і ін.

Кіяновська Маріанна Ярославівна

(1973, Жовква, Львівська обл.)

Українська поетеса, перекладачка, критик і літературознавець. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка. Автор збірок «Інкарнація», «Вінки сонетів», «Книга Адама» і ін. У цьому виданні публікується лише кілька фрагментів з її книги «Бабин Яр. Голосами» (2017).

Кладницький Давид

(1934 – 2016, Київ)

Поет і інженер-механік. Публікувався на порталі proza.ru

Клёнова Людмила

(1949, Харків)

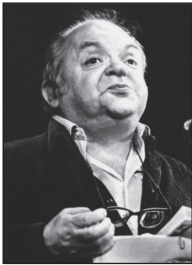
Поетеса і музикант. С 1999 г. в Ізраїлі. Член СРП Ізраїля, СП Росії і МСП «Новий сучасник».

Козловський Яков Абрамович

(1921, Істра, Московська обл. – 2001, Москва)

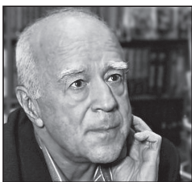
Поет, перекладач. військовий кореспондент.

Коржавин (Мандель) Наум Моїсєєвич

(1925, Київ – 2018, США)

Поет і публіцист. В 1947 г. арештований, в 1948 г. висланий в Сибір. Став відомим після публікації в альманасі «Таруські сторінки» (1961). С 1973 г. в еміграції в США. Автор збірок «Времени» і «Сплетения». См. о нем в очерку П. Поляна «Яків Галич і Микола Первач: життя, смерть і вірші Якова Гальперина» в наст. виданні, кн.2.

Коротич Віталій Олексійович

(1936, Київ)

Поет, письменник, журналіст, громадський діяч. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка. Пише українською та російською мовами. Головний редактор журналу «Огонёк» в роки «перебудови»

Коротко Александр Шимонович

(1952, Коростень, Житомирська обл.)

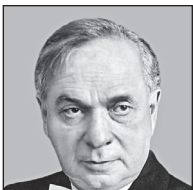
Поет, автор багатьох книг віршів і прози. Живе в Ізраїлі(?).

Костенко Ліна Василівна

(1930 Ржищів, Київська обл.)

Українська поетеса і прозаїк, лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка, автор збірок «Проміння землі», «Вітрила» та ін.

Кофман Роман Исаакович

(1936, Киев)

Український поет, письменник, дирижер і композитор. Автор книг «Нюансы», «Лицо земли», «Книга небытия» и др.

Кутенин Юрій

Спортсмен, изобретатель, літератор, учасник порталов «Проза.ру» и «Стихи.ру». Живет в Москве.

Латнік Григорій Володимирович

(1937, Київ)

Український поет, перекладач і філолог. Автор збірок «Сонети дніпровських весен» (1987), «Легенди циганських кочівель» (2000) та ін.

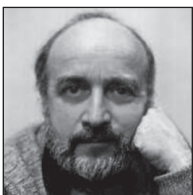
Левицька Тетяна

Відомостями не володіємо.

Лейзерович Александр Шаулович

(р. 1938, Москва) – переводчик и инженер, специалист по паротурбинным энергоблокам электростанций. В антологии представлен переводом стихотворения О. Дриза, сделанным в 1967 г. с голоса – по устному авторскому подстрочнику. С начала 2000-х гг. в США.

Лемыш Анатолий Владимирович

(1950, Москва)

Поэт-песенник, журналист и писатель. Автор сборника стихов и аудиокассеты «Венок сонат Киеву».

Луків Микола Володимирович

(1949, с. Куманівці, Вінницька обл.)

Український поет і редактор, автор збірок «Ріка», «Шлях», «Політ» і ін.

Мазур Геня

Поет, живет в Кишиневе.

Мамут Феликс

Жил или живет в Кривом Роге. Дополнительными сведениями не располагаем

Маркиш Давид Перецевич

(1939, Москва).

Писатель, переводчик, сын Переца Маркиша. В антологии представлен переводом стихов своего отца.

Маркиш Перец Давидович

(1895, местечко Полонное на Вольни – 1952, Москва)

Еврейский советский поэт и писатель, писал на идише. Член Еврейского Антифашистского комитета. Арестован в 1949 г. и расстрелян в 1952 г., посмертно реабилитирован. В антологию включена заключительная часть его поэмы «Война» (1941-1948), вышедшей на идише отдельной книгой «Мелкома» (Гурарий – ее главный герой).

Матійко Олександр Михайлович

(1919, с. Івки, Київська обл. - 2005, Київ)

Український поет, учасник оборони Києва в 1941 г. Автор поетичних збірок «На стрільводі», «День починається сонцем» і ін.

Межиборский Борис Моисеевич

Поэт, с 1996 г. в Израиле.

Межиборский Марк

(? – 2017, Израиль)

Печатался на сайте Стихи.ру под псевдонимом бен-Галут, автор книги «Еврейские стихи на русском языке».

Міньковецькій Дмитро Соломонович

(1924, Москва)

Український поет, ополченець – учасник оборони Києва в 1941 р. Пережив окупацію під чужим прізвиськом, був викрадений в Третій Рейх на примусові роботи. Його батько і дві молодші сестри загинули в Бабиному Яру.

Мнацканыя Сергей Мигранович

(1944, Москва – 2021, Москва)

Поэт и литературный критик, сотрудник редакции газеты «Московский комсомолец». Автор сборников «Станционная ветка», «Снежная книга», «Вздых» и др.

Могилевич Миша (Михаил) Ехунувич

(1920, Чернобыль, Киевская обл. – 1986, Киев)
Еврейский поэт, писал на идише. Участник Великой Отечественной войны. Автор поэтич. сб. на идише «Офнгарцикайт», а также сборников стихов, в пер. на укр. и рус. яз.

Муратов Ігор Леонтійович

(1912, Харків – 1973, Харків)
Поет, прозаїк, драматург. Учасник Великої Вітчизняної війни, був в полоні. Автор збірок «Багачтя» «Двадцятий полк» і ін.

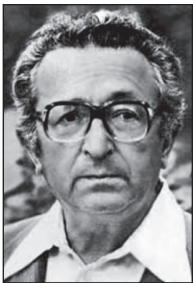
Нейман Юлія Моисеевна

(1907, Уфа – 1994, Москва)
Поэтесса и переводчица (псевдоним — Ю. Новикова). Именем Юлии Нейман названа одна из центральных улиц в Элисте.

Нерлер (Полян) Павел Маркович

(1952, Москва)
Как поэт и филолог – под псевдонимом Нерлер, как историк, географ и публицист – под своей фамилией. Триптих «Умань и Бабий Яр» впервые опубликован в: Нерлер П. Високозные круги. Стихи 1970–2012 гг. М.: Водолей, 2013. С. 156–158.

Озеров (Гольдберг) Лев Адольфович

(1914, Киев – 1996, Москва)
Поэт, переводчик, военный корреспондент. Автор сборников «Ливень», «Светотень», «Земная ось» и др., книг о поэзии («Мастерство и волшебство», «Биография стихотворения» и др.). См. о нем в очерке П. Поляна «Интернационал антисемитов» во 2-й книге настоящей антологии.

Олафсон Інгвар

Відомостями не володіємо

Ольшанская Евдокия Мироновна

(1929, Киев – 2003, Киев)
Поэтесса и эссеист, литературовед, мемуарист. Автор сборников «Диалог», «Сиреневый час», «Причастность» и др.

Осадчук Петро Ількович

(1937, Острівець, Івано-Франківська обл. – 2014 року, Київ)

Український поет, автор збірок «Ясний світ», «Лінія життя» та ін.

Павличко Дмитро Васильович

(1929, с. Стопчатів, Івано-Франківська обл.)

Поет, перекладач і журналіст, автор багатьох поетичних збірок. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка.

Первомайський Леонід Соломонович

(Гуревич Ілля Шлемович)

(1908, Красноград, Харківська обл. – 1973, Київ)

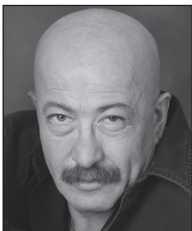
Поет, військовий кореспондент. Автор збірок «Трипільська трагедія», «Героїчні балади», «Присяга воїна», «Земля» і ін.

Потапова (Длигач) Вера Аркадьевна

(1910, Київ – 1992, Москва)

Поет и переводчица с идиша, ученица С. Я. Маршака. В настоящей антологии представлена переводом С. Галкина на русский язык.

Розенбаум Александр Яковлевич

(р.1951, Ленинград)

Поет и бард. В его репертуаре – песня на вошедшие в антологию стихи.

Розенберг Шимон

(1949, Иерусалим – 2007, Иерусалим)

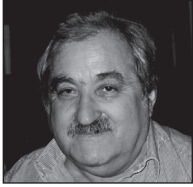
Сведениями не располагаем.

Рывлин Аркадий Исаакович

(1915, Киев – 2007, США)

Поэт, руководитель литературных студий в Киеве. Автор сборников «Цветы от Маяковского», «Женщина Рубенса» и др., в том числе книги «Плач по нерожденному», посвященной памяти Бабьего Яра. В начале 1990-х гг. эмигрировал в США.

Сапгир Генрих Вениаминович

(1928, Бийск – 1999, Москва)

Поэт, писатель, переводчик и сценарист. В настоящей антологии представлен переводами стихотворений О. Дриза.

Сіренко Михайло Петрович

(1936, с. Дружня, Київська обл.)

Український поет, автор кількох поетичних збірок.

Соломко Ангеліна

(1968, Біла Церква, Київська обл.)

Поет, автор збірки «Шумлять тисячоліть води».

Сосюра Володимир Миколайович

(1898, Дебальцеве, Донецька обл. – 1960, Київ)

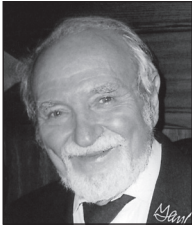
Український поет, військовий кореспондент. Лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка. Автор збірок «Червона зима», «Коли зацвітуть акації» і ін.

Титова Людмила Витальевна

(1921, Киев – 1993, Киев)

Поэт и переводчица. При жизни почти не печаталась, первая крупная публикация – подборка в поэтическом сборнике «Эхо Бабьего Яра» (1991). Посмертный сборник стихов: «Я хотела совсем иначе». См. о ней в очерке П. Поляна «Первые стихи: взгляд из-под оккупации» в наст. издании, кн.2.

Торчинский Ян Маркович

(1934, Киев – 2009, Чикаго)

Поэт и ученый-теплотехник. Публиковал подборки стихов в Украине, в России и США. С 1992 г. в США.

Трубкин Яков – сведениями не располагаем.

Тичина Павло Григорович

(1891, с. Піски, Чернігівська обл. – 1967, Київ)

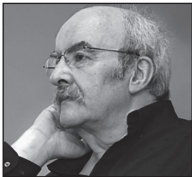
Український поет і громадський діяч, лауреат Державної премії ім. Т. Г. Шевченка, автор збірок «Сонячні кларнети», «Замість сонетів і октав», «В космічному оркестрі» та ін. В роки війни – в евакуації в Уфі. У 1943–1948 рр. нарком освіти УРСР.

Фалькович Григорій Аврамович

(1940, Київ)

Поет, автор збірок «Високий мить», «Сповідуюсь, усе беру на себе ...» та ін. Голова правління Київського єврейського культурно-просвітницького товариства ім. Шолом-Алейхема.

Фішбейн Мойсей Аврамович

(1946, Чернівці – 2020, Київ)

Український поет, літературний секретар М. П. Бажана. З 1979 р. в Ізраїлі. Автор книги віршів «Збірка без назви», Нью-Йорк, 1984). У 2003 р повернувся в Україну.

Фрухтман Лев Петрович

(1936, Кишинёв, Бессарабия, Румыния)

русский поэт, переводчик с идиша, публицист, литературовед, литературный критик. См. в наст. издании, кн.2, рассказы И. Кипниса в его переводе.

Хабинский Марк

Поэт и журналист. Жил в Германии.

Хелемский Яков Александрович

(1914, Васильков, Киевская обл. – 2003, Москва)

Поэт и переводчик, военный корреспондент. Автор сборников «В пути», «Середина лета», «Тревожная тетрадь» и др.

Чайка Татьяна Алексеевна

(1947, Белая Церковь, Киевская обл.)

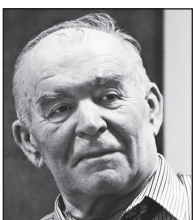
Поэт и философ, исследователь Холокоста. В Израиле с 2015 г.

Чепела Шуламита (Ирина)

(1958, Первоуральск, Киргизия)

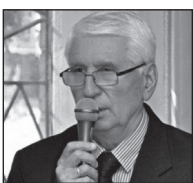
Писатель, поэт и общественный деятель.

Череватенко Леонід Васильович

(1938, Дніпропетровськ – 2014, Київ)

Поет і кіносценарист. Автор збірки «Закляте залізо».

Черепков Владимир Фёдорович

(1947, Бахмут, Донецкая обл.)

Украинский поэт и политик. Автор сборников «Ладонь души», «Ясенец», «Добро и зло» и др.

Чернин Велвл

(1958, Москва)

Еврейский поэт и переводчик, этнограф и литературовед, редактор ряда еврейских «самиздатовских» периодических изданий 1980-х гг. на идише и на русском языке. С 1990 г. в Израиле. Автор поэтических сборников на идише и на иврите.

Чернявский Шлойме Борисович

(1909, Ковель, Волынская обл. – 1974, Киев)

Еврейский поэт, писал на идише. Автор сборников «Пламенная юность», «Лирика» и др.

Чичибабин (Полушин) Борис Алексеевич

(1923, Кременчуг, Полтавская обл. – 1994, Харьков)

Поэт, участник Великой Отечественной войны. В 1946 г. арестован и осуждён за антисоветскую агитацию. Автор сборников «Молодость», «Мороз и солнце», «Мои шестидесятые» и др.

Чудний Валентин – сведениями не располагаем

Швець Василь Степанович

(1918, Київська обл. – 1993, Київ)

Український поет, учасник Великої Вітчизняної війни, автор збірок «Добрий ранок, Україно!», «Лірика», « Схід сонця» та ін.

Шехтер Марк Ананьевич

(1911 – 1963, Москва)

Поет и переводчик, военный корреспондент. Автор сборников «Конец Екатеринослава», «Лирика», «Радуга» и др.

Эренбург Илья Григорьевич

(1891, Киев – 1967, Москва)

Русский поэт, писатель и публицист. В годы войны – корреспондент газеты «Красная звезда», назывался Гитлером в числе злейших врагов Германии. См. о нем в очерке П. Поляна «Соло для Евтушенко из трех дуэтов и хора читателей» в наст. издании, кн.2.

Ющенко Олексій Якович

(1917, с. Хоружівка, Сумська обл. – 2008, Київ)

Український поет, журналіст і редактор, писав українською мовою. Автор численних книг.

ЯР СМЕРТІ — ЯР ПАМ'ЯТІ

Вірші про Бабин Яр

Антологія

До 80-річчя розстрілу київських євреїв

Книга 1

Дизайн обкладинки: *Міла Костяна*
Редактор і коректор: *Мирослава Карацуба*
Макет і комп'ютерна верстка: *Олена Григоренко*

Підписано до друку 29.08.2021 р.
Папір Munken Lунх 90.
Гарнітура Charter. Друк офсетний.
Умовн. друк. арк. 24,05. Обл. вид. арк. 20,25
Наклад 1000 прим.

БО «БФ «Меморіал Голокосту «Бабин Яр»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої
справи до державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК №7139 від 02.09.2020 р.
Тел. (044) 233-66-17
E-mail: info@babunya.org
www.babunya.org

Видавничий дім Дмитра Бураго
Свідоцтво про внесення
до Державного реєстру ДК № 2212 від 13.06.2005 р.
e-mail: info@burago.com.ua
www.burago.com.ua
Адреса для листування: 04080, м. Київ-80, а/с 41

БАБИН ЯР

Меморіальний центр
Голокосту «Бабин Яр»
babynyar.org

Страшное место
из страшных мест!
- Ольга Анстей -

Я бы говорил, но пишу на бумаге...
- Юрий Цыркун -

Я влюбилась в Бабин Яр,
Григорий Яковлев

Бабин Яр,
ангелічний рай...
- Тамара Гавриш -

Бабин Яр, що я живу...
- Ида Пинкерт -

Бабин Яр, твоє поле блукали...
- Надежда Бажан -

На меня надвигаются рвы...
- Рива Балясная -

Я кричала в крик
до последнего рывка...
- Людмила Сидорова -

Мы как вригали,
Тамара - барань,
Илья - зренбура

Бабин Яр, це не місце...
- Людмила Сидорова -

Бабин Яр, це не місце...
- Яков Хелемський -

Кровавый Яр, это не место...
- Наталья Родина -